

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Путь в науку

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов исторического факультета*

Выпуск 3

Ярославль 1997

ББК Т 3(0)
П 90

П 90 **Путь в науку:** Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук А.М. Селиванова. Ярославль, 1997. Вып. 3. 176 с.
ISBN 5-230-20487-7

Сборник содержит результаты научных исследований аспирантов и студентов исторического факультета по различным проблемам отечественной и мировой истории. Статьи подготовлены на основе широкого использования литературы, опубликованных и архивных документальных источников, мемуаров и периодической печати.

Сборник может быть полезен всем, кто интересуется историей, в том числе и исследователям, изучающим затронутые в его статьях проблемы.

Редакционная коллегия: проф. А.М. Селиванов (отв. редактор), проф. М.Е. Ерин, проф. В.В. Черновская, доц. В.Н. Дегтерев-ская, доц. В.М. Марасанова

ISBN 5-230-20487-7

© Ярославский государственный университет, 1997

И.В. Никитин

Ярославль и татаро-монгольское нашествие 1238 г.

Татаро-монгольское нашествие, обрушившееся на Северо-Восточную Русь, тяжело сказалось на развитии ее экономики, культуры, духовной жизни. В результате монгольских завоеваний особенно сильно пострадали города. Очень тяжелы оказались для них последствия монголо-татарских походов: значительное сокращение населения, снижение уровня ремесленного производства и торговли, прекращение каменного строительства, упадок городской культуры. Города Северо-Восточной Руси в разной степени подверглись разгрому завоевателей. Владимир, Суздаль, Переславль, Юрьев в результате нашествия Батыя и последующих карательных экспедиций пришли в запустение и долгое время не могли оправиться от разрушений. Другие города пострадали меньше. К такому, на наш взгляд, относится и Ярославль.

Вопрос об истории городов Северо-Восточной Руси, и в частности Ярославля, в отечественной историографии разработан явно недостаточно, что главным образом связано со слабостью источниковой базы. О Ярославле XIII в. мы имеем лишь отрывочные сведения. После событий 1238 г. летописи редко и коротко говорят о Ярославле, хотя есть все основания полагать, что здесь велось собственное летописание. По мнению В.О. Ключевского, Житие ярославского князя Федора Ростиславовича Черного в редакциях конца XV и XVI вв. составлено на основе какого-то не дошедшего до нас летописного материала¹. Мы, однако, этим источником не располагаем.

Важные сведения по истории Ярославля в татаро-монгольский период дают археологические материалы. Благодаря данным археологии можно судить об уровне и основных направлениях городской экономики, о пожарах и разрушениях и т.д. Исследования последних лет существенно дополнили сообщения письменных источников, а в ряде вопросов внесли определенные коррективы, о которых речь пойдет далее.

В исследовательской литературе, посвященной монголо-татарскому нашествию, Ярославль упоминается время от времени как один из городов, испытавших на себе тяжесть походов Батыя. Это малообоснованное утверждение повторяется практически во всех работах по истории Северо-Восточной Руси указанного периода, во всяком случае разгром татарами Ярославля в 1238 г. у большинства исследователей не вызывает сомнения. Авторы этих работ в основном опираются на сообщение Лаврентьевской летописи, содержащей наиболее полный рассказ о Батыевом нашествии: "... и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьского, а ини идоша на Переяславль и ть взяша, ... и несть места, ни веси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земли, и взяша городов 14, опрочь слобод и погостов во один месяц февраль"².

Нужно отметить, что эта часть Лаврентьевской летописи была переработана и отредактирована во второй половине XIV в., за несколько лет до Куликовской битвы, и "... имела целью дать читателю исторические примеры мужественной вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами"³. В этой летописной повести имеется много заимствований из предыдущей части летописного повествования. В частности, для описания захвата татарами Суздальской земли использован рассказ о половецком набеге на Киев в 1203 г., разграбление Владимира практически полностью совпадает с описанием разгрома половцами Киева и т.д.

Если сравнить повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи с соответствующими частями других летописей, то легко обнаружить некоторые расхождения. Так, в Лаврентьевской летописи описывается многодневная осада Владимира. Согласно же Ипатьевской летописи город был сдан в первый же день: "Сам (Всеволод. - *И.Н.*) из града изшеде с малом дружины и несы с собою дары многии, надеяше бояся от него живот прияти..."⁴. По Лаврентьевской летописи Юрий Всеволодович отошел на Сить, Новгородская Первая летопись сообщает, что он "бежа на Ярославль"⁵. О Ситском сражении Лаврентий пишет, что "бысть сеча зла"⁶. Та же Новгородская Первая летопись повествует, что "князь же, не успев ничто же, побеже"⁷. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи - очень сложный источник, и при использовании необходимо учитывать его особенности и обстоятельства, при которых этот рассказ создавался.

В тексте Лаврентьевской летописи обращает на себя внимание определение летописцем того, как были захвачены упомянутые города: если Переславль татары "взяша", то относительно городов Поволжья и Ростова применено другое определение - "плениша". Определение "взяша" летописец употребляет и при описании захвата татарами Владимира и Суздаля, которые оказали войскам Батыя сопротивление и в конечном итоге были разгромлены, разорены, а население уничтожено. Ярославль же упоминается наряду с Ростовом, который избежал участи своих южных соседей. Ростов, как признается большинством исследователей, разгрому и разрушению не подвергся, и, по-видимому, сдался захватчикам без боя. Вместе с Ростовом татары "плениша" Ярославль и некоторые другие города, также, вероятно, не оказавшие сопротивления завоевателям. Во всяком случае о сопротивлении этих городов нет летописных свидетельств.

Как видно, общий ход ведения боевых действий не предполагал защиты Ростова, Ярославля и Углича. Юрий Всеволодович, оставив часть войск во Владимире, отошел на Сить с тем, чтобы успеть собрать силы для отпора неприятелю. Защитники же Владимира поэтому старались затянуть осаду и не сдавать город как можно дольше. За время осады монголо-татары успели захватить и Суздаль. Быстрый захват Владимира, вероятно, явился неожиданностью для Юрия Всеволодовича, поскольку к моменту Ситского сражения туда не успели дойти некоторые русские князья с дружинами. Например, Иван Всеволодович "сам хотел к Юрию с малым войском пройти, но не успел". На Сить отошли со своими дружинами и все Константиновичи: Всеволод Ярославский, Василько Ростовский и Владимир Угличский, оставив без защиты свои стольные города. Причиной тому было умелое ведение татарами осадных действий, в связи с чем

оставаться каждому в своем городе было рискованно. Плано Карпини пишет, что "... татары любят лучше, чтобы запирались от них в городах, нежели сражаться с ними в чистом поле"⁸. Таким образом, Ярославль, Ростов и Углич перед надвигающимся неприятелем остались без князей и войска, а самостоятельно обороняться, разумеется, не могли. В такой ситуации уместно предположить, что вышеупомянутые города сдались татарам без боя и те не учинили там такого разорения, как в оборонявшемся Владимире.

В практике ведения войны монголо-татарами известны такие случаи, когда добровольно сдавшиеся города не разрушались и не грабились завоевателями, а население не истреблялось. Плано Карпини пишет, что татары "... ласковыми словами ободряют осажденных, обещают им много, чтобы они сдались. Если же они сдадутся, то говорят им: выйдите да одарим вас по нашему обычаю"⁹. Этот же автор сообщает, что монголы, "... если можно, неохотно вступают в бой"¹⁰. Известно, что монголо-татары вели переговоры и с защитниками Владимира, которые, однако, ничем не закончились, после чего последовал захват и разграбление города. Ярославль, Ростов и Углич, по нашему мнению, сопротивления не оказали. Относительно Углича есть прямое свидетельство местного летописца: "Граждане, сущии во ужасе и в недоумении видяще круг града воинство, его же исчести не можно, самовольно сдасяся и, изшедше к Батью, принесоша свои имения". И далее: "... видя Батый, яко покоряются граждане и самовольно град сдают, запрети своим воем, дабы никакого кровопролития и разорения не чинили граду Угличу"¹¹. Все закончилось наложением дани, и, простояв несколько дней, монголы отошли от города. По мнению ряда исследователей, фраза в Новгородской Первой летописи "Ростов и Суждаль разьидеся розно"¹² является доказательством того, что и Ростов избежал монголо-татарского разгрома. О захвате татарами Ярославля в летописях никаких свидетельств нет. По мнению А.Н. Насонова, разрушений и разорения избежала и Тверь¹³.

Из всех городов Северо-Восточной Руси, помимо Владимира, летописи довольно определенно говорят лишь о сопротивлении Торжка и Козельска. Торжок, как известно, рассчитывал на помощь Новгорода, чем и было вызвано отчаянное сопротивление его жителей. Осада же Козельска затянулась на 7 недель, и в ходе боевых действий татары понесли значительные потери. Кажется странным, почему рассказ об обороне Козельска отсутствует в Лаврентьевской летописи. Среди захваченных монголами городов в Новгородской Первой летописи названы Владимир, Суздаль, Москва, Переславль, Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь и Торжок¹⁴; в Воскресенской летописи - Владимир, Суздаль, Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, Торжок и Козельск¹⁵. Как видно, Ростов, Ярославль и Углич не упоминаются. Ничего не говорят об этих городах и другие летописные источники. Можно предположить, что быстрый захват в течение месяца 14 городов был следствием того, что лишь в ряде случаев татары встретили серьезное сопротивление (достаточно вспомнить о 7-недельной осаде Козельска).

Доказательством того, что Ярославль избежал участи других городов Северо-Восточной Руси, служат и результаты архитектурно-археологических исследований трех ярославских каменных храмов: Успенского и Спасо-

Преображенского соборов и Входиерусалимской церкви. О том, что эти храмы пострадали в XIII в., в ходе исследований никаких материалов не получено. Известно, что в других городах монголы жгли храмы и монастыри. Яркий пример тому - разгром церкви святой Богородицы во Владимире. В Суздале также "... святу Богородицу разграбиша, и двор княж огнем пожгоша и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша"¹⁶. Ярославские же каменные постройки не разрушали и не жгли за все время татаро-монгольского владычества на Руси.

Археологические исследования, проводимые в Ярославле в последние годы, дают некоторые материалы по истории города в данный период. В результате раскопок на территории "Рубленого города" и за его пределами установлено, что наиболее ранние напластования, относящиеся к XI-XIII вв., большей частью уничтожены строительством, особая интенсивность которого приходится на XIV в.¹⁷. Наибольший же интерес в данном случае представляют участки с сохранившейся древнейшей стратиграфией. Судя по профилям раскопов и разведочных шурфов, выразительных пожарных прослоек, соответствующих данному времени, не читается. Анализ вещевого и керамического материала также не позволяет говорить о серьезном упадке городской экономики по сравнению с предыдущим периодом. Хотя Н.Н. Воронин отмечал, что "... слой монгольской поры XIII-XIV вв. ... очень беден"¹⁸, отложения более раннего времени также не отличаются большим количеством материала. Из всех предметов вооружения, найденных в Ярославле, типично татаро-монгольскими являются лишь два наконечника стрел, и те датируются не ранее первой половины XIV в.¹⁹

Таким образом, археологические и архитектурно-археологические материалы подтверждают предположение о том, что Ярославлю удалось избежать разгрома и разрушений в 1238 г.

После разорения татаро-монголами Северо-Восточной Руси смещаются центры экономической, культурной и общественной жизни. Владимир, Суздаль, Переславль долгое время были в запустении. На первый план выдвигаются города, находящиеся на окраинах; вновь заметно выделяется Ростов. Ярославль, ни разу до конца XIII в. не подвергшийся разгрому монголо-татарами, имел по сравнению с другими городами Северо-Востока неплохие условия для развития экономики и городской культуры. Именно города, в меньшей степени испытавшие тяжесть татарского нашествия, начинают играть заметную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси. К таковым, по нашему мнению, относился и Ярославль.

Примечания

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 172-173.

² ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 198.

³ Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Вып. 28. Л., 1974. С. 91.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 176.

⁵ Там же. 1841. Т. 3. С. 51.

- ⁶ Там же. Т. 1. С. 198.
⁷ Там же. Т. 3. С. 51.
⁸ Плано Карпини и Асцелин. Собрание путешествий к монголам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. С. 211.
⁹ Там же. С. 181.
¹⁰ Там же. С. 176.
¹¹ Труды ЯГУАК. Вып. 1. Ярославль, 1890. С. 91-92.
¹² ПСРЛ. Т. 3. С. 52.
¹³ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 48.
¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 51-52.
¹⁵ Там же. 1856. Т. 7. С. 141-143.
¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 197.
¹⁷ Праздников В.В. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1993 году. Ярославль, 1994.
¹⁸ Воронин Н.Н. Раскопки в Ярославле // Моск. ин-т археологии 1949. N 11. С. 192.
¹⁹ Праздников В.В. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1994 году. Ярославль, 1995.

А.Л. Лебедев

Взгляды Патрика Гордона на внешнеполитические проблемы России и ее участие в антиосманской коалиции 1684 г.

Московское государство, пережив ряд кровопролитных войн и внутренних потрясений, сумело существенно расширить свои пределы во второй половине XVII в. Вхождение в состав России Левобережной Украины и попытки установить контроль за Правобережьем не только приблизили границы страны к агрессивному Крымскому ханству, но и привели к столкновению непосредственно с Османской империей, вылившемуся в войну 1676-1681 гг. По условиям Бахчисарайского мира Турция признавала переход Левобережной Украины к России, но при ратификации договора изменила его редакцию, начав укреплять "свою" часть нейтральной зоны между Бугом и Днепром, а после московского восстания 1682 г. принимала русских дипломатов неуважительно¹. Крымские татары продолжали нападать на южные пограничные земли и после заключения мира. Сохранялась угроза возобновления войны с Речью Посполитой.

После неудачной попытки османов овладеть Веной в 1683 г. в Европе возникает антитурецкая коалиция - Священная лига христианских государств Австрии, Польши, Венеции под номинальным руководством папы Иннокентия XI. Члены лиги пытались вовлечь в военный союз и Россию. В начале 1684 г. в Москве ожидали имперское посольство и готовились к переговорам о возможном вступлении в войну, опасаясь в то же время портить отношения с султаном до получения гарантий безопасности со стороны Польши. В январе 1684 г. донским казакам была направлена грамота, подтверждавшая запрет нападать на ту-

реки корабли и города². Принять решение о дальнейшей политике по отношению к османам было нелегко. Среди лиц, с которыми князь В.В. Голицын обсуждал варианты дальнейших действий, был и Патрик Гордон, в то время генерал-лейтенант, шотландец, долгие годы прослуживший в России и прибывший в январе 1684 г. в Москву из Киева хлопотать о своем переводе в столицу. Сведения о секретном совещании главы Посольского приказа с Гордоном и последующих событиях сохранились в дневнике иностранца.

Дневник Патрика Гордона впервые был использован как исторический источник Г.З. Байером при составлении "Краткого описания всех случаев, касающихся до Азова". Рассматривая предысторию Азовских походов Петра, немецкий историк писал и о переговорах с имперским посольством 1684 г., еще до начала которых Гордон "пытался склонить бояр к сему столь полезному союзу". Байер изложил в своем сочинении часть поданной шотландцем В.В. Голицыну записки о причинах, позволяющих России вступить в войну, и ряд других сообщений, указав, что "помянутые известия взяты из свояручного журнала генерала Гордона, которые тем приятнее будут, что о сих случаях от чужестранных писателей ничего основательного не объявлено, и они при том между собою не согласны"³. Книгу Байера, изданную впервые в 1734 г., накануне новой русско-турецкой войны, можно считать первой публикацией части дневника Гордона на русском языке. Перевод работы с немецкого был выполнен И.К. Таубертом. В настоящее время предпочтительнее пользоваться переводом этой части дневника П.М. Майкова, сделанным непосредственно с английского оригинала. Обратимся к этой публикации, незаслуженно забытой в современной историографии⁴.

Гордон писал, что во время их тайного совещания с В.В. Голицыным, на котором обсуждалась обстановка на Украине и возможность присоединения к Священной лиге, князь "был очень склонен" предпринять нападение на Крым, но полагал, что в тот момент Россия столкнулась со многими затруднениями, осложнявшими это. Гордон, напротив, пытался доказать возможность и выгоду скорейшего похода на Крым. На следующий день, 17 января 1684 г., генерал подал Голицыну свои рассуждения об этой войне, изложенные по просьбе князя в письменном виде. В своей записке Гордон признавал ситуацию настолько сложной, что трудно дать ответ, соблюдать ли мир или начать войну. Вначале он указывал обстоятельства, по которым мир выглядел необходимым, а затем приводил соображения, на его взгляд ослаблявшие их.

Генерал полагал, что войну вполне можно было начать и при "малолетстве" царей, несмотря на боязнь "блудителей царства" оказаться позже в опале в случае неудачи, так как, по мнению иностранца, война является делом всего государства, и отдельные лица не могут нести ответственность за успехи и неудачи целой страны. Шотландец приводил примеры успешных войн, начатых при малолетних Генрихе V английском и шведской королеве Христине, подчеркивая, что при достижении царями совершеннолетия вражда между стоящими за ними партиями только усилится. Гордон указывал на необходимость некоторых внутривластных мер, которые способствовали бы успеху войны: необходимость устранения "невоенных" от управления армией и руководства войной, пополнения казны (тут он приводил пример Польшу, сумевшую в 1658 г. вый-

ти из финансовых затруднений). Возмущений в стране можно было бы избежать, введя в армии строгую дисциплину, поскольку недовольства солдат и народа Гордон считал сходными по проявлениям, но различными по причинам, их вызывавшим.

Надежды на соблюдение турками и татарами мира Гордон считал несбыточными, указывая, что переходы казаков с русской стороны Днепра на турецкую будут расценены как спровоцированные московскими властями и дающие османам право в любой момент развязать войну. Поскольку в Турции оскорбляли русских послов, а татары и после заключения договоров продолжали захватывать тысячи пленных в русских владениях, Россия в случае начала ею войны все равно не считалась бы нападающей стороной. Таков был ответ генерала на нежелание московских правителей выглядеть нарушителями мира и клятвопреступниками. Шотландец полагал, что помощь, оказанная полякам в войне с Турцией, поспособствует уменьшению антирусских настроений в Речи Посполитой и послужит росту авторитета страны среди соседей. В то же время Гордон подчеркивал, что предстоящая война будет недолгой, и, не участвуя в ней, Россия столкнется по ее окончании либо с усилившейся Польшей, либо, что еще хуже, с чрезвычайно усилившейся Турцией, которая попытается подчинить себе все бывшие владения Польши на Украине. Служивший долгое время на южных границах генерал обращал внимание и на казаков - "непостоянное, воинственное население, необычайно расположенное к грабежам", которое поляки в случае неучастия России в войне обязательно попытаются привлечь на свою сторону, а в дальнейшем используют против Московского государства.

Гордон не сомневался в успехе нападения на Крым и опустошения его, необходимого еще и потому, что, предприняв его, Россия совершит угодное Богу дело и освободит из неволи тысячи христиан, приобретя величайшую славу, которую когда-либо получала нация, освободившая не только себя, но и других. Кроме того, разгромив Крым, Московия избавилась бы от необходимости ежегодной уплаты дани. Шотландец несколько наивно указывал на возможность обогащения России в результате захвата Крыма, ссылаясь на рассказы возвращающихся оттуда пленников о несметных богатствах, награбленных татарами и зарытых теперь в землю.

С военной точки зрения генерал подчеркивал легкость осуществления нападения: войскам предстояло двигаться, не встречая воды, только два дня, а равнинная открытая местность позволяла всю дорогу идти в боевых порядках. В походе Гордон предполагал задействовать 40 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии - силы, которые Московское государство вполне могло отправить в поход. Генерал полагал, что Россия очень ошибется, если будет надеяться долгое время пользоваться миром, находясь среди воинственных государств, и считал вредным и опасным воздерживаться от войны, когда все соседи "чрезвычайно прилежно упражняются в войнах".

Возникает вопрос, что заставило Гордона, получившего неплохое для своего времени европейское образование, имевшего огромный военный опыт, давно служившего в России и глубже многих других иностранцев понимавшего происходящие в ней события, настойчиво отстаивать мнение о необходимости совместных военных действий со странами Священной лиги в момент, когда

еще не были урегулированы отношения с Речью Посполитой - давним и еще опасным противником. В историографии высказывалось предположение о принадлежности Гордона к ордену иезуитов⁵. Это могло бы объяснить его настойчивость, но гипотеза не представляется достаточно обоснованной, хотя несомненно: хорошо известная приверженность шотландского наемника католицизму способствовала стремлению вовлечь Россию в союз с католическими государствами, руководимый папой.

Длительная служба Гордона на южных границах позволила ему составить представление об отношении Турции и Крыма к заключаемым договорам и привела его к убеждению в необходимости жесткой внешней политики на этом направлении. В то же время его дневник свидетельствует о хорошем знании внутривосточной обстановки и попытке ее анализа в связи с предстоящими внешнеполитическими акциями. Впрочем, говоря об ответственности всей страны, народа за начинаемую войну и невозможности обвинения отдельных лиц в ее неблагоприятном исходе, Гордон либо искренне заблуждался, либо просто не хотел видеть реалий русской государственной жизни того времени: позже именно неудачи походов на Крым станут одним из поводов опалы, которой подвергнется В.В. Голицын с началом единоличного правления Петра. Таковы были традиции. Незадолго до рождения Патрика Гордона по обвинению в измене в Москве был казнен воевода Шеин, капитулировавший перед польскими войсками под Смоленском.

Вернувшись к месту службы в Киев еще до прибытия в Москву имперских послов, Гордон получил позже, 5 июля, известие об отказе русской стороны нарушить мир с турками по предложениям римско-католических посланников до заключения вечного мира с Польшей. В своем дневнике генерал никак не прокомментировал это известие.

Примечания

¹ Богданов А.П. Первые российские дипломаты // Знание. Сер. История. 1991. N 9. С. 51.

² Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII веках. М., 1946. Т. 2. С. 170.

³ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1768. С. 144-152.

⁴ Майков П.М. Дневник генерала Гордона // Русская старина. 1916. Кн. 2. С. 310-319. В одной из последних работ, посвященных Гордону, об этой публикации даже не упоминается (см.: Петросьян А.А. Шотландский наставник Петра I и его "Дневник" // Вопросы истории. 1994. N 9. С. 161-166).

⁵ Лимонов Ю.А. Россия в западноевропейских сочинениях XV-XVII веков // Россия XV-XVII веков глазами иностранцев. Л., 1986. С. 15.

О.Г. Коротаева

Ярославль во всероссийском рынке XVII в. (к историографии проблемы)

Проблема складывания всероссийского рынка является одной из самых дискуссионных в отечественной историографии. Многоплановость проблемы очевидна. По вопросам роста городов и торгово-промышленного населения, развития мелкотоварного производства, собственно рыночных отношений в XVII в. и другим вопросам, связанным с этой проблемой, существует немало работ. Однако до сих пор остаются спорными вопросы о датировке этого процесса, о связи формирующегося всероссийского рынка с развитием капиталистических отношений в стране. Особенно много разногласий по вопросу о степени развития капиталистических отношений в России в XVII в.

Решение вопросов, связанных с проблемой всероссийского рынка, в отечественной историографии во многом тормозилось абсолютизацией известного высказывания Ленина в работе "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" о том, что примерно с XVII в. происходит "действительно фактическое слияние... небольших местных рынков в один всероссийский". Это привело к тому, что исходной посылкой многих работ 40 - 50-х гг., являвшихся в значительной мере лишь иллюстрациями этого высказывания, было признание наличия в России XVII в. уже сформировавшегося единого рынка¹. В настоящее время в отечественной историографии почти единодушно XVII в. признается лишь начальным этапом в его эволюции.

Что же касается понимания природы и характера этого процесса, то здесь разногласия продолжают существовать. Решение вопроса о соотношении эволюции рынка с генезисом капитализма обозначило деление исследователей на две полярные группы. Первая полагает, что зарождение внутреннего рынка как единого товарного (!) рынка происходит в эпоху, предшествующую становлению системы капиталистических отношений; другая, наоборот, считает этап формирования единого национального рынка неразрывно связанным с началом капиталистической эры. Следовательно, "есть лишь один рынок - единый, национальный, капиталистический"². Правда, даже сторонники первой точки зрения признают правомерность изучения проблемы формирования всероссийского рынка как "одной из ведущих проблем генезиса капитализма"³.

Таким образом, обращение к историографии по проблеме всероссийского рынка свидетельствует о недостаточной ее изученности. И то обстоятельство, что на "складывающемся в XVII в. всероссийском рынке Ярославль занимает исключительно важное место"⁴, делает вопрос о роли нашего города в его образовании особенно интересным.

Огромная заслуга в разработке проблемы всероссийского рынка принадлежит С.В. Бахрушину. Одной из самых ранних работ по этому сюжету в отечественной историографии является его статья "Ярославские торги в XVII в.". Главное значение ее мы видим в том, что автор показал специфику ярославской торговли, выражавшуюся в связи с местным производством⁵. В целом нужно

отметить широкую проблематику трудов Бахрушина, касающихся торгово-промышленного развития Ярославля в XVII в. Направление торговых связей города на внутреннем и внешнем рынке, ассортимент товаров, формирование купеческих капиталов Ярославля - сюжеты его работ, раскрытые на обширном архивном материале. В рамках вопроса об организации соляных и рыбных промыслов Светешниковым интересное разрешение получил вопрос о вкладывании средств, накопленных в торговле, в производство⁶. Один из интереснейших аспектов в работах Бахрушина - участие в ярославской торговле окрестных монастырских и помещичьих крестьян. Особый интерес исследователя к категории торговых крестьян обусловлен "значительным участием их наряду с посадом в образовании нового купеческого чина"⁷.

Итак, С.В. Бахрушин первым обозначил в отечественной историографии проблему всероссийского рынка и значение Ярославля в его образовании, апробировал таможенные книги различных городов России, входивших в орбиту торговых связей города, в качестве источников по торгово-промышленному развитию Ярославля (собственно ярославские таможенные книги не сохранились). В методологическом плане влияние ленинской "концепции" всероссийского рынка в работах Бахрушина слабее, чем в последующей историографии. Поэтому в его трудах не всегда четко прослеживается связь проблемы рынка с вопросами развития способа производства, общественного разделения труда и т.д., что стало признаком правильной постановки проблемы рынка в дальнейшем.

Появившуюся в 1929 г. статью О.А. Константиновой о посаде Ярославля в 1646 г. можно рассматривать как проявление интереса к обозначенной проблеме со стороны ярославских историков. Хотя, на первый взгляд, изучение переписи 1646 г. не стоит в прямой зависимости от проблемы всероссийского рынка, выводы автора весьма интересны с точки зрения вопроса о численности и тенденциях развития торгово-промышленного населения города. Так, по мнению Константиновой, перепись 1646 г. "выявляет в ярославском посаде стремление местных торгово-промышленных людей сословно отмежеваться от других общественных групп... вобрав в себя всех не посадских, занимавшихся торговлей и промыслами"⁸.

Таким образом, изучение проблемы обогатилось за счет введения в научный оборот, наряду с таможенными книгами, другого массового источника - переписных книг Ярославля XVII в. Этот источник является уже одним из основных для О.П. Дьяконова, продолжавшего исследование проблемы в 40-е гг. Именно большую численность населения, связанного с торгами и промыслами, сведения о которой автор черпает из переписных книг первой половины XVII в., Дьяконов считает решающим фактором в процессе превращения Ярославля в крупный торговый и ремесленный центр. Один из главных сюжетов в работах исследователя - борьба посада со Спасским монастырем, торгово-промышленное население которого "было слишком неприятным конкурентом для посадских"⁹. В результате единодушного наступления на монастырь ярославского посада последний получил жалованную грамоту от 30 апреля 1648 г. о причислении монастырских слобод к посаду. Этот факт объясняет, по мысли автора, неучастие Ярославля в июньском восстании 1648 г.¹⁰

Тема посадского строения и борьбы ярославского посада с закладничеством получила развитие в известной монографии А.Г. Манькова о развитии крепостного права в России во второй половине XVII в. Маньков пришел к выводу, что указам 1677 г. и 1685 г. о передаче крестьян Спасского монастыря ярославскому посаду было придано общее значение. Эти указы "сыграли роль важного прецедента при решении подобного рода вопросов в других городах"¹¹.

Дальнейшее изучение темы связано с расширением источниковой базы исследований. Так, Л.В. Данилова в равной мере использует в качестве источников как таможенные книги XVII в., так и переписные книги Ярославля второй половины XVII в. Последние выступают как источники по вопросу о развитии мелкой промышленности и промыслов Ярославля в этот период. Наряду с этими, традиционными для настоящей проблемы, она вводит в научный оборот и новые источники, например, оброчную опись 1691 г., сохранившуюся в публикации в "Ярославских губернских ведомостях"¹².

В методологическом плане Л.В. Данилова исходит из признания положений Ленина о всероссийском рынке. Изучение проблемы рынка она ведет в контексте проблемы генезиса капиталистических отношений в России и связывает ее с изучением промышленности русских городов. Ярославль привлекает внимание автора тем, что здесь "особенно ярко можно наблюдать проявление новых черт в экономике России начала "нового периода" ее истории"¹³.

Объектом внимания исследователя стал также вопрос о природе межобластных торговых связей Ярославля на начальном этапе формирования всероссийского рынка¹⁴. Это ставит работы Даниловой в один ряд с теми исследованиями локального характера, в основу которых была положена история областных рыночных связей в XVII-XVIII вв. В отечественной историографии существуют подобные работы по Смоленску, Устюгу Великому, Тихвину и т.д.¹⁵

Исследование М.Я. Волкова, посвященное городам Верхнего Поволжья и северо-запада России, рассматривает вопрос о влиянии крепостнических отношений на их развитие. Хотя хронологические рамки работы охватывают первую четверть XVIII в., выводы автора вполне справедливы для XVII в., а главное - без учета специфики развития русских городов в XVII в., выразившейся в усилении крепостнических тенденций, невозможно раскрыть вопрос о факторах, влиявших на процесс зарождения капиталистических отношений в стране, в рамках которого происходило складывание всероссийского рынка. Так, утверждение крепостничества, по мысли Волкова, способствовало тому, что в России XVII - начала XVIII в. приток в город жителей деревни не стал существенным источником пополнения постоянного городского населения. Например, зачисление в ярославский посад на основе указов 1687, 1699 и 1700 гг. увеличило численность посадских четырех сотен Ярославля лишь на 5%¹⁶.

Таким образом, отечественная историография единодушно признает значительную роль Ярославля в формировании всероссийского рынка. Однако при этом социально-экономическое развитие города в XVII в. не стало предметом монографического исследования, что в немалой степени обусловлено отсутствием компактных фондов источников. Многие аспекты заявленной проблемы представлены или в материалах статей, или в монографиях на общерусские те-

мы, в которых ярославский материал проходит как частный. Однако говорить о всесторонней изученности проблемы, на наш взгляд, еще рано. Думается, что изучение Ярославля XVII в. позволит выявить многие общие закономерности, касающиеся начального этапа формирования всероссийского рынка. И это делает актуальным, с одной стороны, продолжение конкретно-исторического изучения вопроса, а с другой - глубокого осмысления уже написанного.

Примечания

¹ Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы истории. 1996. N 11. С. 81.

² Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 223.

³ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII - начало XX вв. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 30.

⁴ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 141.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 224-255.

⁷ Бахрушин С.В. Торговые крестьяне // Там же. С. 133.

⁸ Константинова О.А. Ярославский посад по переписи 1646 г. // Труды ЯПИ. Вып. 4. История. Ярославль, 1929. Т. 3. С. 80.

⁹ Дьяконов О.П. К истории ярославского посада в XVI-XVII вв. // Учен. зап. ЯПИ. Вып. 7. История. Ярославль, 1945. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 275.

¹² Данилова Л.В. Торговые ряды Ярославля в конце XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения феодализма в России. М., 1961. С. 83-90.

¹³ Данилова Л.В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII - начале XVIII в. (на материалах г. Ярославля) // История СССР. 1957. N 3. С. 87.

¹⁴ Данилова Л.В. Торговые капиталы Ярославля во второй половине XVII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 128-149.

¹⁵ Митяев К.Г. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х гг. XVII века // Ист. зап. М., 1942. Т. 13; Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Там же. М., 1950. Т. 34.; Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960; Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951; и др.

¹⁶ Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и северо-запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 47.

С.Г. Якунина

Методика учета мануфактур в отечественной историографии

Экономические реформы Петра I в конце XVII - первой четверти XVIII в. оцениваются в историографии и по такому важному критерию, как количество мануфактур, построенных в этот период.

В 1727 г. обер-секретарь Сената И.К. Кирилов в своем экономико-статистическом труде "Цветущее состояние Всероссийского государства" насчитывает "233 завода", существовавших в России к 1727 г.¹ На 233 казенных и частных "фабрики и завода" обнаружил И.К. Кирилов сведения в сенатских архивах, в официальных документах учета состояния экономики страны, в документах Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии и др. До сих пор в историографии ссылаются на данные Кирилова. Однако эти сведения неполны и имеют ряд недостатков: нет названий предприятий; указаны предприятия, на заведения которых было получено разрешение, но отсутствуют сведения, находились ли они в действии; включены в список предприятия типа мастерской и не учтены некоторые крупные предприятия.

Новая попытка подсчета "фабрик и заводов", построенных при Петре I, была проведена историком Д.И. Девятисильной². Она попыталась "дать статистику фабрик по каждому виду промышленности, указать число станков и рабочих каждой фабрики, так как это говорит о силе фабрики"³. Д.И. Девятисильная приводит сведения по предприятиям из опубликованных источников: "Письма и бумаги Императора Петра Великого", "Доклады и приговоры правительствующего Сената", "Полное Собрание Законов Российской Империи", а также из трудов И.И. Голикова "Деяния Петра Великого" и секретаря Государственной Коммерц-коллегии М.Д. Чулкова "Историческое описание Российской коммерции ..." и называет 98 фабрик и заводов, существовавших при Петре I, не включая в это число пильные мельницы и кожевенные заводы. "Всех же фабрик и медных заводов в царствование Петра было 233"⁴, - пишет в итоге исследователь.

Таким образом, проблема количественного учета мануфактур в историографии носила поначалу характер простого статистического описания, не было научной разработки критериев мануфактуры.

Новый качественный сдвиг происходит с появлением работы Е.И. Заозерской⁵, где автор насчитывает 205 мануфактур, существовавших при Петре I. Сведения по предприятиям содержатся в таблице с указанием названия предприятия, времени заведения его, числа рабочих, объема производства и оборудования. Это шаг вперед в научной обработке источникового материала. Но в списке отсутствуют данные по кирпичному, поташному, солеваренному и мыловаренному производствам, недостаточно представлены винокуренное, кожевенное, пороховое производства, а также судостроительные верфи.

Е.И. Заозерская не определяет конкретных характеристик мануфактурного предприятия, по многим предприятиям в списке отсутствуют сведения о про-

дукции, числе рабочих, что не позволяет определить, являлось ли в действительности то или иное предприятие мануфактурой. Но причина этого состояла в слабой изученности большого источникового материала по экономической истории России. Так, историк Н.И. Павленко выделяет эту проблему в историографии⁶.

Тем не менее Е.И. Заозерская за критерий мануфактуры берет такой показатель, как рентабельность производства (размеры его прибыли) и использование наемного труда от 15 и более человек. Другие историки также считают важным в определении мануфактуры количество наемных рабочих на одном предприятии. П.Г. Любомиров определяет мануфактуру с 50 наемными рабочими⁷.

Раскрывая сущность предприятия типа мануфактуры, историки сосредоточивали внимание на таких факторах, как форма используемой рабочей силы, техника производства, разделение труда. Внимательное изучение источников по отдельным отраслям производства позволило современной историографии выработать более четкие методологические критерии мануфактуры по каждой в отдельности отрасли производства.

Историки Н.И. Павленко, К.Н. Сербина, Е.И. Заозерская изучали металлургическую промышленность. На основе накопленного исследовательского материала можно утверждать, что в металлургии мануфактура имела следующую производственную организацию: мастерские и цехи, в центре заводских сооружений находилась плотина, у которой располагалась домна, затем - молотовая и кузницы. Суточная выработка доменного завода составляла 100-120 пудов чугуна⁸.

На основе исследований Е.И. Заозерской мануфактура в текстильном производстве представляла собой предприятие с наемным трудом, с несколькими станами и с выпуском продукции от нескольких десятков до двух сотен тысяч аршин в год⁹.

Н.В. Устюгов определяет в солеварении критерием мануфактуры усолёе, состоящее из нескольких варниц¹⁰.

В кожевенном производстве мануфактурная форма производства, как это исследует М.Я. Волков, возможна на предприятии с небольшим количеством рук - от 6 до 120, с оборудованием от 6 до 50 - 60 чанов¹¹. В винокурении мануфактурное производство имело типовую организацию: цех, солодовенный завод и поварню. М.Я. Волков производит списочный учет предприятий в винокурении, но данные по мануфактурам недостаточно систематизированы¹².

Следовательно, в результате поотраслевого изучения промышленности, максимального использования источников и возможна разработка точных критериев мануфактуры.

Примечания

¹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

² Девятисильная Д.И. Фабрики и заводы в царствование Императора Петра Великого. Историко-экономическое исследование. Киев, 1917.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.

⁶ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953.

⁷ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947.

⁸ Павленко Н.И. Указ. соч.; Сербина К.Н. Крестьянская железодельная промышленность XVI - первой половины XIX веков. Л., 1978; Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков. М., 1970.

⁹ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.

¹⁰ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли-Камской в XVII веке. М., 1957.

¹¹ Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII века // История СССР. 1966. N 1. С. 138-151.

¹² Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII - первая половина XVIII вв. М., 1979.

Д.З. Пономарев

Шелковая промышленность Ярославской губернии

Шелковая промышленность как мануфактурное производство появилась в России в период петровских преобразований. Первой известной шелковой мануфактурой была мануфактура "комнатного истопника" И.Я. Милютина в Москве, основанная в 1714 г. Спустя девять лет, в 1723 г., в Ярославле голландцем И. Тамесом и ярославским купцом Максимом Затрапезновым была основана ленточная мануфактура как отделение Ярославской Большой мануфактуры. Через два года она была поделена между компаньонами¹. Предприятие работало в это время на 68 станков, объем продукции составлял 148 тысяч аршин шелковых изделий². Таким образом, это было весьма крупное предприятие. По сведениям И.К. Кирилова, в 1727 г. в России насчитывалось уже 12 шелковых мануфактур, из которых две находились в Ярославле. Вторая шелковая мануфактура была заведена в 1725 г., но ее владелец неизвестен. В 1755 г. она досталась по наследству купцу Гурьеву.

В 1736 г. к Ярославской Большой мануфактуре было приписано 1 687 человек³, и она приняла характер посессионного предприятия. По ее разделу в 1741 г. между наследниками Максима Затрапезнова шелковая мануфактура досталась сыну Затрапезнова Андрею. Впоследствии она в качестве приданого за его дочерью Прасковьей перешла к Афанасию Гурьеву. В 1754 г. их наследник Иван Гурьев продал предприятие московскому купцу Илье Полуярославцеву, от которого затем оно перешло к сыну известного шелкового мануфактуриста Василию Колосову. В 1731 г. в Ярославле была основана шелковая мануфактура Степаном Москотильниковым, оборудованная 30 ленточными станами. В 1738 г. в компанию с ним вошел его брат Михаил.

Однако в том же году у братьев произошел острый конфликт с Затрапезновым, в результате которого Степан Москотильников был арестован, а мануфактура разорена рабочими Затрапезнова. После этого Михаил Москотильников возобновил работу на мануфактуре, но только на 15 станков, доведя через год их число до 25⁴. Но на этом конфликт не закончился: ярославская провинциальная канцелярия и духовная консистория неоднократно опечатывали мануфактуру, сажали под арест ее владельцев. Причины этого неясны. Возможно, что это была конкурентная борьба. По указу Сената от 1742 г. Москотильниковы возобновили свое производство. Через год на их предприятии действовало 23 ленточных и 4 платочных стана, 8 же станков стояли "по неимению рабочих людей". Размотка шелка производилась на 2 карасы - на 80 и 40 катушек каждый⁵.

В феврале 1744 г. предприятие Москотильникова обследовал чиновник Мануфактур-коллегии Меженинов. Согласно его описанию, оно состояло из трех светлиц, в которых на 1 стане ткали тафту, на 5 - платки и на 25 - ленты⁶. По сообщению Меженинова, шелку и готовых платков на мануфактуре было небольшое количество. Очевидно, дела на ней шли неважно. В 1734 г. в Ярославле было основано еще одно шелковое предприятие грузином Моисеем Сандуновым, которое через два года было куплено Гурьевым и слито с его мануфактурой⁷. Таким образом, в середине 30-х гг. XVIII в. в Ярославле уже работало 4 шелковых мануфактуры. Город превращался в один из центров шелкового производства в стране. В 1745 г. к этим предприятиям добавилась мануфактура Егора Холщевникова. Известно, что она обслуживалась 65 приписными рабочими⁸. В 1768 г. на мануфактуре произошел пожар, во время которого погибло много оборудования. Понесла мануфактура ущерб и во время эпидемии чумы в 1771-1772 гг. После этого она вместе с 63 приписными рабочими была продана владельцу Ярославской Малой мануфактуры, с которой и была слита⁹. В 1755 г. владелец Ярославской Большой мануфактуры Алексей Затрапезнов основал собственное шелковое предприятие в качестве ее отделения. Но в 1764 г. Ярославская Большая мануфактура была продана Савве Яковлеву, который через два года прекратил на ней шелковое производство¹⁰.

Наряду с Ярославлем шелковое производство появляется и в сельской местности. В 1742 г. помещик Петр Филатьев основал шелковую мануфактуру на 30 станков в с. Новорождественском. Это была единственная вотчинная шелковая мануфактура в губернии. Она размещалась в трех светлицах, где 85 женщин мотали шелк, находилась мельница и карась на 100 катушек, а также красильня. Всего на предприятии было занято 155 человек - дворовых людей и крепостных крестьян. Известно, что в 1747 г. мануфактура выпускала штоф, тафту, грезет и бархат - всего 5 080 аршин на 7 220 руб.¹¹ Продукция шла на рынок. Через 10 лет на мануфактуре вырабатывалось 6 925 аршин грезетов, штофов, шагринов, саржи, тафты и бархата на 8 550 руб.¹² К этому времени количество станков на предприятии выросло до 32¹³.

Во второй половине XVIII в. количество шелковых предприятий в губернии продолжает расти и она становится одним из наиболее крупных центров шелкового производства в стране. В 1765 г. в городе Романове основывает шелковую мануфактуру Степан Свешников, в 1769 г. в городе Ярославле - Иван

Качуров¹⁴. В 1777 г. в Ярославле уже было 11 шелковых предприятий, из которых мануфактурного типа 10. За исключением двух, все они были основаны на купеческий капитал. При этом крупные были основаны на принудительном труде и выпускали дорогие изделия, менее крупные - на вольнонаемном труде и ориентировались на кружева, платки и ленты, рассчитанные на широкий рынок. 17 мая 1768 г. в Ярославле основал шелковую мануфактуру Афанасий Морозов. Помимо того, в городе известна шелковая мануфактура Колосова. Самым крупным шелковым предприятием в Ярославле была мануфактура Григория Гурьева на 104 стана, одна из самых больших в стране. Крупными шелковыми предприятиями были мануфактуры В. Колосова на 86 станов, Ярославская Малая на 62 стана и Ивана Качурова на 43 стана. Гурьев в 1789 г. продал свою мануфактуру родственнику, ярославскому купцу первой гильдии Алексею Красильникову. В 1782 г. Ярославская Малая мануфактура пополнилась предприятием, купленным за 15 700 руб. у вологодского купца Ф. Желвунцова и через три года переведенным в Ярославль. Оно состояло из шелкового, мишурного и красочного производства, обслуживалось 138 посессионными рабочими.

Во второй половине 80-х - 90-х гг. XVIII в. в губернии появилось еще несколько шелковых предприятий: в 1786 г. - небольшое купца Ивана Рукавишникова в Ярославле, в 1789 г. - майора Супонева в с. Григорьевском Угличской округи, которое в 1800 г. было преобразовано в полотняное, в 1790 г. - два шелковых заведения были основаны посадскими людьми Иваном и Александром Рукавишниковыми. Через год в Ярославле вступили в строй 3 шелковых предприятия купцов Осипа Кожевникова, Алексея Дьячкова и Федора Крепышева. Таким образом, к началу 90-х годов XVIII в. в губернии появилось 7 новых предприятий, но ведомость наместнического правления называет только 11 предприятий в губернии. В начале последней четверти XVIII в. производство шелка в уездах прекращается, Ярославль становится единственным центром шелкового производства в губернии.

В 1800 г. в Ярославле насчитывалось 10 шелковых предприятий: Ярославская Малая мануфактура, перешедшая к этому времени к Угличанинову, мануфактуры А. Морозова, О. Кожевникова, И. и А. Рукавишниковых, А. Красильникова, Колосова, посадского человека И. Садинова¹⁵. Наиболее крупной в это время была мануфактура Колосовых, работавшая на 100 станов, которую обслуживало 244 приписных рабочих, а в зимнее время за счет привлечения наемного труда - 314 человек¹⁶. На ней производились парча с золотом и серебром, штофы, перюсень, горгуроны, тафта разных цветов, кружева, пояски и кушаки на сумму 17 887 руб., т.е. на значительно меньшую сумму, чем в 1794 г., но ассортимент существенно расширился. На 60 станов работала мануфактура А. Красильникова, некогда крупнейшее предприятие в отрасли. В зимнее время на ней было занято до 200 человек: 170 крепостных и до 30 вольнонаемных. На остальных предприятиях количество станов колебалось от 9 до 20, численность рабочих - от 40 до 90 человек. Два предприятия были мелкими заведениями с 4-5 станами¹⁷.

В описании Ярославля 1800 г. упоминаются только 6 шелковых предприятий: Ярославская Малая мануфактура, мануфактуры Красильникова, Колосова, Морозова и две - братьев Рукавишниковых¹⁸. При этом не учтена мануфактура

О. Кожевникова. К этому времени подъем шелкового производства в губернии был уже в прошлом.

Первая половина XIX в. была для шелкового производства в Ярославле временем его стремительного упадка. В 1803-1804 гг. в городе осталось только 5 шелковых мануфактур¹⁹, а в 1815 г. - лишь 4; Угличанинова, Красильникова, Петра Желудкова и Сусанны Рукавишниковой²⁰. Между 1804 и 1809 гг. из-за банкротства закрылась мануфактура Колосова. Пришедшая в полный упадок, она в 1820 г. была продана с аукциона²¹. В конце второго десятилетия XIX в. закрылась и мануфактура Рукавишниковой. В 1817 г. шелковое отделение Ярославской Малой мануфактуры перешло на выпуск нанки - дешевой хлопчатобумажной ткани²². В 1832 г. из когда-то многочисленных шелковых мануфактур в Ярославле остались только две - П. Желудкова и И. Оловянишникова. К 1844 г. остановилась и мануфактура Желудкова. Осталась только мануфактура Ивана Оловянишникова²³. На ней в это время было 32 стана, объем продукции составлял лишь 14 630 аршин шелковых тканей, 265 платков, 455,5 косяка кружев, всего на сумму 11 814 руб. Мануфактура была вынуждена переходить на производство хлопчатобумажных изделий, под которыми было занято 13 станов. Ее обслуживало 176 приписных и 23 вольнонаемных рабочих "из окрестных мещан и крестьян". Предприятие было оборудовано машиной для развития шелка, машиной для кручения шелка на 184 веретена и двумя карасями на 80 веретен каждый. Красильня состояла из двух котлов и двух медных коробов. Предприятие размещалось в четырех каменных строениях: трех двухэтажных и одном одноэтажном флигеле, представлявшем собой склад²⁴. В 1853 г. в шелковом производстве находился 31 стан, 15 - в хлопчатобумажном. Продукции было выработано на 17 082 руб.²⁵ Но несколько возросшее производство через год сократилось: общее количество станов снизилось до 38, а выработка продукции в денежном выражении упала до 11 962 руб.²⁶ Ассортимент продукции приходилось менять даже в течение года. Мануфактура влачила жалкое существование. После смерти ее владельца И. Оловянишникова его наследники не стали ее возобновлять, и в пореформенное время шелкового производства в губернии уже не существовало. Причиной его упадка были, как и в стране в целом, дороговизна изделий и конкуренция хлопчатобумажной промышленности с ее дешевыми изделиями, рассчитанными на широкий рынок.

Примечания

¹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947, С. 357.

² Там же. С. 108.

³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 94.

⁴ Ярославль. История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года. Ярославль, 1990. С. 176, 177.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 277. Оп. 2. Д. 858. Л. 11.

⁷ Ярославль. История города в документах и материалах... С. 178.

- ⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 100.
- ⁹ Грязнов А.Ф. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910. С. 458.
- ¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 95.
- ¹¹ ЦГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 854. Л. 4-7.
- ¹² Там же. Л. 48.
- ¹³ Там же. Л. 4-7.
- ¹⁴ Пономарев А.М. Промышленность Ярославского края во второй половине XVIII - первой четверти XIX в. // Верхнее Поволжье в период разложения феодализма. Ярославль, 1978. С. 20.
- ¹⁵ Там же. С. 21.
- ¹⁶ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 5. Д. 20. Л. 69.
- ¹⁷ Дитмар А.Б. Над старинными рукописями. Ярославль, 1972. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 468. Л. 52.
- ²⁰ Пономарев А.М. Указ. соч. С. 35, 43.
- ²¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1735. Л. 42.
- ²² Пономарев А.М. Указ. соч. С. 44.
- ²³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 8. Д. 215. Л. 4.
- ²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 1146. Л. 211-212.
- ²⁵ Там же. Д. 1310. Л. 360-361.
- ²⁶ Там же. Д. 1374. Л. 21-22.

С.А. Шубина

Принципы организации русской духовной миссии в Пекине

Официально православие в Китае появилось в 80-х гг. XVII в., когда по Нерчинскому трактату взятые в плен в 1685 г. албазинцы вместе со своим священником остались в Пекине под именем Русской сотни. Для них китайский император велел построить церковь. А с 1715 г. постоянно стала действовать в столице Китайской империи российская православная миссия.

Кяхтинский (1727 г.) и Тяньцзиньский трактаты (1858 г.) определили и закрепили официальное положение русской духовной миссии в Китае, обговорив ее состав, права, способы связи с Россией и материальное обеспечение¹.

Всего в Китай было отправлено 18 духовных миссий с 1715 по 1902 гг. В 1902 г. российская духовная миссия преобразована в Епископию. Первоначально в обязанность миссии входило только обеспечение духовных нужд албазинских пленников в лице Русской сотни, входившей в состав восьмизнаменного маньчжурского войска. Впоследствии деятельность миссии протекала в рамках возложенных на нее светских функций: дипломатической и научно-исследовательской. В 1864 г. светские функции были окончательно отделены

от духовных в связи с открытием в Пекине Российского дипломатического посольства.

Как правило, в состав миссии входило 10-12 человек: начальник - архимандрит, иеромонахи (1-3 человека), иеродиакон, причетники (2-6 человек), студенты-ученики (4-6 человек) с 1727 по 1864 гг., врач (с 10-й миссии), художник (с 11-й миссии), прикомандированные. В 1902 г. миссия насчитывала в своем составе 34 человека, кроме священнослужителей в нее были включены 10 послушников, 2 техника со средним образованием, 2 живописца и 11 человек разных мастеровых².

Сроки пребывания миссии в Пекине впервые были определены во время отправления в Китай 4-й миссии - 7 лет, с 8-й - 15 лет. В 1844 г. предложили сократить срок службы до 5 лет, но на практике этим не воспользовались.

Вся деятельность миссии осуществлялась на основе инструкций, получаемых из Коллегии иностранных дел, затем МИД в лице Азиатского департамента. Первая Инструкция "О должности и действе архимандрита в содержании себя и прочих ему подручных и вообще в управлении" от 31 декабря 1737 г. действовала до начала XIX в.³ Инструкция, проект которой был разработан Петром Каменским и утвержден Александром I 27 июля 1818 г., детально регламентировала все стороны функционирования миссии: "доставление миссии и выбор чиновников", "порядок в путешествии", "порядок смены прежней миссии", "предметы занятий", "переводы, сношения с китайцами", "образ жизни, меры предосторожности, внутренний порядок" и др.⁴ Впоследствии эту Инструкцию брали за основу при составлении проектов в 1831 и 1864 гг.

Одним из важнейших положений Инструкции был пункт об "учреждении Совета миссии". Раньше все вопросы решал только начальник миссии, остальные члены ему всецело подчинялись. Теперь в ежемесячных заседаниях Совета должны были участвовать все члены миссии, но решающий голос имели только архимандрит (председатель Совета) и два священника. Членами Совета являлись иеромонахи, врач, один из старших учеников. Секретарь - один из студентов. В компетенцию Совета входило управление делами по внешним и внутренним проблемам миссии: а) надзор за поведением и занятиями миссионеров, б) определение мер для их поощрения и наказания, в) поддержание православной веры среди албазинцев и приобщение к христианству китайцев⁵. В последующих инструкциях к этим пунктам добавлялись лишь положения по чисто практическим вопросам деятельности миссии (так с 12-й миссии дано право назначать в чины) и указания архимандриту по дипломатическим проблемам. Благодаря инструкциям структура миссии и занятия ее членов были конкретизированы. Создание Совета как органа самоуправления миссии позволяло решать на месте различные вопросы в более короткие сроки с учетом конкретной обстановки.

Примечания

¹ Русско-китайские отношения (1689-1916). М., 1958.

² Китайский благовестник. 1905. Вып. 11-12. С. 2.

³ Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. Июнь. С. 174-179.

⁴ Можаровский А.Ф. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-императорской миссии в Пекине. Пекин, 1912. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

О.В. Сизова

Формулярные списки дворян Ярославской губернии как источник по социально-политической деятельности дворянства на рубеже XVIII-XIX вв.

Одним из массовых источников, наиболее подробно освещающих формы и виды служебной деятельности дворян, являются формулярные списки. Обращение к ним, еще не ставшим предметом специального исследования отечественных историков, становится особенно актуальным в условиях ограниченности проблематики российской историографии преимущественно экономическими вопросами, а также немногочисленности работ по истории ярославского дворянства. Начало составления формулярных списков положила серия указов 1762-1764 гг. о присылке в Сенат из всех Присутственных мест послужных списков находящихся в них чиновников. С 1775-1780-х гг. в формулярных списках указывается наличие в собственности чиновника крепостных крестьян, а также сведения о причинах (если таковые были) нахождения чиновника под следствием, выходе его в отставку и полученных наградах и поощрениях. Ряд постановлений 80-х гг. XVIII в. предписывал указывать в формулярных списках полученные выговоры, а также ежегодно к августу присылать послужные списки из всех Присутственных мест. Формулярные списки "о всех классных чинах" было необходимо прилагать при представлении чиновников к пенсии, при награждении их "в виде денег, земли или аренды", а также при занятии почетных выборных или высших служебных постов. Очевидно, таким вниманием к составлению формулярных списков объясняется массовый характер этого источника: только в фондах 73 и 79 ГАЯО насчитывается 233 послужных списка и в фонде 213 - 103¹.

Формулярные списки составлялись по единому образцу и включали все данные о прохождении службы чиновником с момента ее начала. Эти сведения заносились в таблицу из 8 пунктов. В первой графе указывались чин, имя, фамилия и должность чиновника. Вторая и третья графы содержали сведения о численности душ крестьян м.п., находящихся во владении, а также указывали дату вступления в службу, чины и должности, занимаемые во время ее прохождения, награды и поощрения. В четвертую графу заносились сведения о возможном участии в походах против неприятеля, в пятую - о нахождении под судом, замечаниях по службе и штрафах, за "...неусердие и недобросовестность". В шестой и седьмой графах делался вывод об аккуратности чиновника в исполнении служебных обязанностей, способности его к дальнейшему продол-

жению статской или военной службы и в перспективе к получению нового чина. В журнале формулярных списков, составленном на протяжении 1800-1825 гг., представлены 4 послужных списка, принадлежавших уездным предводителям дворянства: ярославскому (статскому советнику и кавалеру Н. Карновичу), даниловскому (подполковнику Кругликову), любимскому (надворному советнику С. Крневу) и мышкинскому (статскому советнику Н. Коковцову) (данные за 1810 г.)².

Каждый формулярный список - яркая характеристика упорного продвижения по служебной лестнице в процессе государственной службы, являющейся важнейшей опорой социальной жизнедеятельности дворянства. Рассмотрим послужной список Ярославского уездного предводителя дворянства, статского советника Н. Карновича, помещика Ярославского и Даниловского уездов. Родители избрали мальчику военную стезю, записав его во младенческом возрасте корнетом в Великокняжеский Шлезвиг-гольштейнский лейб-драгунский полк. В 1758 г. (в возрасте 8 лет) ему был присвоен чин поручика, в 1761 г. - ротмистра. Но его, очевидно, не прельщала карьера военного: вопреки родительским чаяниям в 1781 г. он вступает в гражданскую службу, будучи избранным заседателем Ярославского верхнего земского суда в чине титулярного советника. Через три года начинающий чиновник был определен заседателем Ярославской палаты гражданского суда, а в 1785 г. за успешную службу Карнович был пожалован чином коллежского асессора. До 1804 г. он состоял советником в Ярославском наместническом правлении, при этом в 1801 г. по именному указу императора получил чин коллежского советника. Примечательно, что дворянин Карнович по выборам дворянства Ярославской губернии присутствовал как лучший его представитель при коронации Александра I и в память об этом событии получил от императора золотую медаль.

В декабре 1806 г. коллежский советник Карнович был удостоен избрания уездным предводителем дворянства и пожалован чином статского советника. Через год за отличную долголетнюю службу его наградили орденом св. Владимира IV степени. В 1809 г. статский советник Карнович снова был избран уездным предводителем дворянства, исправляя в продолжение предводительства своего "по препоручению начальства должность губернского предводителя за небытностью его".

Изучение формулярных списков потомственных дворян позволяет сделать ряд следующих выводов.

Во-первых, служба дворянина, протекавшая в полном согласии с петровской Табелью о рангах 1722 г., имела целью преимущественно занятие определенной классной должности в системе российских государственных учреждений, невозможное без того, чтобы данное лицо не являлось чиновником. Определив четкий порядок прохождения службы, Табель о рангах 1722 г. стала настоящей хартией служилого сословия. Поскольку в то время власть и деньги в России можно было обрести главным образом на одной лишь службе, обзаведение рангом ставило его обладателя в исключительно привилегированное положение. Ему (и его отпрыскам) гарантировалась должность, и он пользовался к тому же самой ценной из всех привилегий - правом владеть землей, обрабатываемой крепостными. Поступление на службу, хотя и ставшую для

дворян необязательной с 1762 г., и служебное продвижение сделались в России родом национальной одержимости.

Во-вторых, поскольку все имевшие право поступления на государственную службу, в том числе потомственные дворяне, должны были начинать ее с должности канцеляриста, стоящей вне иерархии классных чинов (кроме небольшого числа лиц с высшим образованием), то в среде потомственных дворян широко распространенной была практика вступления сначала в военную службу: все четверо указанных выше чиновника начали свою карьеру с поступления на военную службу; об этом же свидетельствуют послужные списки И.К. и П.К. Мусиных-Пушкиных³, братьев Н.Н. и П.Н. Глебовых⁴ и мн. др. По выходе из военной службы в отставку дворяне занимали либо выборные должности в корпоративных органах, либо трудились в системе местных или центральных государственных учреждений.

В-третьих, потомственные дворяне имели существенные привилегии в сроках выслуги классных чинов на гражданской службе: срок выслуги первого классного чина коллежского регистратора (соответствует XIV классу Табели о рангах) для потомственных дворян был установлен в 2 года (для лиц недворянского происхождения он составлял 4 года). Для перехода из XIV класса в IX (из коллежских регистраторов в титулярные советники) необходимо было 9 лет беспорочной службы. Часто среднепоместные потомственные дворяне покидали военную службу в офицерском звании, соответствовавшем IX-VIII классам Табели о рангах и вступали в службу на гражданском поприще. Так, Н. Карнович, выйдя в отставку в чине ротмистра, в 1781 г. вступает в гражданскую службу титулярным советником. Подполковник в отставке С. Крнев, уволенный со службы в военном чине, соответствующем IX классу Табели о рангах, в 1802 г. становится смотрителем уездных училищ, получив при этом чин VIII класса (коллежского асессора)⁵. Командир батальона в период русско-турецкой войны Н. Коковцов вышел в отставку в 1780 г., также в чине подполковника, а через 4 года, приняв должность заседателя Мышкинской дворянской опеки, он был пожалован "следующим" чином коллежского асессора⁶. Производство в чин коллежского асессора (VIII класс) для дворян осуществлялось через 4 года (для чиновников из податных сословий - 12 лет). Еще 10 лет требовалось для пожалования чинами надворного и коллежского советников (соответственно VII и VI классы)⁷.

Так, подполковник Крнев получил чин коллежского асессора в 1802 г., чин надворного советника - в 1807 г.; а подполковник Н. Коковцов соответственно в 1784 г. и 1789 гг. Пожалования в чин коллежского советника последний удостоился в 1795 г.

Наконец, высшим чином, до которого мог дослужиться дворянин, был чин статского советника (V класс), для производства в который требовались четырехлетний срок службы в прежнем ранге и благоприятный отзыв начальства.

В-четвертых, как свидетельствуют формулярные списки, вступая в гражданскую службу, дворяне не только замещали по выборам должности в своих сословных органах, но и оставляли за собой ряд мест в системе судебных и политических учреждений губернии. Это было регламентировано законом от 7 ноября 1775 г., определившим занятие дворянами должностей председателей

палат уголовного и гражданского суда, заседателей этих палат, совестных судей, уездных судей, председателей уездных судов.

Изучение послужных списков ярославских дворян раскрывает важнейшие исторически обусловленные черты социально-психологического облика русского дворянства: сословно-статусное мышление, всепоглощающую тягу к получению чинов как критериям уровня материального достатка. Чин являлся показателем социального престижа, мерой оценки личности, главным стимулом и смыслом государственной службы. Следствием этого стало отсутствие политических устремлений: подавляющая масса дворян, особенно провинциальных, больше пеклась о сиюминутном и материальном. Как справедливо заметил член Негласного кабинета Александра I граф Строганов, "... одна часть дворянства... живет в деревне, погрязнув в невежестве, тогда как другая, которая служит, пропитана духом, ни в коей мере опасности не представляющим"⁸. Боязнь лишения монаршей милости отбивала у дворян склонность к политике и способствовала формированию устойчивых верноподданнических гражданских идеалов как слуг царя и Отечества. Перерождение высоких сословно-статусных идеалов в формальную ценность, маскирующую узкокорыстное отношение к делу государственной службы, стало отличительной чертой большинства русских дворян на рубеже XVIII-XIX вв.

Примечания

¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73, 79, 213.

² Там же. Ф. 213. Д. 30. Л. 15об.-16, 26-27, 33-35, 47-48.

³ Там же. Д. 2156. Л. 10-11, 16-17.

⁴ Там же. Д. 1260. Л. 21-22об., 25-26.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 34.

⁶ ГАЯО. Ф. 213. Д. 30. Л. 47.

⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 36.

⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 67.

А.В. Борисова

Морально-нравственные нормы и правосознание государственных крестьян Ярославской губернии в первой половине XIX в.

Психология крестьянства - это исторически сложившаяся система отражения реальной действительности, обусловленная социально-экономическим и политическим положением этого класса. Она должна рассматриваться как сложное общественное явление. Это - система отражения объективной реальности людьми, связанными производственными и личными отношениями. Образ жизни показывает, как живут и ради чего живут люди, чем заняты, какие действия и поступки заполняют их жизнь.

В отечественной историографии не первый год ведутся дискуссии по социальной психологии. В.А. Федоров выдвинул тезис о том, что В.Г. Литвак и другие историки "отрицают наличие у крестьянства каких-либо идеологических взглядов и социальных представлений"¹. Но он, по мнению М.А. Рахматуллина, не учел того, что понятие "идеология" можно употреблять в широком и узком смысле. В первом случае это совокупность форм общественного сознания в целом. Она присуща всем классам общества. Во втором же - это один из элементов идеологии, т.е. теоретически систематизированный уровень общественного сознания. Другой структурный элемент идеологии и есть общественная психология, которая включает обычаи, традиции, чувства, настроения, обыденные мысли и интересы, предрассудки, т.е. все те явления сознания, которые формируются стихийно².

А.И. Клибанов делает вывод о том, что "сознание большинства крестьянства, изобиловавшее суевериями и предрассудками, отнюдь не было лишено потенций к прогрессу"³. Крестьянство являлось носителем и социальной психологии, и идеологии, если рассматривать ее как сформировавшуюся систему взглядов на окружающий мир.

Тяжелое материальное и бытовое положение крестьян, жизнь в условиях неравноправия с другими сословиями и классами, исключение из общественно-политической жизни не могли не оказать влияния на сознание государственных крестьян. Ощущение недовольства своим положением - необходимый этап в развитии угнетенной личности. На этой почве возникают разного рода инциденты, конфликты, преступления. Понятие "законности", сложившееся в крестьянском сознании, причудливое сочетание действительно существовавших норм и норм, желательных для крестьян⁴. Виды общественного сознания в реальной жизни непосредственно связаны с общественными отношениями.

Государственные крестьяне Ярославской губернии были представлены собственно государственными крестьянами, поселенными на казенной земле (казенные крестьяне), крестьянами, водворенными на собственной земле (свободные хлебопашцы), которые уже не платили феодального оброка за землю. Средние душевые наделы в казенных волостях не превышали 5 десятин, размер оброка составлял около 9 руб., а подушная подать - 3 руб. 30 коп. Основные ограничения, определявшие феодальную зависимость крестьян, такие, как лишение собственности на землю, внеэкономическое принуждение, распространялись и на государственных крестьян. Одной из характерных черт социально-экономического развития Ярославской губернии было отходничество. Паспорта получал каждый 12-й из государственных крестьян. Отход, жизнь в городе способствовали повышению уровня крестьянского сознания. Он определялся не только отрицательными эмоциями, но и положительным идеалом, хотя эти понятия "добра" и "зла" у крестьянства представляли собой нечто неоформленное, очень смутное. Чаще всего они получали реальное выражение в индивидуальном или коллективном стремлении перейти в другую сословную группу. Но это удавалось не многим. Так, в ноябре 1840 г. 5 государственных крестьян из зажиточных семей перешли в купечество и 11 - в мещанство⁵.

Большая часть государственных крестьян не имела возможности перейти в другое сословие. Некоторые из таких крестьян начинали новую жизнь, уходя в

раскол или в монастырь. Так, Нижегородская духовная консистория просила уведомление к поступлению в монашеское звание крестьянина Подгорской экономической волости Мышкинского уезда Дмитриева. В Ярославскую духовную консисторию поступило сообщение: крестьянин Кормильевской слободы Зубов по секрету сообщал, что он уклоняется от православной церкви и уходит в раскол. В то же время по увещанию Вознесенского протоиерея Федора раскольник Иерусалимский из д. Осташевка обращен и присоединен к православной церкви⁶.

Важнейшим средством официальной слежки за состоянием умов всего христианского населения была исповедь. По указу Святейшего синода 1722 г. установлено ежегодное присутствие у исповеди и святых тайн причастия детей с 7 лет у своего священника. Если какое-либо лицо уклонялось от исповеди, на него накладывалась публичная епитимья. Когда это не помогало, сообщалось гражданским властям. В судебной практике небытие у исповеди считалось отягчающим обстоятельством. Тайна исповеди нарушалась, так как в случае "греха об умысле на честь и здоровье государя или о намерении произвести бунт и измену" священник должен был немедленно сообщить об этом карательным органам⁷.

Таким образом, имея данные о количестве крестьян, отсутствовавших на исповеди и ушедших в раскол, можно изучить динамику процесса "охлаждения" крестьян к церкви. В 1826 г. в с. Силавино Ярославского уезда была обнаружена секта раскольников (точное число неизвестно)⁸. Всего за указанный год таких крестьян замечено 6 человек.

Отход крестьян от православной церкви, от религии вообще происходил в силу различных обстоятельств. Но потеря духовной опоры приводила к совершению поступков, которые осуждал и сельский мир, и закон. Втягивание крестьянской общины в мир торгово-денежных отношений, привнесение в консервативные, патриархальные традиции новых веяний приводило к смещению понятий "добра" и "зла".

Но в целом в первой половине XIX в. моральные устои крестьянства еще оставались незыблемыми. Так, в 1826 г. государственными крестьянами (общая численность - 98 919 человек) было совершено 4 убийства, 16 краж, 3 драки. В 1846 г. при численности 107 898 человек - 2 убийства, 26 краж, 5 драк. Уголовно наказуемые преступления в 1826 г. совершили 23 государственных крестьянина, что составило 0,02% от общей численности преступлений⁹.

С вопросом о морально-нравственных нормах государственных крестьян тесно связан вопрос об их правосознании. Категория правосознания существует для обозначения правовых взглядов, включающих в себя как знание правовых явлений, так и их оценку с точки зрения классовой справедливости, новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития. Правосознание отражает потребность определенного класса в правовой регламентации тех задач, которые встают перед ним как результат объективного развития его материальной жизни и общественных отношений. Многие явления жизни государственных крестьян - расслоение, рекрутчина - способствовали расширению их социально-правового опыта, формированию новых оценочно-правовых суждений и взглядов, т.е. соз-

давали предпосылки для активного развития крестьянского правосудия. Последнее самым тесным образом переплеталось с крестьянским обычным правом, формирование категории государственных крестьян, новые принципы налогообложения, усиление государственно-правовой регламентации всех сторон, расслоение деревни, рекрутчина и другие явления способствовали расширению крестьянского социально-правового опыта.

Нормы, провозглашающие права государственных крестьян, можно разделить на три группы¹⁰:

1. В области землевладения и землепользования - право пользоваться равным земельным участком; право требовать перевода в другие деревни, где есть избыток земли; право сохранять за собой земли, доставшиеся по крепостям и "исстари владеемые"; право при разрешении споров расчищать под хлебопашество и сенные покосы лесные места.

2. В сфере налогов и повинностей права крестьянского мира состояли в раскладке податей, специальных сборах на мирские нужды, возможности уплатить вместо рекрута миру определенную сумму, а также не платить государственные подати за сына-рекрута.

3. В социально-правовой сфере - право старост и сотских выдавать паспорта на определенный срок, записывать в купечество.

Целая группа норм была связана с промысловой деятельностью:

а) недовольство коротким сроком и ограниченностью территории отхода;

б) запрет на употребление строевого леса для курения смолы;

в) сезонные запреты на охоту;

г) недовольство указами об обязательном пилении досок вместо тесания топором при изготовлении теса.

Нарушение норм можно разделить на три группы:

1. Грубые (порубка леса, захват земли).

2. Нарушение одних норм ради других (те, кто выступают за равное перераспределение, но сами владеют по крепостям в большем количестве).

3. Прошения в связи с трудностью выполнения государственных повинностей.

В итоге за 1826 и 1846 гг. по Ярославской губернии получаем следующие данные¹¹:

Нарушения норм прав	1826	1846
I. Незаконные порубки леса и его продажа	8	7
Незаконный сбор денег волостными властями	4	3
Неуплата недоимок	2	-
Побеги	2	2
II. Недовольства из-за неправильных действий соседних крестьян по сбору хлеба	1	-
Конфликты с помещиками из-за действий землемера	1	2
III. Просьбы:		

Нарушения норм прав	1826	1846
- не взыскивать оброк в особых случаях	1	2
- не платить за пустоши, которыми крестьяне не пользуются	1	-
- вернуть старые межевые знаки	1	-
- отвести лес для рубки	1	3
- уравнивать земельные наделы с соседями	1	7

Правосознание государственных крестьян представляет собой сложный комплекс правовых взглядов, оценок и требований. Важнейшей его стороной является знание норм законодательства, относящегося к государственной деревне. Крестьянство было носителем как социальной психологии, так и идеологии, если рассматривать последнюю как сформировавшуюся определенную систему взглядов на мир.

Примечания

¹ Федоров В.А. Крестьянское движение в Центральной России 1800-1860 гг. М., 1980. С. 13.

² Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 гг. М., 1980. С. 24.

³ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX в. М., 1978. С. 7.

⁴ Литвак Б.Г. История и психология. М., 1979. С. 209.

⁵ ГАЯО. Ф. 452. Оп. 2. Д. 2.

⁶ Там же. Ф. 79. Оп. 6, т. 1. Д. 249. Л. 179.

⁷ Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России 1775-1904 гг. М., 1989. С. 18.

⁸ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 13. Д. 1021.

⁹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. М., 1971. С. 119, 132; ГАЯО. Ф. 79. Оп. 6, т. 1. Д. 419-433, 610, 895-916.

¹⁰ Камкин А.В. Правосознание государственных крестьян во второй половине XVIII в. // История СССР. 1987. № 2. С. 163.

¹¹ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 6, т. 1. Д. 402, 403, 419-433, 895-924, 1630.

А.А. Саблина

Виноторговля в Ярославской губернии в первой половине XIX в.

В дореформенный период в России существовала государственная монополия на продажу спиртных напитков. В 26 великорусских губерниях господствовала откупная система. Торговля вином осуществлялась владельцем откупа под строгим контролем отделения питейного сбора губернской казенной палаты. Ярославская губерния не являлась исключением.

Из источников, хранящихся в государственном архиве Ярославской области, фонде Ярославской губернской казенной палаты (Ф. 100), наиболее интересны журналы особого торгового присутствия на отдачу акцизно-откупных с 1847 по 1851 г. статей и Положение об откупных условиях с 1847 по 1851 г. Они дают достаточно обширный материал о правилах организации торговли вином. Другие документы дополняют материал фактами Ярославской губернии.

Вопросом существования винных откупов в России никто из исследователей специально не занимался. Чаще всего в работах, посвященных экономике первой половины XIX в., приводятся цифры доли питейного дохода в бюджете страны или затрагивается вопрос о роли доходов откупщиков в первоначальном накоплении капитала. Наиболее полно освещают вопросы организации торговли исследования И.Т. Прыжова¹ и В.В. Похлебкина².

Существовало несколько видов питейных заведений, отличавшихся друг от друга характером торговли. Питейные дома и временные выставки могли вести как торговлю навынос, так и распивочно. В ведерных и штофных лавках вино продавалось лишь навынос. Торговали только водкой навынос водочные магазины. И последний тип - торговля из винных подвалов навынос крупными мерами (не менее четверти ведра).

Так как кабаки давали откупщикам единственную возможность круглогодичной розничной торговли, а значит, и 10% торговой надбавки, они являлись основными пунктами продажи питей.

Само слово "кабак" осталось на Руси после татаро-монгольского нашествия. Содержание этого понятия к началу XIX в. значительно изменилось. Если еще в первой половине XVIII в. кабак был и местом выделки вина, и предусматривал организацию харчевенного предпринимательства, то впоследствии он превратился в место для распития, стал рассадником пьянства. Правительство в начале XIX в. пытается удалить из лексикона слово "кабак", заменяя его более "благозвучным" - "питейный дом", поэтому в литературе и встречаются подобные разночтения. По сути кабак кабаком и остается.

Правительство на протяжении всей первой половины XIX в. стремится ограничить число питейных домов. Недовольство откупщиков и необходимость государства увеличить питейный доход вынудили его на разрешение обращения в 1815-1819 гг. 1/3 выставок в питейные дома³. К 1825 г. в Ярославской губернии насчитывается около 92 кабаков⁴. Сведения эти далеко не полны и, скорее всего, содержат данные лишь о каменных строениях, действовавших на тот момент. Отсутствие упоминания Мышкинского и Мологского уездов может говорить об отсутствии в них каменных питейных домов. На 1859-1863 гг. мы имеем более полные и точные данные. Всего по губернии насчитывается 272 кабака⁵. Следует отметить, что из них лишь 61 находился на помещичьей земле, т.е. практически все вино продавалось или в городах, или в местах поселения государственных крестьян.

Контролировалось не только число кабаков, но и их размер и месторасположение. Питейный дом не мог быть перестроен (да и заново выстроен), если его размеры и план не были утверждены в казенной палате. По предписанию министра финансов и департамента разных податей и сборов по питейной части за 1820 г. в уездах Ярославской губернии подлежал переносу 61 питейный дом,

оставлялось на прежнем месте²². Предписание было вызвано необходимостью соблюдения дистанции между питейными заведениями и церквями (монастырями). Перенос запрещался без тщательного согласования⁶.

Пресекалось соседство питейных домов не только с культовыми сооружениями. Первые не могли располагаться ближе чем на 150 саженей по отношению к военным казармам, кадетским корпусам, госпиталям. Радиус же нахождения казенных оружейных, селитряных и пороховых заводов составлял не менее 5 верст. Таким образом, мы можем наблюдать заботу правительства не только о "благочестии" обывателей, но и о безопасности оных (или, скорее, о покое для местных властей)⁷.

Режим торговли спиртным был весьма благоприятен для любителей выпить. Продажа питей производилась ежедневно с 7 утра до 22 часов. В летнее время она начиналась с восходом солнца, в городах и на ярмарках продолжалась до 23 часов в любое время года.

Единственное существовавшее ограничение - запрещение продажи питей в воскресные и табельные дни до окончания в местной приходской церкви божественной литургии и во время крестного хода. Опять забота о внешнем "благочинии".

Ассортимент продаваемых питей был достаточно широк: двойной спирт, полугарное вино, пенное вино, трехпробное вино, настойки и наливки всякого рода. К концу существования откупов в Ярославской губернии появляется ром. Продажная цена назначалась и контролировалась казной. К качеству вина предъявлялись определенные требования. При заборе вина из казенных винных магазинов винный пристав (представитель питейного отделения казенной палаты) и откупщик обязаны были сделать контрольные пробы вина. Они хранились как в магазине, так и в питейном доме до полной продажи всей партии, а затем также продавались. Самой выгодной для продавца и рискованной для потребителя была торговля наливками и настойками. Цена на них была самой высокой, но установленного стандарта качества не было⁸. С учетом того, что при приготовлении наливок отбивался запах и вкус сивушных масел, на их производство зачастую шло вино, признанное в чистом виде непригодным к употреблению (неочищенное, содержащее вредные для здоровья примеси, неуставленной крепости и т.д.).

На протяжении всего периода существования откупной системы (а в первой половине XIX в. особенно ярко) проявляются противоречия в политике продажи вина. Это было вызвано колебаниями казны между необходимостью строгого контроля и регламентации продажи питей и стремлением к получению большего дохода от данной операции.

Примечания

¹ Прыжов И.Т. История кабаков в России. М., 1991. Репринт. воспр.

² Похлебкин В.В. История водки. Новосибирск, 1994.

³ Прыжов И.Т. Указ. соч. С. 225.

⁴ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 100. Оп. 19. Д. 203.

⁵ Там же. Оп. 13. Д. 47.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 932. Л. 10-14.

⁷ Там же. Д. 1782. Гл. 18. Л. 83-84.

⁸ Там же. Гл. 2. Л. 14.

Е.Н. Староверова

Старообрядчество в Ярославской епархии во второй половине XIX в.

Одним из ярчайших событий XVII в. стало возникновение церковного раскола. Старообрядчество, являющееся ветвью христианства, сравнительно слабо изучено, но при рассмотрении этого вопроса можно ознакомиться с вполне доступной и очень содержательной литературой, правда, касается она в основном истории русского старообрядчества в целом.

Одним из первых можно назвать сборник "Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки". Этот труд дает информацию о быте старообрядцев, их обрядах (свадебных, крестильных, похоронных), литературе и лингвистических, языковых особенностях в различных регионах указанных стран. Истории раскола посвящены также следующие работы: "Старообрядчество" А.Е. Катунской, "История русской церкви" Н.М. Никольского, "Религия и церковь в истории России" Д. Робертсона и др.

Что касается истории возникновения и развития старообрядчества в Ярославском крае, то здесь остро встает проблема недостаточности исследовательской литературы, и опираться при изучении данной темы приходится в основном на источники. Среди них можно назвать две работы Дмитриевского: статистический очерк "Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним" и "Раскол старообрядчества в Ростово-Ярославском крае перед временем святителя Дмитрия, Митрополита Ростовского", в которых автор и составитель дает комплекс сведений о быте, морали и нравственности старообрядцев, об их социальном положении, отношении к образованию, единоверческой православной церкви, а также о причинах распространения и живучести раскола.

Кроме того, с успехом можно использовать труд иеромонаха Корнилия "Обозрение современного состояния раскола", работы А. Титова "Краткая записка о раскольничьих слободах" и Н. Орлова "Поучения к пастве, окруженной раскольниками".

Без изучения старообрядчества невозможно точно представить полную картину социально-политических отношений в России в XVII - начале XX в., так как любое событие существует в контексте других событий, связанных с ним, в его причинах и последствиях. Таким образом, изучение старообрядчества проливает свет на историю Отечества в целом и на историю христианства, одной из крупнейших мировых религий.

Во второй половине XIX в. раскол был массовым и весьма распространенным явлением. На территории Ярославской епархии в это время сторонники старообрядчества замечены в 282 приходах, причем не существовало ни одного

города и ни одного уезда, не затронутого расколом¹. Наиболее преуспел в этом Романово-Борисоглебский уезд, где в 1892 г. было зафиксировано 1 846 старообрядцев обоого пола, принадлежавших к различным сектам. Уезд этот сильно пострадал от раскола: из-за массовых самоубийств на религиозной почве и сект детоубийц и отрицающих браки резко снизилась рождаемость и потерпело урон сельское хозяйство.

Еще одним прибежищем раскола являлось с. Сопелки Ярославского уезда, где преобладала секта странников, или бегунов². В этом селе также находилась одна из крупнейших старообрядческих библиотек, которая была разгромлена в 1851 г.³

На территории Ярославской епархии встречаются представители таких старообрядческих сект, как филипповцы, федосеевцы, странники, спасовцы, окружники, беглопоповцы, поморцы и сторонники толка приемлющих браки. Большинство из перечисленных сект были беспоповскими, лишь окружники, приверженцы севетрийской иерархии, и беглопоповцы допускали избранных ими же лиц к руководству религиозной общиной и совершению треб. Перекрещивания названные секты не требовали, но этот обряд считался обязательным у прочих сект.

Самыми распространенными сектами на территории Ярославской епархии были филипповцы, федосеевцы и странники. Они отличались большой религиозной убежденностью, граничащей с фанатизмом, являлись беспоповскими, требовали перекрещивания и отвергали браки. Странники, например, считали, что брак - большой грех, чем блуд: за блуд осуждают, а осуждение снимает грех⁴.

В целом идеи старообрядчества имели широкий отклик в Ярославском крае. Идея гонимой, но праведной веры была очень заманчива, и развитие отношений между официальной церковью и старообрядчеством шло по замкнутому кругу, в котором усиление давления вызывало усиление сопротивления и наоборот. Жесткими репрессивными мерами бороться с расколом было невозможно. Перед церковью стояла трудная задача: предотвратить дальнейшее распространение раскола и попытаться вернуть самих старообрядцев к истинной вере. Этому пытались достигнуть путем полемических мер, устраивая дискуссии и внебогослужебные собеседования⁵.

Кроме того, активно применялись меры по привлечению православных прихожан в храм, велась щедрая благотворительная деятельность, создавались публичные библиотеки. Такие действия имели больший успех, чем жесткое подавление, хотя о полной победе православия говорить нельзя: даже в наши дни в Ярославской области есть действующие старообрядческие храмы.

Религиозный раскол и старообрядчество сыграли большую роль в истории России, и их значение во всех сферах жизни русского общества трудно оценить полно и точно, однако ясно, что их существование оказало огромное влияние на развитие общества и формирование его взглядов.

Примечания

¹ Дмитревский. Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним: Стат. очерк. Ярославль, 1892.

² Трефолов Л.Н. Странники. Эпизод из истории раскола // Тр. Яросл. губ. Стат. комитета. Вып. 1. Ярославль, 1866. С. 169.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Корнилий. Обзорение современного состояния раскола. Ярославль, 1909.

Н.В. Обнорская

Из истории семьи Пастуховых - крупнейших купцов Ярославля середины XIX в.

Купеческое семейство Пастуховых происходит из "старинных посадских" (потомственных горожан) Коровницкой сотни г. Ярославля. Его родоначальником можно считать Матвея Петровича (см. схему). Вполне возможно, что принадлежавший ему в 70-е гг. XVIII в. кирпичный завод и заложил основу капитала данной семьи. Правда, к 1794 г. этого предприятия у нее уже не было, а основным занятием стала торговля¹.

Дело Пастуховых быстро развивалось. И если первое десятилетие XIX в. они находились в 3-й гильдии, то в 1810 г., возглавляемые Матвеем Матвеевичем, перешли во 2-ю. За 1815 г. глава семейства выдал 7 доверенностей приказчикам на торговлю "российским и немецким товаром", на закупку хлеба "в низовых пристанях" и отправку его на своих и нанятых судах в Ярославль, Рыбинск, Петербург, Архангельск, а также на продажу в последнем пеньки².

При детях Матвея - Петре и Александре (см. схему) - коммерческие дела семьи достигли наибольшего расцвета. Пастуховы и их приказчики вели оптовую торговлю хлебом с доставкой на своих судах в Ярославль, Рыбинск и Петербург. Торговали они также фарфором и хрусталем, продавали в Архангельске лен и закупали в Петербурге французские вина³.

Но основным их товаром постепенно становится железо. Они закупали его частью прямо у заводчиков, частью - на Нижегородской и других ярмарках (например, в 1840 г. на Ирбитской ярмарке ими было закуплено с Ревдинских заводов одновременно железа на 52,2 тыс. руб.)⁴. И в этом виде торговли Пастуховы стали одними из крупнейших в стране. Александр Дюма, путешествовавший в 1858 г. по России и посетивший Ярославль, пишет, что разбогател Пастухов (речь идет об Александре, занявшем место главы семейства после смерти брата) на "невероятно бойкой торговле железом, что поставило всю Россию в зависимость от этого человека. Монополию он делит с еще одним торговцем... Все железные изделия, продающиеся в Нижнем на ярмарке, принадлежат двум этим богачам"⁵. Возможно, эта характеристика несколько преувеличена. Тем не менее в 1859 г. Пастуховы были названы в числе 4 крупнейших скупщиков железа на Нижегородской ярмарке⁶.

Кроме того, Пастуховы брали казенные подряды как на поставки провианта, так и железа. Например, в 1832 г. при постройке в Ростове Мытного двора они поставляли "разного сорта связи, решетки, подставы, скобы и листовое же-

лезо"⁷. На Нижегородской ярмарке Пастуховы занимали лавки по Скобяной, Сибирской железной, Фарфоровой, а иногда и по другим линиям. Торговали они и в Ярославле, где в 1850 г. имели 3 лавки. Первая из них, торговавшая фарфором, хрусталем, шпалерами и другими предметами роскоши, имела оборот 25 тыс. руб. в год. Две другие, специализировавшиеся на продаже железа, медных, скобяных и других изделий, имели годовой оборот в 150 и 300 тыс. руб. серебром. Для перевозки товаров еще в начале века Пастуховы владели своими собственными судами, а к концу рассматриваемого периода по Волге между Самарой и Рыбинском курсировал их буксирный пароход "Ярославль" (40 л.с.). В Ярославле у них была коноводная машина с 5-ю подчалками, 5 мокшанов и до 30 барок⁸.

Кроме торговли, Пастуховы имели немалую прибыль от участия в винных откупах. В 1839-1843 гг. они содержали питейный откуп по г. Любиму Ярославской губернии и его уезду, в эти же годы вместе со статским советником А.Е. Жадовским и поручиком А. Нелидовым - по г. Устюжна Новгородской губернии и г. Усть-Сысольску Вологодской губернии с их уездами. С 1843 по 1847 г. Пастуховы содержали питейный откуп по г. Кадникову Вологодской губернии с его уездом. Участвовали они в откупах и позже⁹.

К концу 40-х гг., будучи крупнейшими купцами Ярославля и играя значительную роль на всероссийском рынке, Пастуховы начинают вкладывать часть своих капиталов в промышленность. На рубеже 40-50-х гг. они купили Омутнинский чугуноплавильный и железоделательный и Пудемский железоделательный заводы в Глазовском уезде Вятской губернии. Всего в 1860-1861 гг. на заводах Пастуховых работало 1 835 рабочих, в том числе 748 посессионных¹⁰.

Значительные капиталы вкладывали Пастуховы и в недвижимость. Петру и Александру Матвеевичам от отца достались в Ярославле двухэтажный каменный и деревянный на каменном фундаменте дома во Власьевском приходе и лавки общей стоимостью 13 тыс. руб. К моменту же смерти Петра (1845 г.) общая стоимость их недвижимости в Ярославле составляла 65 тыс. руб. В эту сумму, кроме родового имения, входили приобретенные братьями 14 лавок, кладовые, палатки, а также 9 домов, из которых один был трехэтажным, шесть - двухэтажными, один - одноэтажным (об этом доме сведений нет). По крайней мере 6 из них были каменными¹¹.

В одном из своих домов Пастуховы открыли гостиницу, о которой А. Дюма писал: "Считается, что в Ярославле - лучшая во всей России гостиница, единственная, возможно, где, за вычетом двух столиц, можно найти настоящие постели..."¹².

В 1845 г. Пастуховы купили с аукциона за 6 тыс. руб. бездействовавшую миткалевую фабрику в с. Диево-Городище Ярославского уезда, проданную за долги ее бывшего владельца. К Пастуховым перешли строения, оборудование и земля, которые значились за ними и в конце рассматриваемого периода, но производство восстановлено не было. Около 400 фабричных были переведены в разряд государственных крестьян¹³.

Дюма называет Пастуховых "дважды или трижды миллионерами", и первое действительно близко к истине. По приблизительным подсчетам, на 1860 г.

они владели капиталом в 1 млн. 750 тыс. руб. Это был самый большой купеческий капитал Ярославля в середине XIX в.¹⁴

За долголетнее пребывание в высших гильдиях и успешное ведение коммерческих дел в 1834 г. семье присвоили звание "почетных граждан", а в 1846 г. Высочайшим указом Александр Пастухов был пожалован в коммерции советники. Члены семьи Пастуховых служили по выборам в различных присутственных местах Ярославля, а также директорами банковских контор на ярмарках. Известно, что Александр Матвеевич, как минимум, дважды избирался городским головой¹⁵.

Пастуховы в течение XIX в. были одной из крупнейших купеческих семей Ярославля и России в целом. История их рода иллюстрирует путь становления верхушки российского купечества за рассматриваемый период.

Краткая генеалогическая схема рода Пастуховых

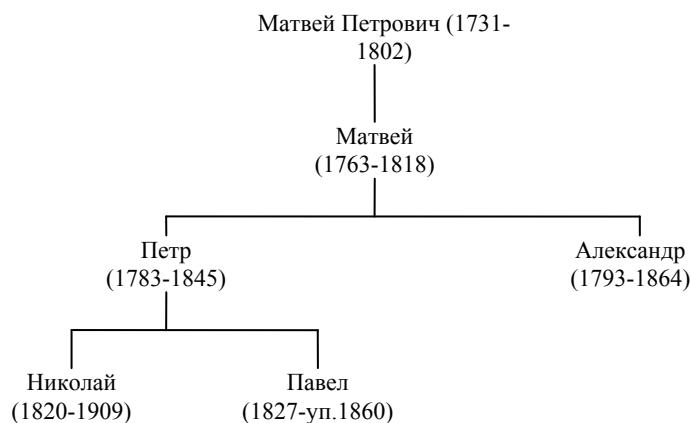

Схема сост. по: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 122; Оп. 2. Д. 124; Ф. 100. Оп. 8. Д. 192, 458, 2759, 2764; Ф. 151. Оп. 2. Д. 16569, 30461; Ф. 501. Оп. 1. Д. 359, 429, 858, 1568; надписи на памятниках на Леонтьевском кладбище.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1775; Ф. 100. Оп. 8. Д. 458. Л. 46; Грязнов А.Ф. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 год. М., 1910. С. 397.

² ГАЯО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 545. Л. 12-13об., 15 и др.; Ф. 100. Оп. 8. Д. 318. Л. 14; Ф. 501. Оп. 1. Д. 53. Л. 10об.; Д. 497. Л. 12.

³ Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Сент. С. 102; ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 361. Л. 19; Д. 384. Л. 3; Д. 487. Л. 14, 16; Д. 509. Л. 38; Д. 670. Л. 40-41.

⁴ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 487. Л. 16об.; Д. 670. Л. 20об.-21об. и др.

- ⁵ Дюма А. От Парижа до Астрахани. Саратов, 1991. С. 120.
- ⁶ Журнал мануфактур и торговли (ЖМТ). 1859. N 1-3. С. 13.
- ⁷ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 509. Л. 25, 30об., 38; Д. 3706. Л. 46об. и др.
- ⁸ Там же. Д. 469. Л. 31об; Д. 487. Л. 31об.; Д. 1463. Л. 101об.-103; Д. 1676. Л. 79; Вестник промышленности. 1859. N 5. С. 132.
- ⁹ ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 16569. Л. 36-38об.; Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 251-253.
- ¹⁰ ЖМТ. 1854. N 4-6. С. 176; Крюков П. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. Спб., 1853. С. 46; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 372.
- ¹¹ ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 16569. Л. 1об.-2; Ф. 501. Оп. 1. Д. 858. Л. 1-1а об.
- ¹² Дюма А. Указ. соч. С. 120.
- ¹³ ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 14546. Л. 2, 3, 10 и др.; Д. 30461. Л. 1.
- ¹⁴ Дюма А. Указ. соч. С. 120; ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 30461. Л. 1-1об., 6.
- ¹⁵ ЖМТ. 1846. N 4-6. С. 84; ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 429. Л. 68об.; Д. 497. Л. 24; Д. 858. Л. 1-1а.

Ю.Б. Смирнова

Купеческое предпринимательство в ярославском табачном и мукомольном производстве в пореформенный период (60 - 90-е гг. XIX в.)

Во второй половине XIX в. ярославские купцы принимали активное участие в развитии всех отраслей промышленного производства города. Характерно, что отрасли, охватывавшие переработку сельскохозяйственных продуктов, были монополизированы ярославскими купцами. Доминирующей отраслью здесь выступало табачное производство, где предпринимателями стали известные в городе и за его пределами купцы Дунаев и Вахрамеевы. Заметим, что к началу рассматриваемого нами периода табачное производство в Ярославле было представлено тремя фабриками: купца 2-й гильдии Николая Федоровича Дунаева, купца 1-й гильдии Николая Андреевича Вахрамеева и купца 2-й гильдии Николая Егоровича Вахрамеева. Все вместе эти фабриканты производили в 1861 г. лишь 2,8% суммы производства по городу и занимали соответственно по этому показателю пятое место, а по степени концентрации рабочей силы - седьмое среди промышленных предприятий города¹. В 1874 г. данная отрасль производства расширилась за счет открытия еще одной табачной фабрики "Феникс", принадлежавшей торговому дому Вахрамеевых². Рентабельность вновь открывшегося предприятия была достаточно высокой. Уже через четыре года фабрика "Феникс" выпустила продукции на сумму 118 544 руб., что в 2,3 раза больше той суммы производства, на которую в 1861 г. было выпущено товаров тремя табачными фабриками, вместе взятыми³. Надо отметить, что производство на других фабриках также значительно возросло к 1878 г. В целом же табачная отрасль производства со второй половины 70-х гг. постепенно переходит с 5-го места на 2-е (по сумме производства) и достаточно прочно удерживается на этом месте.

живает эти позиции вплоть до конца рассматриваемого периода. Здесь необходимо задаться вопросом, что же лежало в основе развития табачной промышленности в Ярославле. Одной из главных причин успеха является профессионально-грамотная оценка перспектив развития табачного производства в регионе. Так, в 1860/61 г. происходит переориентация самого производства на выпуск дешевых сортов табака. Был прекращен выпуск сигар из-за "невыгодности этого дела" для предпринимателей.

К 1895 г. на четырех табачных фабриках производилось 15,8% всей суммы производства в промышленности города и было занято 10,3% всех промышленных рабочих Ярославля⁴. Развитие табачной промышленности имело во второй половине XIX в. свои особенности. В частности, оно гораздо менее было подвержено тем кризисным явлениям, которые охватили промышленность в начале 80-х гг. XIX в. Напротив, данные показывают непрерывный рост этой отрасли производства. Кроме того, в трудные для промышленности 1883-1886 гг., когда из-за кризиса перепроизводства многие предприятия закрылись или вынуждены были свернуть до минимума свое производство, на табачных фабриках Ярославля, наоборот, нами зафиксирован рост суммы производства в 1,2 раза, что повышало удельный вес этой отрасли. В 1886 г. сумма производства на табачных фабриках составила 37,5% от общей по городу⁵. Кризис в табачном производстве наступил в 1889-1892 гг. Точно указать причины его сложно, однако скорее всего он носил характер кризиса перепроизводства, ибо затронул сразу все четыре фабрики. Так, производство на фабрике торгового дома "Братья Вахрамеевы" за 2 года упало практически в 3 раза (с 1890 по 1893 г.)⁶.

Следующая отрасль, на которой следует остановиться и которая привлекла внимание ярославских купцов, связана с бурным развитием хлебной торговли, превратившей верхневолжские города "в крупнейшие хлебные рынки и центры хранения хлеба". Это повлияло на становление и развитие хлебоперерабатывающей промышленности. В Ярославле многие купцы занимались оптовой торговлей, хранением хлебных запасов. В основном это удел купцов 1-й гильдии. Стоит упомянуть Александра Ивановича Вахрамеева и его сына Ивана, братьев Андрея и Павла Ивановичей Крохоняткиных, так как именно с этими лицами связано развитие в Ярославле мукомольной промышленности.

В 1845 г. Крохоняткиными была пущена в ход паровая мельница, которая размещалась в пятиэтажном каменном здании на берегу реки Которосль. О самой мельнице в "Ярославских губернских ведомостях" сообщалось: "Это заведение замечательно, между прочим, тем, что устроено русскими мастерами и что машины и машинисты русские". За первые 20 лет пореформенного развития рентабельность этой мельницы была достаточно высокой, особенно в конце 70-х гг. XIX в. Так, в 1879 г. мельницей было смолото 600 тыс. пудов муки высокого качества на общую сумму 1 118 200 руб.⁷ Этот год стал последним годом, когда паровая крупчатная мельница работала под руководством Крохоняткиных, в 1880 г. она не действовала.

Одной из причин закрытия мельницы стал, как указывается в сведениях, представленных для отчета ярославского губернатора, "недостаток пшеницы, которая недопоставлена с низовьев Волги".

Закрытие повлекло за собой увеличение стоимости крупчатой муки на одну треть⁸. В 1882 г. мельница переходит в собственность купца 1-й гильдии А.И. Вахрамеева, не менее известного в Ярославле и за его пределами хлебо-торговца и промышленника, однако при новом владельце мукомольное производство во второй половине пореформенного периода в Ярославле не имело столь высокого развития, как в первые десятилетия после реформы.

Но несомненным остается тот факт, что мукомольное производство Ярославля наряду с остальными отраслями получило свое развитие во второй половине XIX в.

Таким образом, наиболее мощным и предприимчивым в ярославском табачном и мукомольном производстве в пореформенный период было купечество.

Примечания

¹ Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль, 1863.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 6. Д. 23175. Л. 32.

³ Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль, 1879; Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль, 1863.

⁴ Обзор Ярославской губернии за 1895 год. Ярославль, 1896. Приложение N 2.

⁵ Обзор Ярославской губернии за 1886 год. Ярославль, 1889. Приложение N 2.

⁶ Орлов П.А., Будагов С.Г. Указание фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. Спб., 1894; ГАЯО. Ф. 642. Оп. 2. Д. 28. Л. 34.

⁷ Обзор Ярославской губернии за 1879 год. Ярославль, 1880. Приложение N 2.

⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6308.

Е.В. Койро

Титулование в Российской империи в XVIII - XIX вв.

Российская империя начиная со времен Петра I была в очень большой степени государством всеобщей и сословной регламентации. Если в допетровской России сословия имели менее жесткие рамки, то впоследствии, по введению Петром I Табели о рангах, система иерархии всех подданных русского государя приняла законченную и стабильную форму.

Иерархичность была присуща и допетровской России: существовал целый ряд чинов царского двора, московское и провинциальное дворянство, боярство как высший слой благородного сословия, князья - потомки Гедимины и Рюрика. Табель о рангах давала каждому человеку, даже недворянину, возможность получить дворянство, достигнув высших чинов, а продвигаясь по службе, занять главные посты в империи.

Но такой новой системе должна была соответствовать иерархия внутри самого благородного сословия. Дворянство в России жаловалось и в допетровскую эпоху, но Петр стал награждать не просто дворянством, а дворянскими ти-

тулами, чтобы отличить разные степени заслуг награждаемого. Для этого требовалось разнообразие титулов. Подобное существовало в Западной Европе как пережиток средневековья, когда различные степени вассалитета связывали крупных и мелких держателей земли. В России иных титулов, кроме князя, не существовало. Поэтому Петр I принял к использованию графский титул, потом к нему был добавлен баронский, и увенчал пирамиду титулов титул светлейшего князя.

Подобная сложная система чиновной и титульной иерархии нуждалась в наглядном определении. Каждый носитель титула или чина должен был быть выделен из общей массы подданных. Таким знаком стало титулование с использованием предиката, т.е. величания, например "Ваше сиятельство". Титулование представляло собой устное или письменное обращение по особой форме, при котором говоривший обозначал место того, к кому он обращался, на лестнице рангов.

В исторической литературе вопрос о титуловании освещен в работах Е.П. Карновича, Л.Е. Шепелева, Ю.М. Лотмана¹. Из работ по данному вопросу можно выделить цикл статей В. Люстиберга².

Первым дворянином империи был государь император. Его титул являлся уникальным. На конверте, ему адресованном, полагалось писать: "Его императорскому величеству государю императору", а само обращение начинать со слов "Всемилоушнейший государь". Существовал и другой вариант обращения: "Августейший монарх". С этим обращением связан имевший в действительности место случай, когда боевой, но малограмотный генерал свою просьбу начал словами "Сентябрейший монарх"³. Кроме государя, титул "Ваше императорское величество" имели мать и супруга. Наследник имел титул "цесаревича". К нему и к великим князьям - ближайшим родственникам императора - полагалось обращаться "Ваше императорское высочество", а письменное обращение начинать со слов "Милостивейший государь". Князья императорской крови, состоявшие с государем в более дальнем родстве, чем великие князья, титуловались "Ваше высочество"⁴.

Титулы императорской фамилии, разумеется, нельзя было выслужить, они получались по рождению. Самым высоким жалованным титулом являлся титул светлейшего князя. Титул был довольно редким. Первым его получил А.Д. Меншиков. Примечательно, что жаловался он и женщинам: графиня Шарлотта Карловна Ливен была пожалована княжеским титулом, а затем и титулом светлости за воспитание сестер Николая I.⁵

Другой ступенью княжеского титула являлся титул "сиятельный князь" - к нему обращались "Ваше сиятельство". В России XIX в. было около 250 княжеских фамилий, более половины из которых составляли грузинские. По свидетельствам современников, в конце XVIII - начале XIX в. титул пришел в упадок. Примером может служить тот факт, что в XVI-XVII вв. государи, ратая за распространение православия среди татар и мордвы, приказывали писать князьями принимавших его местных царьков, которых было великое множество. Результатом этого было образование более 80 княжеских родов, представители которых занимались по большей части извозом, но пользуясь при этом на законных основаниях княжеским титулом⁶. Естественно, что подъему престижа

титула это не способствовало, что, вероятно, и подвигло Петра I на введение нового графского титула. Сначала существовал титул графов Священной Римской империи, т.е. он утверждался императором Священной Римской империи, но потом российский государь стал сам жаловать в графы, но уже Российской империи. Первым графский титул получил Федор Алексеевич Головин⁷. В России в конце XIX в. было 300 графских родов. Обращаться к графу полагалось "Ваше сиятельство". Титул сей был весьма почетен: если существовали нищенствующие и "впавшие в ничтожество" князья, то графами, особенно на первых порах, были богатые вельможи, близкие к императору люди.

Некоторые семьи имели по несколько родовых титулов; если угасал старинный и знатный род, то фамилия могла передаваться по женской линии, но только с позволения императора. Государь мог наградить титулом, при этом новый титул добавлялся к уже имевшемуся: так, А.В. Суворов был графом Рим-никским, князем Итальянским⁸.

Еще одним титулом, введенным Петром I, был титул барона. В Европе в средние века он являлся одним из самых почетных, но потом потерял свое значение из-за огромного количества пожалованных. В России существовало 250 баронских родов, особенно много было прибалтийских и немецких баронов, но большинство из них просто сохранило свой титул со времен средневековья. Бароном являлся друг Пушкина Дельвиг. Титул барона был гораздо менее почетен, чем графский. Им жаловалось довольно часто разбогатевшее купечество. Существовало твердое убеждение, что к 100-летию торговой фирмы ее глава получал баронский титул.

В отличие от князей и графов, бароны не имели какого-то особенного обращения. К ним обращались "господин барон" ("госпожа баронесса").

Ниже баронов находилась масса нетитулованного дворянства. К дворянину, независимо от того, служил он или нет, полагалось обращаться "ваше благородие". В 1832 г. такое обращение было распространено на почетных граждан⁹.

Для неофициальной обстановки сложились три формулы обращения "господин мой" или просто "господин", "милостивый государь" и "сударь". Последняя долго считалась вульгарной и не могла пробиться в высший свет. Поэтому в "Горе от ума" реплика Чацкого: "Ну как перевести мадам, мадемуазель? Ужли сударыня?" - вызывает смех у окружающих. "Сударыня! Ужасно!".

Обращение "господин" не употреблялось без фамилии, "милостивый государь" могло быть безымянным, а "сударь" - только безымянным.

Итак, существовала четкая система в титуловании благородного сословия. Но чиновное титулование имело не менее четкую структуру. Служба была обязательна для дворянина, и не имевший чина выглядел крайне нелепо, потому что чин требовалось указывать при оформлении любых бумаг. Друг Пушкина князь Голицын был редчайшим примером дворянина, который никогда не служил и до смерти подписывался "недоросль"¹⁰.

Чин, в противоположность родовым титулам, как бы нивелировал людей: великий князь и провинциальный дворянин должны были выслуживать себе чины сами. С чинами были сопряжены льготы и почет в обществе. По чину встре-

чали. Поэтому в комедии Грибоедова княгиня Тугоуховская ставит в вину своему племяннику, что он "чинов не хочет знать".

В России XVIII в. утвердилось определенное обращение к чинам разных классов: "ваше превосходительство" - для высших классов, "ваше сиятельство" - для сенаторов, "ваше благородие" - для прочих чинов и дворян. Но уже к концу XVIII в. сложилась другая система обращения к чинам: I-II классов - "ваше высокопревосходительство", III-IV - "ваше превосходительство", V - "ваше высококородие", VI-VIII - "ваше высокоблагородие", IX-XIV - "ваше благородие". Но были исключения. Например, ректору университета независимо от его чина надо было писать "Ваше превосходительство"¹¹.

Пользование титулом по чину было обязательно во всех случаях обращения к вышестоящему по службе или по общественному положению. Наиболее церемонным было официальное письменное адресование вышестоящему лицу. Оно включало до середины XIX в. титул не только по чину, но и по должности, например: "Его превосходительству товарищу министра финансов тайному советнику Н." Потом формула упростилась - стали опускать фамилию и титул по Табели о рангах.

Письменное обращение к нижестоящему лицу содержало только указание должности без фамилии. Равные должностные лица обращались друг к другу с указанием чина ("господин поручик").

Даже духовенство имело титулы. Черное духовенство титуловалось следующим образом: митрополит и архиепископ - "ваше высокопреосвященство", епископ - "ваше преосвященство", архимандрит и игумен - "ваше высокопреподобие"¹².

Титулы белого духовенства были другими: протопресвитер и протоиерей титуловались "ваше высокопреподобие", иерей и протодьякон - "ваше преподобие", дьякон - тоже "ваше преподобие".

Система титулов являлась довольно сложной, но человек прошлого века должен был знать ее. Нарушение правил титулования рассматривалось либо как умышленное оскорбление, либо как признак невежества. Вместе с мундирами, орденами, знаками отличия титулование образовывало систему социального этикета, пронизывавшую все стороны жизни России.

Примечания

¹ Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1971; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб., 1994.

² Люстиберг В. "Он был титулярный советник..." // Наука и жизнь. 1993. N 2. С. 132-137; N 4. С. 76-85; N 6. С. 32-41.

³ Канкрин А.В. Мальтийские рыцари. М., 1993. С. 76.

⁴ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 34.

⁵ Карнович Е.П. Указ. соч. С. 186.

⁶ Там же. С. 173.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Люстиберг В. Наука и жизнь. 1993. N 6. С. 36.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 28.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 85.

В.С. Богомолов

Военные реформы Александра II

После буржуазных реформ 60 - 70-х гг. XIX в. в России начался быстрый рост капитализма, хотя остатки крепостничества задерживали этот процесс и Россия по-прежнему оставалась аграрной страной. Вместе с тем развитие капитализма оказало слияние и на состояние военного дела в России во второй половине XIX в. Армия стала перестраиваться. На смену феодальной рекрутской повинности пришла буржуазная всеобщая воинская повинность, но с сохранением ряда пережитков. Перевооружение армии нарезным дальнобойным оружием, введение новых средств связи, развитие железнодорожной сети создали предпосылки для применения новых способов ведения войны.

Военно-исторические материалы пореформенного периода отражают сложный процесс формирования новой армии. Главным видом источников второй половины XIX в. являются военные уставы. По ним можно довольно отчетливо проследить изменения направления строительства русской армии. Поворот произошел после Крымской войны. Россия всем ходом исторического развития была вынуждена провести реформы. Экономические и политические реформы неизбежно повлекли за собой и военные.

Непосредственно после Крымской войны были опубликованы "Правила для совокупных учений пехоты с легкой артиллерией" (1857 г.). В них подчеркивалось, что "более подробных указаний для действий в бою не дается, потому что боевая обстановка слишком разнообразна"¹. Это был крупный шаг вперед. Теперь командир получал больше свободы для проявления инициативы. Вслед за этими правилами в 1859 г. появилось "Руководство для образования стрелков".

С 1862 по 1875 г. издавался "Воинский устав о строевой пехотной службе". Несмотря на свои недостатки, он явился большим достижением военной мысли.

Важным этапом на пути строительства новой армии стал "Устав о всеобщей воинской повинности 1874 г." Этим документом было положено начало перехода от рекрутской повинности к всеобщему набору.

После Крымской войны русская военно-теоретическая мысль попыталась дать анализ причин поражения России и раскрыть пути развития армии на новых основах. С капитальной работой "О современном военном искусстве" выступил А.И. Астафьев. В ней подверглись критике работы Б. Бюлова, А. Жomini, резко осуждался Наполеон за отрицание теории стратегии и К. Клаузевиц за сведение военного искусства к творчеству полководца.

Выразителями новых взглядов на стратегию и тактику были Г.А. Леер и М.И. Драгомиров. Работа Леера так и называлась "Тактика". В ней он разраба-

тывал проблемы ведения боя. Труд Драгомирова вышел в 1879 г. под заголовком "Учебник тактики".

Для изучения военного дела второй половины XIX в. особое значение имеют мемуары Д.А. Милютина. Наибольший интерес представляют его дневники, охватывающие период с 1873 по 1899 г. В настоящее время вышло 4 тома "Дневника". В них Милютин, как либерал, заботившийся об укреплении монархии путем смело задуманных реформ, выразил отношение к происходившим в России событиям.

Кроме того, при изучении истории русской армии могут быть использованы истории войсковых частей, начавшие издаваться во второй половине XIX в. в массовом порядке.

Помимо уставов, мемуаров и историй частей, можно привлекать в качестве источника военные журналы XIX в. Наиболее серьезным является "Военный сборник", который издавался Военным министерством в Санкт-Петербурге по инициативе Д.А. Милютина. С 1856 по 1917 г. выходили также "Артиллерийский журнал" и "Инженерный журнал". Кроме них, материалы по военной истории печатались в журналах "Русский архив" и "Русская старина".

В истории военного прошлого России период 1855-1881 гг. связан с крупными военно-политическими событиями. Русское правительство проводило в эти годы широкие наступательные операции, направленные на окончательное присоединение Средней Азии и Закавказья, завершившие завоевания среднеазиатских ханств на Балканском полуострове, давшие независимость славянским народам. Русские войска совершали героические переходы через пустыни и горные пропасти. Доблестью, мужеством и героизмом, проявленными в этих походах и сражениях, заполнены страницы в истории русского военного искусства. Была упрочена в мире боевая слава русского офицера и солдата. В эти годы в русской армии выдвигаются крупные военные деятели и полководцы: Д.А. Милютин, М.Д. Скобелев, И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкий, М.И. Драгомиров, Г.А. Леер. В это же время начинают свою деятельность лучшие представители русского генералитета последующего времени - А.А. Брусилов, Р.И. Кондратенко, С.О. Макаров.

В истории строительства вооруженных сил России царствование Александра II было временем реформ. Тяжелые уроки Крымской войны 1853-1856 гг. толкали русское правительство на путь перехода к новой технике и изменениям в военном деле. Развитие крупной промышленности создавало условия для того, чтобы покончить с военной отсталостью. В связи с этим в России идет усиленное перевооружение армии новыми образцами оружия и вводится всеобщая воинская повинность, так как возросший масштаб военных операций требовал увеличения численного состава армии.

Реформы в русской армии можно условно разделить на 2 периода: домилютинский и милютинский, связанный с Д.А. Милютиным, проводившим важнейшие реформы в армии.

Основными задачами в изменении организации армии на фоне роста сухопутных сил были:

1) усиление огневой мощи стрелкового корпуса включением в состав каждой пехотной дивизии стрелкового батальона;

2) усиление артиллерии стрелковых корпусов включением третьих артиллерийских бригад и организацией парковых бригад;

3) увеличение конницы каждого армейского корпуса на 2 полка путем упразднения резервной кавалерии;

4) реорганизация пехотных полков путем сокращения числа батальонов в полку до четырех, за счет чего увеличивалось бы число полков;

5) упразднение полков тяжелой кавалерии.

Как же были выполнены эти задачи? Еще осенью 1855 г. была учреждена "Комиссия для улучшения по воинской части" под председательством А. Редигера. Было решено сократить армию и увеличить ее боеспособность, предоставив большую самостоятельность командирам корпусов и дивизий.

К 1 января 1856 г. сухопутные силы России составляли 37 000 офицеров и 2 226 000 нижних чинов, из которых 32 500 офицеров и 1 742 000 нижних чинов регулярной армии².

Коронационным манифестом 1856 г. Александр II отменил рекрутские наборы на 3 года. Одновременно срок действительной службы был с 19 лет сокращен до 15. Расформированы 4 резервные дивизии. В результате к 1862 г. армия мирного времени составила 800 000 человек.

В пехоте было уменьшено число линейных батальонов. В 1856 г. пехотные полки были переведены в трехбатальонный состав. Упразднено разделение рот на гренадерские и мушкетерские.

Регулярная кавалерия сокращена вдвое. Все полки были сведены в четырехэскадронный состав.

В 1860 г. был принят новый строевой устав, вводивший двухшереножный развернутый строй вместо старого трехшереножного. В 1862 г. в пехоте было 38 дивизий. Окончательно исчезли егеря, имена и традиции которых с 1833 г. сохранялись в полках вторых бригад пехотных дивизий. В кавалерии кирасирские полки были переименованы в драгунские, кирасиры оставлены лишь в составе I Гвардейской кавалерийской дивизии.

Домилютинская эпоха закончилась в 1861 г., когда 9 ноября военным министром был назначен Д.А. Милютин. 15 января 1862 г. он представил Александру II доклад, имевший последствием коренное преобразование всей военной системы России.

Отметив весь вред, нанесенный войскам чрезвычайной централизацией управления, Милютин предложил упразднить все высшие строевые инстанции - штаб 1-й армии и корпуса. С 1862 г. начато постепенное их расформирование и образование на их основе военных округов. К 1867 г. это были следующие округа: Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Финляндский, Санкт-Петербургский, Рижский, Московский, Казанский, Харьковский, Кавказский, Западно- и Восточно-Сибирский и Туркестанский.

Было образовано 19 новых дивизий. Большинству из новообразованных полков (65 из 76) пожалованы "по наследству" георгиевские знамена и старшинство упраздненных в 1833 г. полков.

Венцом всех реформ явилось введение 1 января 1874 г. всесословной воинской повинности. Общий срок службы был определен в 15 лет: 6 - в строю и 9 - в запасе. Призыву подлежали лица, которым к 1 января 1874 г. исполнялось

20 лет. Устав предусматривал льготы по семейному положению и образованию. Например, лица, получившие высшее образование, служили 6 месяцев и были в запасе 14 лет и 6 месяцев³. Освобождение от службы предусматривалось по физическим недостаткам и роду занятий. От службы были полностью освобождены духовенство, врачи и преподаватели.

Всеобщая воинская повинность была наиболее приемлема в условиях создания армии нового типа.

Другой важной задачей, стоявшей перед правительством, было перевооружение русской армии более совершенным оружием.

Переворужение началось сразу же после окончания Крымской войны. В течение нескольких лет в войсках были опробованы несколько типов винтовок. В итоге в 1870 г. было решено остановиться на винтовке Бердана N 2. Однако, если у нас она называется "берданка", то в США имеет наименование "русская винтовка", так как в ее создании принимали активное участие русские офицеры А.П. Горлов и К.И. Гунниус. Как писал капитан В.Я. Буняковский: "... система эта, известная в Америке под названием "русская винтовка", пользуется огромной славой, которую не различают с именем главных виновников оной - русских офицеров..."⁴.

Крупные перемены и нововведения последовали и в области артиллерийского перевооружения. Был осуществлен переход от гладкоствольной артиллерии к нарезной, от заряжения с дула к заряжению с казенной части; замена деревянных лафетов железными; замена бронзовых и чугунных орудий стальными. В этот период выдвинулся ряд талантливых деятелей в области артиллерийского дела: Н.В. Маиевский, А.В. Гадолин, В.С. Барановский.

Военные реформы 60 - 70-х гг. XIX в. привели к коренным изменениям в одежде солдат и офицеров русской армии. Основной чертой этих перемен было приближение к формам мундиров, введенных в других европейских государствах. За весь период царствования Александра II обмундирование подвергалось неоднократным изменениям. Сам император любил мундир и умел его носить. Главное, что резко изменило внешний вид всех войск, - это замена мундиров "полукафтанами" в 1855 г. Мундиры стали двубортными. Вместо каски был введен кивер - "шако", а в 1862 г. - кепи. В 1858 г. был изменен покрой шинели. Он просуществовал до 1917 г., а с некоторыми изменениями существует и по сей день.

Особое значение в этот период приобретают знаки отличия. Для укрепления традиций в русской армии в это время вводится большое количество их разновидностей: нагрудных знаков, знаков на головных уборах, шитья, петлиц, шнуров и т.д. В царствование Александра II в армии начинают отмечаться годовщины крупнейших военных событий русской истории. В связи с этими юбилеями воинским частям жаловались новые знамена с памяtnыми надписями и устанавливались юбилейные знаки отличия для солдат и офицеров.

В целом следует отметить, что военные реформы Александра II были очень своевременны и внесли положительные изменения во все области военной жизни. В результате военных реформ русская армия стала более боеспособной.

Примечания

¹ Правила для совокупных учений пехоты с легкой артиллерией. СПб., 1857. С. 2.

² См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 39.

³ См.: Устав о всеобщей воинской повинности. СПб., 1874.

⁴ Буняковский В.Я. Несколько слоев о свойствах русской 4,2-линейной винтовки // Оружейный сборник. 1869. N 4. С. 12.

С.В. Кудрявцев

Генеалогия рода Красновых

В последнее время все большее внимание исследователей привлекают вопросы генеалогии российского дворянства.

Среди известных фамилий, которые не вошли в Родословные сборники конца XIX - начала XX в., одно из видных мест занимает донской род Красновых, давший целую плеяду боевых героев, знаменитый своими представителями не только на поприще военном, административном, но и научном, литературном, благотворительном.

Исходной точкой в изучении рода Красновых правомерно считать середину XVIII в., так как о более раннем периоде в истории этой фамилии судить не приходится из-за отсутствия письменных источников. Следует отметить здесь то обстоятельство, что в XVIII в. Красновы, как и многие другие донские семьи, были вовлечены в процесс социально-экономических и общественных изменений на Дону. К концу XVIII в. Красновы оказались в ряду тех фамилий, которые укрепили свое положение в качестве "лучших", "знатных", "старших" семей в Земле войска Донского.

Первым представителем и родоначальником дворянского рода Красновых явился войска Донского генерал-майор и кавалер Иван Казмич Краснов, герой Отечественной войны 1812 г., генеалогия рода которого и представлена ниже¹.

Таблица

Родословная роспись рода Красновых

N	Поколения	Отцы
I		
1	Казьма, казак	
II		
2	Иван Казмич, генерал-майор, атаман Бугского казачьего войска р. 1752 г. ум. 24.08.1812 г. Ж. N (неизвестно)	1
III		

N	Поколения	Отцы
3	Иван Иванович-2, полковник. Ж., 1 брак N, 2 брак NN.	2
IV		
4	Иван Иванович, генерал-лейтенант, командир л.-гв. Казачьего полка, р. 1800 г. - ум. 14.04.1871 г. Ж., с 1822 г., Александра Карловна фон Гантвих	3
5	Семен Иванович, гвардии ротмистр, р. 1810 г. Ж., с 1860 г. Ефросинья Федоровна Шевцова Елизавета Ивановна, Павлинья Ивановна, р. 1818 г. Дарья Ивановна, р. 1821 г., в браке с 1838 г. с Д.П. Хрещатицким	
V		
6	Михаил Иванович, действ. стат. сов. р. 24.06.1828 г. - ум. 1909 г. Надежда Ивановна, р. 4.12.1830 г. ум. не ранее 1916 г. с 1848 г. в браке с Б.Н. Хвостовым (1828-1883 гг.), тайн. сов., сен.	4
7	Николай Иванович, генерал-лейтенант, р. 17.01.1833 г. - ум. 1.09.1900 г. Ж., Феодосия Ильинична Гаврилова Любовь Ивановна, р. 20.03.1835 г. Вера Ивановна, р. 4.12.1836 г.	
8	Иван Иванович, р. 4.05.1838 г.	
9	Николай Семенович, р. 1.01.1853 г.	5
10	Василий Семенович, р. 28.04.1855 г. Магдалина Семеновна, р. 2.06.1859 г. Прасковья Семеновна, р. 20.10.1864 г.	
VI		
11	Андрей Николаевич, профессор Харьковского университета, р. 27.10.1862 г. - ум. 19.12.1914 г. Ж., с 1898 г. Анастасия Николаевна Радакова	7
12	Платон Николаевич, действ. стат. сов., р. 5.04.1866 г. - ум. не ранее 1919 г. Ж., Мария Михайловна, ум. не ранее 1916 г.	
13	Петр Николаевич, генерал от кавалерии, донской атаман, р. 10.09.1869 г. - ум. 17.01. 1947 г. Ж., Лидия Федоровна Бакмансон	

N	Поколения	Отцы
14	Николай Николаевич-старший, р. 1885 - ум. 13.11.1948 г., полковник. Ж., Вера Дмитриевна Плетнева	9
15	Семен Николаевич, р. 1890 г. - ум. 17.01.1947 г., генерал-майор	
VII		
	Вера Андреевна, р. 2.04.1901 г., в замужестве Вертинская	11
16	Николай Николаевич-младший, р. 1918 г. - ум. 22.11.1959 г. Ж., Лидия Федоровна Вербицкая	14

В данную роспись включены выявленные представители рода Красновых. В целом, по имеющимся сведениям, на конец XIX - начало XX в. родословие Красновых насчитывает семь поколений лиц, принадлежащих к этой фамилии.

Примечания

¹ Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 8467, 8468, 8470, 8471; Оп. 51. Д. 619. Л. 175об., 221; Д. 747. Л. 5; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218. N 58, N 7; Весь Петербург. Отдел III. СПб., 1907. С. 362, 754; Весь Петроград. Отдел III. Пг., 1916. С. 348, 721; 1917. С. 351; Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907. С. 228-233; Бейлин И.Г., Парнес В.А. Андрей Николаевич Краснов. М., 1968. С. 5, 29; Казачий словарь-справочник. М., 1992. Т. 2. С. 77-87; Савелов Л.М. Несколько родословий. М., 1899. С. 27; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 588-589.

Т.Ю. Фадеева

Развитие средних и начальных учебных заведений Ярославской губернии в пореформенный период

История русской школы всегда была связана с изменениями в государственном строе и реформами, происходившими в России. Особенно наглядно подобная взаимосвязь проявилась в пореформенные годы XIX в. Капиталистическое развитие страны требовало создания совершенно новой системы среднего и начального образования, отличной от устаревшей, сложившейся в условиях крепостничества. Поэтому в России остро встал вопрос о развитии просвещения и повышении уровня грамотности населения. В Ярославской губернии, так же как и во многих других губерниях страны, все силы были направлены на решение этой сложной задачи.

Следует сказать, что успех в деле распространения образования среди населения губернии зависел от создания как можно большего количества учебных заведений, доступных всем сословиям. Развитию средней и начальной школы

способствовали различные ведомства Ярославской губернии - земства, городские самоуправления, духовное ведомство - и, наконец, сами крестьяне. Поддержка этими ведомствами и самим населением дела развития образования выражалась как материально, так и морально.

Очень большое значение имело материальное содействие. И в этом вопросе лидирующую позицию заняло земство, которое очень активно выдавало различные пособия (единовременные и ежемесячные) на содержание школ, занималось обеспечением их учебниками, книгами, письменными принадлежностями и т.п. Следует отметить, что в пореформенную эпоху в губернии был создан новый тип начального учебного заведения - земская школа. Помимо этого, земство сформировало квалифицированный слой земских учителей - четкую систему кадров с профессиональной подготовкой. Земства способствовали и быстрому росту числа школ. В 1864 г. (до начала деятельности земства) в губернии существовало 100 школ с 3 676 учащимися, а в 1880 г. действовала уже 291 школа с 16 480 учащимися¹. Если сравнивать с Владимирской губернией (1866 г. - 300 земских школ, 1884 г. - 438 земских школ), то не трудно заметить, что земства Ярославской губернии добились наибольших успехов в деле развития начального образования². За 15 лет деятельности земства количество школ увеличилось почти в три раза. Большинство крестьянских детей обучались именно в земских школах.

Большой вклад в дело развития образования в Ярославской губернии внесло и духовное ведомство. К 1900 г. церковно-приходские школы составляли 49% от всех начальных школ губернии³. Следует отметить, что открытию церковно-приходских школ содействовали и сельские общества. Одни общества устраивали для школы помещение, выдавали жалованье учителю, приобретали учебники и учебные пособия. Другие сельские общества делали подушные денежные сборы на наем школьных помещений. Деньги на содержание церковно-приходских школ поступали и от частных лиц. Так, первые и наиболее благоустроенные церковно-приходские школы - Ильинская в Даниловском уезде и Ильинская в Романово-Борисоглебском уезде - были созданы и содержались на частные пожертвования⁴. А в отчете о состоянии церковно-приходских школ за 1887/88 учебный год говорилось, что "пятая часть школ епархии содержится главным образом на средства частных благотворителей"⁵.

Целую сеть школ создало и Министерство народного просвещения, в ведении которого в 1897 г. находилось 394 начальных училища на селе и 41 училище, размещавшиеся в уездных городах (Ярославле, Данилове, Любиме, Мологе, Мышкине, Пошехонье и др.)⁶. Министерство вслед за земством пыталось создать повышенную начальную школу и открывало сельские двухклассные училища с пятилетним сроком обучения и одноклассные - с трехгодичным сроком. На содержание училищ Министерство народного просвещения отпускало определенные суммы: не свыше 1 000 рублей на двухклассные и 226 рублей - на одноклассные⁷.

В результате активной деятельности различных ведомств Ярославская губерния по развитию своего начального образования (по статистическим данным за 1896-1897 гг.) занимала первое место в России. В 1897 г. число учащихся в губернии составляло 34 744 человека, а в 1899 г. - 59 975 человек⁸. Однако по-

прежнему большое количество детей оставалось за бортом школы. Но первый шаг на пути распространения начального образования на все население губернии был сделан.

Безусловно, наибольшие успехи в пореформенный период в развитии образования были достигнуты начальными учебными заведениями губернии. Однако развивалась и средняя школа. Именно в это время зародилось женское среднее образование в виде гимназий и прогимназий (Екатерининская и Мариинская женские гимназии в Ярославле, Мариинская женская гимназия в Рыбинске, женские прогимназии в Ростове и Угличе). Открылась и новая мужская гимназия в Рыбинске. Данные новые учебные заведения утратили узкословесный характер, отличаясь этим от старых. Так, в 1874/75 учебном году в Ростовской женской прогимназии дети крестьян (25 человек) преобладали над детьми дворян (17 человек)⁹. Вновь открывшиеся учебные заведения постоянно совершенствовались, используя ранее неизвестные методы обучения.

Положительно сказалась на развитии средней школы и деятельность духовного ведомства. Ярославская духовная семинария, два духовных женских училища в Ярославле, мужские духовные училища в уездных городах (Ярославле, Ростове, Угличе и Пошехонье) находились под контролем духовного ведомства. Эти учебные заведения со своими строгими правилами как в учебном процессе, так и в воспитании детей, внесли свой немалый вклад в развитие средней школы. Они способствовали распространению знаний среди мужского и женского населения губернии. Духовное ведомство стремилось перенять все лучшее у земской школы (заменяли дьяконов наемными преподавателями, увеличили им жалование, ввели учебники, употреблявшиеся в земских школах).

В заключение следует отметить, что соревнование различных ведомств (земства, Министерства народного просвещения, духовного ведомства) в области среднего и начального образования приводило к обоюдным заимствованиям и выработке общего типа народной школы. Именно в результате взаимодействия различных ведомств средняя и начальная школа в Ярославской губернии развивались в пореформенный период быстрыми темпами. Число учебных заведений увеличилось в семь с лишним раз (1861 г. - 149 учебных заведений, 1899 г. - 1 054), а число учащихся в 6,7 (1861 г. - 9 100 учащихся, 1899 г. - 61 105)¹⁰.

Примечания

¹ Цебровский К.П. Народное образование в Ярославской губернии в пореформенный период (до политической реакции 80-х годов). М., 1955. С. 400.

² Глазунов С.Р. Владимирское земство и школа // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Ч. 1. Культурный потенциал и духовная жизнь Российской провинции. Кострома, 1994. С. 108.

³ Свищевский А.Р. Статистический обзор Ярославской губернии за 1881-1899 годы. Ярославль, 1900. С. 40.

⁴ Успенский К.А. Духовные школы Ярославской Епархии за 25 лет (15 июня 1884 года - 15 июня 1909 года). Ярославль, 1909. С. 51.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Начальные народные училища Министерства Народного Просвещения в 1897 году. Приложение к докладу школьной комиссии Губернскому земскому собранию очередной сессии 1899 года. Ярославль, 1899. С. 5.

⁷ Свищевский А.Р. Несколько статистических данных о народном образовании в Ярославской губернии. Ярославль, 1898. С. 11.

⁸ Свищевский А.Р. Статистический обзор Ярославской губернии за 1881-1899 годы. С. 40.

⁹ ГАЯО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1753. Л. 68.

¹⁰ Свищевский А.Р. Несколько статистических данных о народном образовании в Ярославской губернии. С. 41.

Д.В. Головки

Ярославский край в трудах Императорского Вольного экономического общества

Проблема поднятия производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности России превратились в одну из главных экономических задач с середины XVIII в.

Создание в 1765 г. в Санкт-Петербурге Императорского Вольного экономического общества (ВЭО) к поощрению в России земледелия и домостроительства было вызвано необходимостью найти ответы на целый ряд вопросов, связанных с особенностями экономического развития России.

Главными задачами ВЭО являлись оказание помощи помещицкому хозяйству в связи с ростом промышленности и расширением рынка, а также распространение полезных сведений в государстве. Общество, просуществовавшее до 1917 г., опубликовало 280 томов сочинений по самым различным областям знаний. В "Трудах" и других печатных изданиях ВЭО печатались и сведения о различных районах России, что давало возможность не только проанализировать ее экономическое развитие, но предпринять реальные шаги для улучшения положения в хозяйстве страны. Деятельность Вольного экономического общества до сих пор недостаточно изучена в литературе.

Историографы Общества - А.Т. Болотов, А.И. Ходнев, П.П. Пекарский, А.Н. Бекетов - отмечали высокую заслугу ВЭО в распространении сведений, благоприятствующих земледелию и промышленности государства.

Работ советских историков и экономистов, посвященных анализу деятельности Общества, немного. Имеются исследования лишь по отдельным проблемам начального периода существования ВЭО в XVIII в.

В задачу автора, изучающего Ярославский край в "Трудах" ВЭО, входит поиск, сопоставление и анализ сведений о Ярославской губернии, опубликованных на страницах печатных изданий Общества. Данные о нашем крае мы получаем не только из исследований членов Императорского общества, но и из корреспонденции самих жителей Ярославской губернии.

По тематике все сведения о губернии можно разделить на несколько групп.

Первая наиболее полно представленная группа - это сельскохозяйственные отчеты ярославских помещиков о своих усадьбах. К ним относятся корреспонденция помещиков: А.П. Ильинского, Д.И. Гаврилова, Е.С. Карновича, П.А. Протопопова, П.А. Зацепиной, А.Н. Дружинина, Н.О. Земского, А.В. Костылева, А. Скульского, Ф. Смирнова. В отчетах они рассказывают о количестве посевов, урожае различных сельскохозяйственных культур, удобрениях, времени проведения сельхозработ. Помещики делятся опытом о мерах, предпринимаемых ими для улучшения земледелия и скотоводства, об усовершенствованиях сельскохозяйственных орудий и машин. Интенсификация своего хозяйства, повышение плодородия почв, увеличение доходов, наивыгоднейшее использование собственных крестьян - это те вопросы, которые волнуют помещиков в первую очередь.

Вторая группа - это сведения о скотоводстве Ярославской губернии. О развитии скотоводства в крае говорится много. На страницах "Трудов" ВЭО обсуждались качественные характеристики скота губернии, его происхождение и условия содержания, ставились вопросы об улучшении ярославского скотоводства. Были предприняты меры по распространению романовских овец и молочного скота ярославской породы. Следует отметить, что в скотоводстве наиболее выгодно выращивание овец, так как овцеводство по сравнению с животноводством и коневодством дает больший доход. Животноводство и коневодство даже убыточно, занимаются ими для получения удобрений.

Встречаются подробные описания романовских овец, пользующихся славой по всей стране.

Но в целом уровень скотоводства в крае оставался весьма невысоким. Даже у ярославских помещиков его количество было ограничено. Это явилось следствием не только низкого уровня благосостояния жителей, но и особенностями климата и месторасположением губернии.

Материалы о льноводстве Ярославского края - это третья группа сведений, выделенных автором работы в изданиях ВЭО. Исследователи считают, что льноводство занимает значительную долю в доходах губернии, и доля эта с каждым годом растет. Ярославский лен и изделия из него распространяются не только по всей России, но и за границей. Корреспонденты делают обзор льнополотняной промышленности главных центров по выращиванию и обработке льна края. Увеличивается число льнопрядилен и полотняных фабрик. Все большее количество крестьян занимается ткачеством и производством льна.

Подводя итог, можно сказать, что ткачество полотен в Ярославской губернии было развито в огромных размерах.

Четвертая группа - промыслы. Говоря о промыслах губернии, надо отметить их второстепенную роль по сравнению с земледелием. Цель промыслов - стремление облегчить труд для приобретения средств существования. Промыслы возникают в результате невозможности заниматься земледелием по причине малоземелья, неблагоприятного климата и недоброкачественности почвы Ярославской губернии.

В "Трудах" ВЭО существуют и другие сведения о Ярославском крае, которые автор работы не объединил в какую-то особую группу.

Следует отметить, что значительная часть используемых Императорским обществом материалов о нашей губернии заключалась в "Отчетах Ярославского общества сельского хозяйства", отосланных в ВЭО.

Благодаря деятельности ВЭО, поставившего своей целью сбор сведений о различных районах России, мы можем проследить экономическое развитие Ярославской губернии. Развитие это осложнялось традиционализмом жителей края, желанием вести свое хозяйство по старинке, недоверием ко всем нововведениям как в хозяйственной, так и в социальной сфере.

И все же начинает отчетливо прослеживаться стремление к изменению сложившейся обстановки, принятию ряда мер, призванных улучшить экономическое состояние края.

Н.В. Панина

"Ярославские епархиальные ведомости" как исторический источник

С 1860 г. в Ярославле появляется еще один печатный орган - "Ярославские епархиальные ведомости" (ЯЕВ). ЯЕВ являются одним из ценных и малоисследованных источников по истории местного краеведения, истории Русской православной церкви. В своих работах исследователи, в том числе и местные краеведы, очень редко обращаются к такому виду периодики, как "Епархиальные ведомости", хотя в последнее время обозначилась тенденция к изучению церковной литературы вообще, и органов печати Русской православной церкви в частности.

Более подробный разбор публикаций ЯЕВ позволил нам выделить следующие приоритетные темы, которые наиболее широко освещаются в газете: раскол внутри Русской православной церкви, включая события, происходившие в пределах Ярославской епархии; история ярославских монастырей; характеристика и анализ статей, представленных в ЯЕВ такими авторами, как В.И. Лествицын, А.А. Титов, А.П. Крылов.

Одной из самых злободневных и острых проблем для Русской православной церкви, требующей какого-то разрешения, была и остается проблема раскола и существования различных сект в ее недрах. Материалы ЯЕВ весьма обширны по данной проблематике и дают неплохое освещение существования сектантства в его историческом развитии на примере Ярославской епархии, хотя порой затрагивают тему раскола в общероссийском масштабе.

Вопрос раскола Русской православной церкви в пределах Ярославской епархии имеет скудное освещение в краеведческой литературе, что позволяет отнести сообщения по данной тематике, опубликованные на страницах ЯЕВ, к разряду уникальных материалов¹. Публикации газеты по этой проблематике позволяют нам выделить те уезды Ярославской губернии, где встречается наибольшее количество людей, отошедших от ортодоксального учения православия, а именно: Ярославский, Даниловский, Романово-Борисоглебский,

Пошехонский, Любимский уезды². Один из авторов, В. Голубков, делает очень любопытное замечание относительно того, что в общем числе раскольников главным образом преобладают женщины, и притом большей частью старые. По его мнению, это одна из особенностей раскола в Ярославской епархии³.

Достаточно обширно представлен на страницах ЯЕВ материал по истории монастырей Ярославской епархии. Надо заметить, что авторы подобного рода публикаций обращаются к истории не только крупных монастырей, таких, как Толгский, Спасо-Ярославский, Борисоглебский, но повествуют чаще всего о менее известных, а подчас и упраздненных монастырях. Если историю раскола Русской православной церкви мы отмечаем как одну из малоизученных проблем в краеведческой литературе, то этого нельзя сказать об изучении монастырской истории. Изучение идет в следующих ракурсах: история монастырей и современность, монастыри как памятники архитектуры, роль монастырей в политическом развитии России. Этими проблемами занимаются Т. Никитина, А. Мельник, А. Виденеева, А. Павлов, О. Гомозов, В. Денисов, В. Киселев.

При непосредственном изучении публикаций, относящихся к данной теме, обнаружилось, что все материалы по истории того или иного монастыря имеют однотипный план изложения, а именно: 1) местоположение и название монастыря; 2) время построения зданий; 3) способы содержания.

На страницах ЯЕВ публиковались не только статьи того или иного автора по истории монастырей Ярославской епархии. В рамках обозначенной темы мы находим и публикации источников: древние рукописи или отдельные фрагменты из них. Так, например, в номере 46 за 1876 г. опубликован следующий материал: "О разорении поляками монастырей около града Углича в 1609 г.". Это не что иное, как сделанная "выписка" из летописи о граде Угличе со списка, хранящегося в Ярославском Архиерейском доме (в библиотеке). Указаны глава (39) и лист (39), с которых она сделана. Этот материал был опубликован в газете неким А.И. Ханенко. Важно заметить, что данная "выписка" помещена с соблюдением археографических правил. Здесь мы узнаем об участии, которая постигла в начале XVII в. Угличский Николоулейминский монастырь, Михайловский, Покровский, Кассианов монастыри.

На страницах ЯЕВ мы находим многочисленные жалованные грамоты монастырям князей и царей русских, митрополитов. В совокупности в исследуемом периодическом издании можно обнаружить сведения практически по каждому из монастырей, находящихся в пределах Ярославской епархии, подчас являющихся первоисточником, так как многие источники (древние рукописи, актовый материал и т.д.) утрачены и не сохранились до наших дней.

Определенное место занимают публикации Лествицына, Титова, Крылова, имеющие следующие отличия: во-первых, внимание к источникам, и прежде всего по истории церкви (в широком смысле), и стремление ознакомить читателя с их содержанием; эта цель во многом облегчалась за счет имеющихся у указанных лиц собственных собраний рукописей, книг; во-вторых, публикации названных авторов отличаются более грамотной (с точки зрения требований к историческим исследованиям) подачей материала: это не просто голословное пересказывание того или иного события, но и попытка определить круг источ-

ников по изучаемой теме, а стало быть, проверить имеющиеся сведения по их полноте и достоверности.

О значимости исторических публикаций ЯЕВ писал современник газеты А.А. Титов: "... значительное количество драгоценных исторических материалов, масса других статей, небезынтересных для духовенства епархии, то и другое, разбросанное на нескольких тысячах страниц, трудно поддается справке, а тем более спешному безотлагательному прочтению"⁴.

В своем развитии ЯЕВ за 1860-1917 гг. претерпели существенную эволюцию, начиная с внешнего вида издания и кончая характером материалов. В период 1900-1917 гг. наблюдается резко возросший интерес газеты к современным ей событиям, а публикации об историческом прошлом края и в целом России отходят как бы на второй план. Но, несмотря на такой поворот в характере материалов газеты, на наш взгляд, ЯЕВ не утрачивают своей ценности исторического источника. В ЯЕВ продолжали, хотя уже и не с той периодичностью, помещать свои работы и находки документов краеведы, члены Ярославской губернской ученой архивной комиссии Г. Преображенский, А. Израилев и другие.

Примечания

¹ См.: Нечто о раскольниках с. Татищева погоста, Ростовского уезда // ЯЕВ. Неофиц. часть. 1872. N 6. С. 48; Раскол и сектанство в России // Там же. 1903. N 29. С. 535; Секта мариавитов // Там же. 1906. N 25. С. 380.

² Там же. 1885. N 46-47.

³ Там же.

⁴ Титов А.А. Ярославские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. Сергиев Посад, 1893. С. 1.

А.В. Борисов

К проблеме изучения крестьянского движения в России в 1905-1907 гг.

Формирование новых общественных взглядов, происходящее в стране, требует от исследователей не только новых трактовок событий прошлого, но и изменения самих подходов к их изучению. Одна из важнейших задач - всесторонний анализ истории российского крестьянства как социально-экономической общности, особенно в переломные моменты истории.

В феврале - июле 1992 г. в Москве состоялись теоретические семинары, посвященные современным концепциям аграрного развития. Публикации материалов дискуссий помогли отечественным историкам получить представление о степени развития западного крестьяноведения¹. Прошедшие конференции фактически подтвердили приоритет западных исследователей в системном изучении крестьянства как особого социокультурного явления.

На долю российского крестьянства, составлявшего большинство населения в крупнейшей стране мира, в течение 70 - 80 лет (с середины XIX в. по 30-е гг. XX в.) выпало перенести целый ряд реформ, войн и революций. Первая в череде революций, потрясших евразийскую империю, произошла в 1905-1907 гг. Разрешение аграрных противоречий - это была основная ее задача. Уже в ходе революции одна из ветвей государственной власти в лице П.А. Столыпина использовала свой вариант выхода из "земельного тупика" как единственно доступный. Однако ход реформы доказал, что ее содержание не отвечает требованиям крестьянства, выступавшего как единый социальный организм. Чаяния земледельцев не соответствовали полностью ни программам правительственных чиновников, ни оппозиции, ни революционеров, что и подтвердила I Дума. Причина этого непонимания кроется в самой сущности крестьянства, которое предстает как "нетипичная антропологическая общность"².

Изучение причин, масштабов, результатов участия крестьян в событиях революции началось в ходе этих событий. В силу специфики своей деятельности наиболее усердными среди современников были "историки" из Министерства внутренних дел. Сведения, собранные органами правопорядка и спецслужбами, что называется, "для служебного пользования", являются, как правило, одним из самых полных и беспристрастных свидетельств. По этой причине документы полицейского и жандармского фондов широко применяются учеными при составлении сборников документов и в исследовательских работах³.

В 1920-х гг. начинается формирование советской исторической науки. К событиям начала века - времени становления партии, создавшей первое в мире государство рабочих и крестьян, - внимание было повышенное. Публикуются документы, воспоминания участников революционных событий. В этих изданиях еще присутствуют свидетельства о деятельности политических оппонентов РСДРП(б). Воспоминания позволяют оценить действительную эффективность пропаганды политических объединений с целью оказать влияние на деревню⁴.

К 50-летию революции 1905-1907 гг. выходит многотомное собрание документов по ее истории, подготовленное академическим коллективом, материалы которого и до сих пор не задействованы исследователями полностью. К юбилеям выходят книги, посвященные различным аспектам революции. Кроме того, увидели свет целый ряд региональных работ по данной тематике⁵.

Наибольший вклад в изучение движения крестьян в период первой русской революции советская историография внесла в течение последних 40 лет. Расширилась источниковая база, с учетом требований времени стали освещаться различные стороны движения. Тем не менее изучение крестьянского движения, и в частности в 1905-1907 гг., нельзя назвать всеобъемлющим⁶.

Даже те вопросы, которые, казалось бы, освещены в литературе достаточно глубоко, в действительности раскрыты необъективно, в том числе в силу идеологических установок. Например, проблема "Крестьянство и православная церковь в революции". В советской историографии они противопоставляются друг другу как "революционная" и "контрреволюционная" силы⁷. Но система взаимоотношений сельского священника и "мира" не могла быть обусловлена лишь их взглядами на земельное право и экономическими связями. Более того,

нередко взгляды крестьян и священнослужителей совпадали между собой, но противоречили Уложению об уголовных наказаниях Российской империи⁸. Практически не разработана историография проблем борьбы политических партий за влияние на деревню, а с учетом социальной психологии крестьян - проблема возможности таковой.

На сегодняшний день отсутствует единая методика изучения и статистической обработки документальных материалов по проблеме аграрного движения в России в 1905-1907 гг.

Представляется, что определять сегодня "крестьянское движение" лишь как оппозицию сложившемуся экономическому устройству и порядку управления - значит не учитывать социально-психологический фактор. Здесь, вероятно, требует внимания и проблема сопротивления крестьян не только государственным чиновникам, но и "посланцам революции", также нарушавшим извне традиционный уклад деревни.

Таким образом, нельзя отрицать наличие значительного круга литературы, в которой затрагивается проблема крестьянского движения периода первой русской революции. Но вместе с тем вне внимания исследователей остались многие важные аспекты проблемы; отсутствует методика изучения движения. Главное - анализ событий 1905-1907 гг. необходимо увязывать со спецификой крестьянства, преломляя их через присущие только деревне черты социофеномена.

Примечания

¹ См.: Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992. N 5. С. 3-31; 1993. N 2. С. 3-28.

² Шанин Т. Определяя крестьянство // Там же. 1993. N 2. С. 10.

³ См.: Второй период революции. 1906-1907 гг. Ч. 1-4. М., 1957-1965 гг.; Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1956. С. 161.

⁴ См.: Кретов Ф. Крестьянство в революции 1905-1907 гг. М.; Л., 1925; Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925.

⁵ См.: Дружинин П.И. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905-1907 гг. Ярославль, 1955; Климов П.И. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905-1907 гг. М., 1960.

⁶ См.: Гинев В.И. Борьба за крестьянство и кризис русского народничества 1902-1914 гг. Л., 1983; Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой русской революции. М., 1985; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1.

⁷ См.: Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1984.

⁸ Второй период революции. Ч. 1. Январь-апрель 1906 г. Кн. 1. М., 1957. С. 99-103.

Корифеи русской дореволюционной адвокатуры

В наше время слава таких корифеев адвокатуры, как В.Д. Спасович, А.И. Урусов, С.А. Андреевский, П.А. Александров и др., несколько померкла. Однако нынешнему поколению юристов нельзя не только забывать эти имена, но нужно и учиться искусству адвокатов XIX в.

Русская присяжная адвокатура была самой молодой в Европе. Учрежденная по судебной реформе 1864 г., она явилась новым институтом и по своему содержанию, и по форме: ее отличительными чертами стали гласность и автономность. Вместо недобросовестных, а иногда и невежественных юристов в адвокатуру пришли прогрессивно настроенные, высококвалифицированные специалисты, такие, как Спасович, Урусов, Александров и др. "Демократический подъем 60-х годов, рост общественной активности русской интеллигенции - вот что толкало образованных и талантливых людей в адвокатуру"¹. Все они были выходцами из интеллигентных семей, получили прекрасное образование (большинство из них закончили гимназии с золотой или серебряной медалью, а затем учились в лучших университетах России и Западной Европы).

Адвокаты XIX в. отличала необычайная широта интересов: В.Д. Спасович был литературоведом и историком, философом и криминалистом; Д.В. Стасов - публицистом, знатоком литературы, музыки, скульптуры, крупным общественным деятелем; А.И. Урусов - талантливым театральным критиком; С.А. Андреевский - поэтом.

Важнейшим аспектом их деятельности было соблюдение адвокатской этики по отношению к клиенту, противоположной стороне. Адвокаты придерживались этого и в личной жизни, и в отношениях между коллегами. Юрист, считали они, "должен быть точен в исполнении принятых на себя обязательств как в своей профессиональной деятельности, так и в частной жизни, ибо всякая неискренность в этом отношении может подорвать доверие к нему общества"². Главным критерием при выборе клиента было не его положение в обществе и знатность, а стремление служить справедливости, отстаивание достоинства, а иногда и жизни честных людей. В.Д. Спасович, П.А. Александров, С.А. Андреевский и др. (за исключением Ф.Н. Плевако) не раз выступали в качестве защитников на политических процессах (процесс Веры Засулич, "нечаевцев", "пятидесяти" и др.).

Добиваться оправдательного приговора адвокатам помогало превосходное владение ораторским искусством. В это время происходила борьба двух течений в уголовной защите - научного, представленного Спасовичем, и литературно-художественного, которое возглавлял Андреевский. Если речи Спасовича были не всегда совершенны по форме, то они поражали слушателей своим содержанием и глубоким психологическим анализом. Речь же Андреевского блистала образностью, красочностью. "Живая виолончель адвокатуры"³, - говорили о нем современники.

Говоря о юристах второй половины XIX в., их вкладе в адвокатуру, невозможно не упомянуть А.Ф. Кони, который, хотя и не был адвокатом, немало сделал для развития демократического судопроизводства.

Примечания

¹ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866-1895 гг.). М., 1979. С. 185.

² Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60 - 80-е годы. М., 1987. С. 109.

³ Урусов А.И. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 3. С. 278.

И.В. Шильникова

Роль студентов Демидовского юридического лица в деятельности ярославской эсеровской организации (1905-1907 гг.)

С момента начала первой российской революции и до ее окончания студенты Демидовского юридического лица (ДЮЛ) принимали активное участие в деятельности местных организаций революционных партий, в том числе и в деятельности Ярославской организации ПСР.

Созданию единой организации социалистов-революционеров в Ярославле (весна 1905 г.) предшествовал период существования группы агитаторов, нескольких рабочих кружков и группы студентов и учащихся, занимавшихся распространением партийной литературы. В конце 1904 г. студенты ДЮЛ А. Трауберг, И. Певзнер, А. Поникаровский были замечены в том, что распространяли в здании лица и в столовой прокламации Московской организации ПСР¹.

Активность лицеистов заметно возросла к осени 1905 г. На митинге, состоявшемся в здании лица 14 октября 1905 г., выступил И. Певзнер, который очень эмоционально говорил о жертвах, принесенных социалистами-революционерами в борьбе с самодержавием, и высказался за взаимодействие с местными социал-демократами, ибо "красное знамя есть знамя всего социализма", а не только РСДРП². Это вполне соответствовало ориентации ярославской эсеровской организации на сотрудничество с местными социал-демократами в период высшего подъема революции. 17 октября запланированный в здании лица митинг не состоялся, а на следующий день полиция при участии черносотенцев разогнала демонстрацию ярославских студентов и гимназистов. 19, 20 и 21 октября были отмечены массовыми избиениями учащихся. В связи с нарастанием революционного движения приток учащейся молодежи, в том числе и студентов ДЮЛ, в леворадикальные организации заметно увеличился. Целый ряд фамилий студентов лица неоднократно упоминался в полицейских донесе-

ниях, рапортах и отчетах о деятельности местной организации ПСР в 1905-1907 гг.

Конец 1905 - начало 1906 гг. стали временем массовых арестов среди членов местных революционных организаций. Многих членов ПСР выслали из Ярославской губернии, а те, кто сумел избежать ареста, сами выехали в соседние губернии. Многие оказались в Вологде, в частности, студенты ДЮЛ - И. Соколов (скрылся от полиции), А. Поникаровский (был выслан в Вологодскую губернию весной 1906 г.) и др.

В январе 1906 г. в Ярославле группа эсеров и социал-демократов поставила своей задачей разработать и осуществить план освобождения политических заключенных, содержащихся в Ярославском исправительном арестантском отделении. Однако "путем агентурных сведений и наружного наблюдения" начальник Ярославского розыскного пункта получил достаточно подробную информацию о членах группы. В результате было задержано 22 человека, а среди них и студенты ДЮЛ. Один из них, Л.А. Космодемьянский, содержался в Мологской тюрьме. Интересно, что Мологский кружок ПСР, состоявший преимущественно из учащейся молодежи, поставил одной из своих первоочередных задач скорейшее освобождение Космодемьянского. Но осуществить этот план не удалось³.

Осенью 1906 г. вновь активизировалась деятельность крайне правых организаций. 18 октября в Ярославле недалеко от здания Екатерининской женской гимназии произошло избиение группы студентов ДЮЛ, которые пытались устроить политическую демонстрацию по поводу годовщины принятия царского Манифеста. Начиная с вечера 19 октября и в последующие три дня в городе происходили избиения студентов. Это привело к тому, что сначала Городская дума организовала невооруженную милицию, а затем местные политические и общественные организации из среды своих членов создали вооруженные дружины. Студенты ДЮЛ входили в состав двух дружин - эсеровской, численность которой составляла 67 человек, и "студенческой сотни" (45 человек)⁴.

Следствием раскола ПСР и выделения из нее Союза социалистов-революционеров-максималистов стал раскол в местных организациях. С осени 1906 г. в Ярославле существовали две эсеровские организации - Ярославский комитет ПСР и Ярославская автономная организация социалистов-революционеров (ЯАО ПСР). Студенты ДЮЛ входили в состав обеих, но большинство примыкало к "автономистам". Это объяснялось увеличением числа сторонников более радикальных методов борьбы.

Осенью 1906 г. в Ярославле действовала мастерская по изготовлению разрывных снарядов. Среди ее участников были и студенты ДЮЛ - члены ПСР. В ноябре 1906 г. полиция подтвердила сведения о существовании в Ярославле летучего отряда оппозиционной фракции ПСР (т.е. максималистов, склонявшихся к крайне экстремистским действиям), в состав которого входило около 30 человек из Москвы, Рыбинска, Ярославля. В него входили и студенты ДЮЛ - Ф. Преображенский, А. Поникаровский, П. Яновский и др. Участники отряда ставили перед собой задачу проведения нескольких экспроприаций, которые становились все более распространенным явлением. Одна из причин этого - стремление пополнить источники финансирования издательской, организатор-

ской, агитационной деятельности. Кроме того, нужны были средства для реализации планировавшихся террористических актов⁵.

Стремление к усилению боевой деятельности стало одной из причин многочисленных арестов среди членов Ярославского комитета ПСР зимой - весной 1907 г. В результате он как единая дееспособная организация был ликвидирован.

ЯАО ПСР в этот период громко заявила о себе, организовав покушение на жизнь ярославского губернатора Римского-Корсакова. Кроме того, что в подготовке этой акции участвовали лицеисты, покушавшийся представился студентом ДЮЛ, пришедшим предложить губернатору билет на студенческий концерт Волжского землячества. Легкость, с которой вооруженный человек смог не только пройти в приемную, но и попасть на прием к губернатору, объясняется, видимо, следующим образом. Приблизительно за месяц до описываемых событий, в конце января 1907 г., на имя Римского-Корсакова пришло письмо за подписью директора ДЮЛ, в котором говорилось об обиде студентов на то, что их обыскивают прежде, чем допустить к губернатору. И почти сразу же распоряжение об обыске всех посетителей, лично неизвестных дежурным надзирателям, было отменено самим губернатором по отношению к студентам, являвшимся с приглашениями на различные благотворительные вечера⁶.

В результате неудавшегося покушения исполнитель в июне 1907 г. был казнен, а некоторые члены ЯАО ПСР арестованы, в том числе ряд студентов ДЮЛ, входивших в эту организацию.

С августа 1907 г. в Ярославле начал действовать губернский комитет ПСР, председателем которого был В. Голодников (студент ДЮЛ). В состав комитета входили Л. Неаронов (студент ДЮЛ), П. Ершов, В. Виноградов. Комитету перешла библиотека, доставшаяся от ЯАО ПСР. Участники комитета имели в своем распоряжении подпольную типографию. В. Голодников являлся основным составителем прокламаций и листовок⁷.

В дальнейшем (в 1908-1916 гг.) студенческая организация ПСР, руководство которой осуществляли в основном студенты ДЮЛ, действовала как достаточно самостоятельная структурная единица в рамках Ярославской организации социалистов-революционеров.

Примечания

¹ См.: ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 233об.

² Там же. Л. 219.

³ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 233. II отд. 1905. Д. 1800. Ч. 54. Л. 25..

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Оп. 235. I отд. 1906. Д. 20. Ч. 82. Л. 26об.

⁶ Там же. Оп. 236. I отд. 1906. Д. 9. Ч. 72. Л. 47.

⁷ Там же. Л. 86.

Кадеты и "Северный край"

Большую роль в формировании и становлении конституционно-демократической партии (партии народной свободы) в Ярославле и губернии сыграла газета "Северный край", объявившая себя ее органом осенью 1905 г. 26 октября, т.е. еще до образования отделения в Ярославле, в ней была помещена политическая программа кадетов. "Основной принцип этой программы - стремление установить в России твердый правовой порядок на широко демократических свободах, то есть как раз то, чего жаждет и к чему стремится большинство населения России, пострадавшее от гнета и произвола ненавистного строя", - писал "Северный край"¹.

Накануне выхода этого номера, 25 октября, в редакции произошел раскол между главным редактором Михеевым и частью сотрудников во главе с социал-демократом (большевиком) Менжинским, вышедшими из нее. Конфликт этот продолжался уже длительное время. Главное обвинение, предъявленное Михееву 14 журналистами, состояло в том, что он, по их мнению, установил внутреннюю цензуру, сокращал в целом ряде статей принципиальные для авторов места. Поводом к окончательному разрыву послужила статья "Речи социал-демократов", опубликованная в номере 24 октября. В этой статье, шедшей вразрез с политической линией газеты, отстаивавшей либеральные принципы, в частности, отмечалось: "Либералы в значительной мере приписывают достигнутые освободительным движением результаты демократическим элементам, выделенным высшими классами общества. Это ложь..."². Выход такой публикации ускорил разрыв между конфликтующими сторонами. Вскоре в газете левое направление "Новая жизнь" вышло "открытое письмо кадетам - основным пайщикам ("хозяевам") "Северного края". Оно было подписано Менжинским и его единомышленниками. Письмо носило резко обвинительный характер, его отличал некорректный тон. Оно призывало жителей Ярославля к вооруженной борьбе с самодержавием. "Обращайте же "Северный край" в либеральную подворотню", - провозглашалось в нем³.

В дальнейшем "Северный край" активно освещал положение дел в партии. На газетных страницах давалась информация о деятельности ярославского отдела, об основных мероприятиях, проводимых им, печатались статьи его членов (так, многие статьи написал фактический лидер ярославских кадетов князь Д.И. Шаховской), выражавшие позиции конституционных демократов. Вместе с тем газета не замыкалась на узко партийных проблемах и печатала самые разносторонние материалы о местной (и не только) жизни.

Событием, взволновавшим всю общественность Ярославля, стал расстрел демонстрации 9 декабря 1905 г., известный как "кровавая пятница". Демонстрацию организовали на ЯБМ, к ней примкнули работники других промышленных предприятий города, учащая молодежь. В шествии участвовало около 8 тыс. человек, направившихся к дому губернатора Римского-Корсакова. По дороге на них напали казаки. В результате было убито 7 человек.

В ответ на это Ярославский комитет принял обращение, которое напечатал "Северный край". Там говорилось: "Казачья лишь слепое орудие в руках представителей власти. На этих представителей власти возлагает вину за пролитую кровь, им высказывает свое глубокое негодование Ярославский комитет кадетской партии". "Только созданный Учредительным собранием государственный строй может обеспечить русский народ от произвола и насилия, от пролития крови", - заканчивалось это обращение⁴.

После этого обстановка в Ярославле резко обострилась. В городе проходила серия арестов, высылка за пределы губернии негодных политических деятелей, временно запрещались публичные выступления под предлогом защиты государственного порядка. В декабре по решению местной администрации "Северный край" закрывается.

Позднее, в 1906-1907 гг., выходило еще несколько газет, принадлежавших кадетской партии, но продолжительность их выхода составляла не более нескольких месяцев. Все они являлись продолжением "Северного края" и вынуждены были постоянно менять свои названия из-за действовавшей цензуры. Среди них выделим такие издания, как "Северная мысль", "Северные отклики", "Северный голос" и "Северная речь".

Только в 1910 г. у ярославского отдела появилась стабильная газета "Голос". Ее главными редакторами стали два крупных публициста - Н.П. Дружинин и К.Ф. Некрасов (племянник великого русского поэта). "Голос" выходил в течение семи лет и был закрыт большевиками в 1917 г.

Примечания

¹ "Северный край" - ежедневная газета, которая издавалась с декабря 1898 г. (см.: Козлов П.И., Маров В.Ф. Ярославль. Путеводитель-справочник. Ярославль, 1988. С. 217.). Учредительное собрание кадетов в Ярославле состоялось 5 ноября.

² Северный край. 1905. 24 окт. N 248. Менжинский и его сотрудники были приглашены в редакцию в 1904 г. (Козлов П.И., Сулов А.И., Чураков С.С. Ярославль. Путеводитель. Ярославль, 1980. С. 82.).

³ Дружинин П.Н. Ярославль в годы первой русской революции 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / ЯГПИ. М., 1955. С. 178. Таким образом, ссылки нынешнего "Северного края" (бывшего "Северного рабочего") на преемственность малоуместны.

⁴ Северный край. 1905. 13 дек. N 296.

М.Л. Размолодин

Социальный и численный состав ярославского отдела "Союза русского народа" в 1905-1910 гг.

Попытки ответить на вопрос о численности ярославского отдела "Союза русского народа" (ЯО СРН) предпринимались еще до революции. Так, меньшевистский исследователь черносотенных организаций В. Левицкий со ссылкой на утверждения вождей ЯО СРН называл цифру в 10 тыс. человек (вместе с семья-

ми - 40 тыс. человек)¹. Документы Ярославского губернского по делам об обществах присутствия свидетельствуют, что численность ЯО СРН составляла 19 тыс. человек, причем 9 тыс. из них проживали в Ярославле, остальные - по уездам². Данная цифра относится к маю 1906 г., когда не произошло еще поголовного присоединения к черносотенной организации рабочих спичечной и табачной фабрики Дунаева, а также большинства рабочих табачной фабрики Вахрамеева и Норской мануфактуры. Исследователи последних лет считают, что численность ЯО СРН составляла 23 900 человек³. Несмотря на отсутствие в их работах ссылок на источники, эта цифра кажется наиболее убедительной.

Численность ЯО СРН не была постоянной. 23 900 человек - число членов черносотенной организации на момент ее наивысшего расцвета - конец 1906 - середину 1907 г. С 1908 г. наблюдается стремительное падение численности отдела. К 1912 г. из бывших тысяч в ЯО СРН осталось всего 500 человек⁴. К сожалению, отсутствие источниковой базы не позволяет проследить колебание численности отдела по годам. Таким образом, в годы первой русской революции местная черносотенная организация являлась наиболее многочисленной политической партией губернии, оставившей далеко позади по численности кадетов (497 человек), октябристов (1 430 человек) и социал-демократов (2 000 человек)⁵.

В ЯО СРН были представлены разнообразные слои населения. Наиболее преданными и многочисленными сторонниками "черной сотни" выступали маклаки, ремесленники и торговцы с толкучего рынка. Неграмотные, забитые жизнью, они в большинстве своем были фанатичными приверженцами самодержавия. Губернатор Римский-Корсаков писал в отчете царю за 1906 г.: "Занимаясь в городах ремеслами, мелкой торговлей и промыслами, прежние посадские люди в переживаемое лихолетье проявили значительный подъем нравственной силы, всегда твердо стоя на почве национальных интересов и служа поддержкой местной администрации"⁶. Большинство "посадских людей" рассматривали "Союз русского народа" как силу, способную защитить их от "еврейского засилья". После погромов их конкуренты-евреи быстро восстановили разрушенное хозяйство и активно включились в рыночную борьбу. Торговцы-черносотенцы неоднократно обращались к властям с требованием выселить из города всех евреев, не имеющих права проживать вне черты еврейской оседлости. Причина тому: "... еврейские ремесленные мастерские раскинулись по всему городу, причем заняли наиболее бойкие места, а торговля почти перешла в еврейские руки", отчего "... русское ремесло и торговля приходят в упадок"⁷.

Немалый процент членов ЯО СРН составляли люмпен-пролетарии и босые элементы, интересовавшиеся политикой постольку, поскольку это давало материальную выгоду. Даже орган ЯО СРН - газета "Русский народ" - с сожалением вынуждена была констатировать: "Находятся люди, примыкающие к союзу из совершенно посторонних целей, из своекорыстного желания улучшить свое положение за общественный счет: внося ничтожный членский взнос, они предъявляют претензии кто на получение ежемесячных пособий, а кто ссуд"⁸. Хулиганские элементы просто продавались СРН, пополняя за деньги или водку его погромные дружины, создававшиеся для избия неугодных лиц.

Костяк черносотенной организации составляли также рабочие. Спад революции, разочарование основной массы рабочих в революционных идеалах привели к тому, что уже <<весной 1906 года по всем фабрикам и заводам можно было видеть целые отделения "Союза русского народа">>⁹. Отчасти в "черную сотню" гнал страх перед безработицей; членство в СРН избавляло от недоразумений с полицией, давало различные социальные льготы. Тем не менее позиции черносотенцев в пролетарской среде были крайне непрочны. Будучи выразителями интересов правящей верхушки, крайне правые не могли отстаивать права рабочих перед хозяевами, а потому с началом оживления общественного движения в 1910 г. рабочие активно покидают ряды организации "истинно русских людей".

Военнослужащим и чиновникам запрещалось состоять в политических партиях, но для монархических организаций было сделано исключение. Вступление в СРН открыто поощрялось. Так, в циркуляре, разосланном в 1907 г. по всем железным дорогам страны, говорилось, что СРН "ввиду государственной пользы заслуживает поддержки со стороны начальствующих лиц". Чиновников, преследующих своих служащих за членство в СРН, предписывалось немедленно увольнять¹⁰. Находясь в близких отношениях с властью (губернатор Римский-Корсаков и вице-губернатор Кисловский являлись почетными членами ЯО СРН), союз "истинно русских людей" притягивал к себе многочисленные безыдейные элементы, которые через посредство "патриотической" организации добивались себе мест и должностей в государственном аппарате или же пытались их сохранить.

Несмотря на запрет священникам вступать в политические партии, руководство Ярославской епархии закрывало глаза на их активное участие в деятельности СРН. В феврале 1908 г. Синод предоставил архиепископам право самостоятельного решения вопроса об участии духовенства в СРН. Покровительствовавший "черной сотне" глава Ярославской епархии Тихон разрешил священникам епархии открыто вступать в ЯО СРН¹¹.

ЯО СРН не являлся твердой, сплоченной организацией. Каждая социальная группа, представленная в нем, преследовала свои узкокорыстные интересы. Это и было одной из причин краха "черной сотни".

Примечания

¹ Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 3. С. 407.

² ГАЯО. Ф. 79. Оп. 15. Д. 124. Л. 15.

³ Степанов С.А. Численность и социальный состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 187; Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905-1907 гг. // История СССР. 1990. N 4.

⁴ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 365. Л. 8-9 (материалы о деятельности ЯО СРН).

⁵ Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 78.

⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7251. Л. 8.

⁷ Русский народ. 1909. 30 мая.

⁸ Там же. 1907. 17 июня.

⁹ Киселев И. Из революционного прошлого // Из истории рабочего и коммунистического движения в гор. Ярославле. Ярославль, 1922. С. 53.

¹⁰ Русский народ. 1907. 2 авг.

¹¹ Там же. 1908. 6 апр.

Э.В. Павлова

Итоги выборов в Городские думы и Учредительное собрание в городах Верхневолжского региона

Одна из самых интересных страниц 1917 г. - выборы в Учредительное собрание и Городские думы. Определение того, кто, какие слои пришли к избирательным урнам, почему проголосовали за ту или иную политическую партию, поможет выявить еще не исследованный пласт психологии и настроения населения и, что, на мой взгляд, очень важно, проследить, как изменились политические симпатии граждан от летних муниципальных до ноябрьских выборов в Учредительное собрание. В данной статье будет дана краткая характеристика вышеуказанных выборов, основанная на публикациях ярославской, костромской и владимирской прессы.

Летние муниципальные выборы были, по сути, первыми всеобщими и равными выборами в России. К середине лета во многом благодаря предвыборной агитации городское население стало определяться со своим выбором. Однако влияние политических партий в провинции было еще незначительно, что объясняет обилие выдвинутых непартийных списков. Если в губернских городах часть списков были все же партийными (в Ярославле - 4 из 9, Костроме - 3 из 8, Владимире - все 6), то в уездных городах часто не выдвигалось ни одного (Углич, Суздаль, Гороховец) или один-два. Чаще всего создавались всевозможные союзы домовладельцев, служащих, мещан. Иногда баллотировалась группа граждан отдельного района или предприятия. Весьма часто списки носили название "беспартийных" или "прогрессивных" избирателей, торгово-промышленников, женщин. В Гороховце последние набрали 5, в Покрове - 10%; в Суздале же 11% избирателей проголосовали за... партию садоводов и огородников.

Возникает вопрос, какой же политической ориентации были избиратели, проголосовавшие за непартийные списки, и каких взглядов придерживались сами кандидаты. В большинстве случаев определить это трудно, но иногда можно сделать выводы исходя из названия списка ("Союз рабочих и солдат" в Угличе, "Рабочие ф. Голубева" в Судогде, "Социалистический блок" в Рыбинске) или фамилий, в нем фигурирующих. Например, много членов меньшевистской партии было в списке домовладельцев г. Ярославля. В г. Пошехонье кадеты, кроме своего списка, прошли по списку чиновников, что увеличило процент поданных за них голосов с 30 до 43%. В Угличе они же получили 53% по спискам домовладельцев и "Союза трудовой интеллигенции". Как уже упоминалось, точно определить политические взгляды большинства кандидатов трудно, необходимо

лишь заметить, что чаще всего они придерживались центристской или правой ориентации.

Переходя непосредственно к результатам выборов, целесообразно выделить три группы городов. Крупные - Ярославль, Владимир, Кострома, Рыбинск, где меньшевики и эсеры получили большинство голосов. В Ярославле 33 и 34%, во Владимире - 15 и 37% соответственно, в Рыбинске социалистический блок - 53, Костроме блок социал-демократов - 57,1, эсеры - 21,6%. Там, где список большевиков выдвигался отдельно (в Ярославле и Владимире), им отдали свои голоса 11,9 и 10% избирателей соответственно. Кадеты получили в Ярославле - 10,6, Рыбинске - 11,6, Костроме - 13,6, Владимире - 25%.

В уездных городах умеренные социалистические партии и блоки получили от 40 до 80% голосов. Исключение составляет Суздаль, где домовладельцы набрали 50, в Угличе кадеты - 43, Юрьевце социалистические партии - 9%.

К третьей группе относятся фабричные города, где большевики преобладали уже летом: Орехово-Зуево - 75%, Родники, Гороховец, Алекино, Середа по 70%.

Говоря о выборах в Городские думы и учитывая ряд исключений и трудность в определении политических взглядов большинства беспартийных списков, можно выделить общую тенденцию - влияние умеренно-социалистических партий и относительную слабость большевиков и кадетов.

К выборам в Учредительное собрание картина политической ориентации населения значительно изменилась. Прежде всего это выразилось в преобладании партийных списков, что говорит об укреплении городских партячеек и активации их работы. И второе отличие выборов в Учредительное собрание от муниципальных - сосредоточение голосов избирателей на двух крайних полюсах и подчеркнутая слабость середины - эсеров и меньшевиков. Изменение политических взглядов затронуло в большинстве своем обывательскую массу. Например, если в Костроме в фабричных районах и казармах процент голосовавших за кадетов практически не изменился, то большевики упрочили свое положение (+7%) за счет эсеров. В центральных же районах процент поддерживающих большевиков остался прежним, а кадеты резко (+17%) увеличили свой рейтинг за счет эсеров (-18%). В Ярославле популярность последних упала с 34 до 11%, меньшевиков - с 33 до 9,9%, во Владимире эсеров - с 36 до 19%, меньшевиков - с 15 до 9,9%.

Чем же можно объяснить подобное изменение взглядов населения за 3-4 месяца? Решающую роль, на мой взгляд, сыграла ситуация в стране: инфляция, война, тревожные сводки с фронтов, проблемы с хлебом. В подобной ситуации рядовой гражданин стремится к порядку и твердой руке. Большевики обещают прекратить войну, перераспределить собственность; кадеты, возможно, ассоциируются с довоенной стабильностью, и симпатии к этим партиям резко увеличиваются.

Большую роль сыграли внутрипартийные проблемы эсеров и меньшевиков. Например, на эсеровской конференции в Костроме были выделены два основных признака, переживаемых партией, - полевение и апатия. Костромская организация раскололась, из нее вышел ряд членов; кроме этого, к резкому сокращению сторонников привела и умеренность программ партии: "Рабочие мас-

сы идут дальше наших позиций, подстрекаемые большевиками. Дальнейшая работа по расширению влияния партии встречает резкий отпор". Говоря об изменении взглядов части избирателей, необходимо отметить наличие к осени 1917 г. у противоборствующих партий постоянного электората, не меняющего своих взглядов. Наличие этой политически активной части граждан сыграло значительную роль в трагических событиях 1917 г.

Прежде чем остановиться непосредственно на результатах выборов в Учредительное собрание, надо сказать, что решающее значение для исхода голосования имело настроение больших по численности гарнизонов, расположенных в городах. Строго говоря, солдат нельзя отнести к числу городских жителей, поэтому в нижеследующей таблице в первой строчке приведены данные голосования по гражданским участкам, во второй - общие, с учетом голосов военнослужащих.

Таким образом, в большинстве гражданских участков победили кадеты (в губернских городах с преобладанием 3-4%, в уездных - 10-30%), но значительная численность и избирательная активность гарнизонов резко изменила картину выборов в пользу большевиков. В уездных городах с небольшой численностью гарнизонов победа осталась за партией "Народной свободы", за исключением Романово-Борисоглебска (эсеры - 39,6, кадеты - 28,7%), Ветлуги (эсеры - 52, кадеты - 30%) и фабричных городов (Орехово-Зуево, Гороховец, Родники и др.), где влияние большевиков было значительным. В остальных уездных городах основную конкуренцию кадетам составляли не только большевики, но и эсеры, меньшевики (Нерехта, Рыбинск) и даже энесы (Ростов).

В заключение еще раз необходимо отметить значительную поляризацию общества, вызванную рядом известных событий 1917 г., а также наличие аполитично настроенной части общества, от выбора которой во многом зависела дальнейшая судьба России.

Таблица

Результаты выборов в Учредительное собрание, %

Город	Кадеты	Большевики	Меньшевики	Эсеры	Прочие
Ярославль	33,4	30	13	11,3	11,5
	24,3	46,7	9,5	11	8,1
Рыбинск	30,6	23	27,5	10,6	8
	23	40	20,3	13	3,7
Ростов	33	24	6	4,4	32,7
	18	53	7,5	-	-
Владимир	-	-	-	-	-
	33,9	30,8	9,9	19,9	5,8
Александров	33	32	-	26,6	-
	22	53	-	18,5	-
Кострома	28,6	34,3	14,2	13	9,7

	20,3	43,5	12,4	11,2	-
Галич	48,9	23,6	4,7	14	7
	28,3	45,3	3,5	18,2	4
Кинешма	48,6	20	14,7	13,7	2
	33,5	38,3	10,9	15	1,9

Примечания

¹ Старый Владимирец (Владимир). 1917. N 139.

² Труд и борьба (Ярославль). 1917. 12 авг.

³ Голос (Ярославль). 1917. N 69; Северный рабочий (Кострома). 1917. N 86; Голос народа (Владимир). 1917. N 69; ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 34. Л. 5.

⁴ Труд и борьба (Ярославль). 1917. 12 авг.; Народная свобода (Кострома). 1917. N 62; Старый владимирец (Владимир). 1917. N 130.

⁵ Голос народа (Владимир). 1917. N 85.

⁶ ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 3. Д. 12. Л. 57.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 67-69.

⁸ Воля народа (Кострома). 1917. N 19; Поволжский вестник (Кострома). 1917. N 3292; Голос труда (Александров). 1917. N 133; ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 38. Л. 2-3.

⁹ ГАЯО. Ф. 1167. Оп. 2. Л. 22; Северный рабочий (Кострома). 1917. N 121.

М.Ю. Диунов

Семантическая типология антибольшевистских режимов периода гражданской войны в России

Ни российская, ни эмигрантская, ни зарубежная историография до настоящего времени не выработали единого представления о типологии и периодизации режимов эпохи гражданской войны, времени существования многочисленных и разнотипных антибольшевистских правительств. Данная работа есть результат попытки использовать с этой целью богатый материал, который дает историку анализ знаковых систем армий российской контрреволюции.

Прежде всего стоит согласиться с мнением Н.Н. Головина, предлагавшего рассматривать контрреволюцию "как одну из сторон диалектического процесса революции"¹. В семантике военного костюма это проявилось в том, что не только большевики, но и их противники оказались наследниками Февральской революции. Февраль, наглядно обозначивший уже назревший кризис старой имперской символики, стал отправной точкой для создания и развития новых символов по обе стороны фронта гражданской войны.

Н.Н. Головин считал контрреволюцию крайне сложным политическим явлением. В него он включал и "реставрационные вождедения", и "национализм, протестующий против разрушения государства", и "демократические силы"². К

ним следует добавить региональные движения, ратовавшие за большую свободу от Центра и анархическую стихию "атаманщины", зависящую от политических симпатий военных вождей. Разумеется, даже действуя против одного врага - большевизма, они не могли создать единую идеологию. Это определило преобладающую роль идеи "непредрешенности", которая позволяла сглаживать сиюминутные противоречия, но в то же время лишала антибольшевистский лагерь такой мощной силы, как единая идеология, которой обладали и с успехом пользовались их противники.

Давая политическую типологию контрреволюции, мы можем выделить четыре основных группы режимов. Первая: "белые" - те, кто объединился вокруг идеи борьбы за "великую, единую и неделимую" Россию. Среди них правительства Юга России А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, диктатура А.В. Колчака, правительство Е.К. Миллера на Севере России и др. Вторая группа: так называемые режимы "демократической контрреволюции", сражавшиеся с большевиками, а не против советской власти и признававшие "своим" красный флаг. Это правительство Комуча, Временное правительство автономной Сибири, Верховное управление Северной области. Третья группа: национально-региональные режимы, чьей целью стала бóльшая или меньшая самостоятельность, независимость, которая, однако, понималась как независимость от "красной" России. Внутри этой группы особняком стоят режимы, установившиеся в казачьих областях и несшие в своем устройстве специфические черты казачества. Здесь мы встретим Украинскую державу, Крымское краевое правительство, правительство Дона, Кубани, Урала. Четвертая группа вобрала в себя анархические по сути режимы, которые устанавливали на контролируемых территориях командиры многочисленных вооруженных формирований - порождения гражданской войны. Явление это можно назвать "атаманщиной" по имени бесчисленного множества вождей отрядов, разбросанных по всей стране. Режимы данной группы характеризуются через личности их лидеров, чьи политические убеждения зачастую были крайне неустойчивы и запутанны. Среди них формирования атаманов Г.М. Семенова, Б.В. Анненкова, С.Н. Булак-Балаховича и другие менее значительные.

Исходя из этого можно принять периодизацию гражданской войны, основываясь на военно-политических характеристиках. Первый период - время вызревания условий гражданской войны (февраль 1917 г. - октябрь 1917 г.) - включает в себя два этапа: с февраля по август - разложение армии и ее политизация; с августа по октябрь - корниловское выступление, раскол общества и большевистский переворот. Второй период - подготовительный, начало вооруженной борьбы (ноябрь 1917 г. - май 1918 г.) включает в себя два этапа: с ноября по февраль - оформление антибольшевистских режимов и создание Добровольческой армии, превращение Дона в базу контрреволюции; с февраля по май - "ледяной" поход и немецкая оккупация Юга России и Прибалтики. Третий период - создание широкого антибольшевистского фронта, его победы и крушение (весна 1918 г. - ноябрь 1920 г.) - также состоит из двух этапов: весна - осень 1918 г. - возникновение режимов "демократической контрреволюции" в русских областях и национально-региональных режимов на окраинах империи;

с осени 1918 г. по осень 1920 г. - эпоха "белой" контрреволюции. Четвертый период связан с ликвидацией последних очагов сопротивления большевикам на окраинах России, он продолжался вплоть до середины двадцатых годов.

Согласно данной периодизации основная тяжесть конфликта приходится на третий период, с которым связана деятельность большинства режимов, созданных антибольшевистскими силами, за исключением "атаманщины", носившей диффузный характер и существовавшей вплоть до конца войны.

Использование семантических данных подтверждает выработанную типологию. А применение таких знаковых категорий, как "традиционность", "революционность", "национальность", дает возможность обосновать выделенные выше четыре группы через определение соответствующих им типов знаковых систем³.

"Белые" режимы следовали старой символике императорской армии, но при отсутствии ярко выраженных монархических символов. Они создали и собственную "белую" символику, широко использовавшую нетрадиционные элементы. При этом особый акцент делался на идее жертвенности. Хотя взгляды участников белого движения и были различны, определяющим оказалось консервативное, "имперское" сознание. В ходе гражданской войны идеология белых эволюционировала вправо, отказываясь не только от большевизма, но и от идей февральской демократии⁴. Однако нет причин считать белое движение носителем реставрационной идеологии, реальность доказала невозможность возвращения к прошлому в полной мере. Еще одной особенностью белых режимов стало сосредоточение власти у военных⁵. Создалась уникальная ситуация, когда не армия существовала для государства, а государство для армии.

Так называемая "демократическая контрреволюция" отказалась от старых символов, используя наследие Февральской революции в области семантики. Декларировался "демократизм" символики. Левые силы попытались создать собственные знаковые системы, не связанные с одиозным для них старым режимом.

Национально-региональные правительства, формируя свои армии, в униформе широко использовали национальные (или псевдонациональные) символы, а их марионеточный характер подчеркивало сильное иностранное влияние. Казачество сохранило старые мундиры, которые были для них почти что национальной одеждой, но постаралось внести в символику свой колорит. Нет необходимости оценивать данную группу как режимы, стремящиеся к полной независимости и распаду России. К большинству из них можно отнести слова Н.М. Могилянского, сказанные им о гетманской Украине: правительство Скоропадского "... не было сепаратистским или антирусским. Оно жило надеждой на возрождение России и всеми силами хотело помочь России на пути к этому возрождению"⁶.

Символика "атаманщины" лишена регулярности и потому не могла оформиться в какую-либо систему. Она зависела от вкусов военных лидеров, из-за чего отличалась крайней пестротой, а зависимость многих отрядов от иностранной помощи приводила к проникновению в их знаковые системы иностранной символики.

Таким образом мы можем охарактеризовать все типы знаковых систем, созданных антибольшевистскими силами в годы гражданской войны. Использование семантических данных в области военной символики позволяет найти новый подход к вопросам истории данного периода.

Примечания

¹ Цит. по: Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ В исследовании военных знаковых систем автор использовал работы А.И. Дерябина, В.А. Дурова, В.П. Федюка и др.

⁴ Федюк В.П. Белое движение на Юге России. 1917-1920 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Могиланский Н.М. Трагедия Украины // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. II. С. 93.

А.Ю. Данилов

К вопросу о характере и масштабах репрессивной политики Советского государства в период гражданской войны (на материалах деятельности Ярославской губернской чрезвычайной комиссии)

Вопрос о характере и масштабах репрессивной политики Советского государства всегда вызывал много споров и различных толкований. Эта проблема очень остро ставилась в зарубежной литературе и замалчивалась советскими историками. А ведь проблема репрессий в Советском государстве - одна из важнейших и даже определяющих.

Зарубежные историки, например, считали, что красный террор являлся той основой, тем фундаментом, на котором держалось все управление советским обществом. Поэтому они не видели существенной разницы между репрессиями первых лет советской власти и сталинской диктатурой 30-х гг.¹

Советские историки определяли красный террор как ответ на начатый ранее белый террор, причем подчеркивалось, что первый проводился лишь в течение небольшого промежутка времени².

Здесь же возникает и еще одна проблема, требующая разрешения, - соотношение красного и белого террора.

Общеизвестно, что главным репрессивным органом советской власти в период гражданской войны была ВЧК и ее местные органы. Как система последняя сложилась к лету 1918 г., когда были образованы губернские, уездные и далее волостные ЧК.

Ярославская губернская ЧК (далее - ЯрГЧК) была образована в конце марта - начале апреля 1918 г. Основная же ее деятельность развернулась со второй половины июля 1918 г., после подавления белогвардейского мятежа.

Необходимо отметить, что большинство споров о масштабах и характере репрессий советской власти возникают из-за плохой проработанности источниковой базы по этому вопросу. Бытует мнение, что все документы, освещавшие репрессивную деятельность чрезвычайек, позже уничтожались, и остается только догадываться, что творилось в "застенках ЧК".

На самом же деле такие источники имеются. Наиболее ценные из них - протоколы заседаний Коллегий ЧК, в которых фиксировались все дела, разбираемые комиссиями. Конечно же, не исключено, что сюда могли не попасть материалы о некоторых расстрелах без суда и следствия, произведенных чекистами на месте преступления, хотя и такие расстрелы обычно позже утверждались Коллегией ЧК.

ЯрГЧК стала составлять протоколы с 18 августа 1918 г. и продолжала делать это до конца своего существования, т.е. до марта 1922 г. Небольшая часть таких протоколов имеется в Государственном архиве Ярославской области (далее - ГАЯО), а почти 100-процентная их подборка содержится в Архиве Управления ФСБ по Ярославской области (далее - Архив УФСБ)³. Наличие таких источников дает возможность пофамильно установить лиц, репрессированных ЯрГЧК в это время.

В советской историографии традиционно считалось, что красный террор был введен постановлением ВЦИК и СНК 5 сентября 1918 г. в ответ на покушение на Ленина и убийство Урицкого. Но для Ярославской губернии началом массовых репрессий следует считать 20-е числа июля 1918 г., т.е. время подавления мятежа. Красный террор начался с расстрела 56 членов перхуровского штаба сразу же после занятия большевиками центра Ярославля. Исходя же из деятельности ЯрГЧК нужно сказать, что количество репрессий в августе 1918 г. было не меньше, чем в сентябре - октябре (официально признанный пик террора), а процент расстрелянных из общего числа дел даже превышал осенние показатели (расстреливался каждый пятый, попадавший в ГЧК)⁴. По количеству же расстрелянных абсолютный рекорд держит сентябрь 1918 г. - 76 приговоренных к смертной казни. Всего же за август - октябрь 1918 г. было расстреляно 111 человек⁵.

Кстати, на примере деятельности ЯрГЧК подтверждаются заявления историков-эмигрантов о том, что чрезвычайные комиссии зачастую в списках расстрелянных неправильно писали фамилии, не указывали причину расстрела. Нередко отсутствовали имя и отчество расстрелянного. Все эти параметры стали строго фиксироваться лишь с 1919 г., а до этого в списках приговоренных к высшей мере наказания (кстати, публиковавшихся и в местной печати) царит полнейшая неразбериха.

В ноябре 1918 г. смертных приговоров Ярославской ГЧК вообще не выносилось. Это вроде бы подтверждает советскую периодизацию красного террора. Но в следующем месяце волна репрессий опять поднимается на уровень сентября - октября 1918 г. Чем же объясняется такой "провал" в репрессиях в ноябре 1918 г.? Во-первых, размах репрессий в предыдущие месяцы вызвал массу про-

тестов против ЧК как системы вообще даже среди советских работников⁶. Во-вторых, в результате деятельности ГЧК по вылавливанию участников белогвардейского мятежа она оказалась к ноябрю 1918 г. просто завалена делами. Резко стала ощущаться нехватка кадров. Все это и привело к стагнации работы ЧК. В-третьих, в ноябре 1918 г. в связи с годовщиной Октябрьской революции была проведена амнистия, что также сказалось на характере приговоров.

Кстати, амнистии - очень важный момент в определении характера репрессивной деятельности. Как правило, они всегда превозносились в советской историографии как показатель лояльности советской власти к своим врагам и упорно не замечались в историографии зарубежной. Но, по-моему, не замечать их - значит сознательно фальсифицировать историю, ведь большевики объявляли амнистии стабильно 2 раза в год - 7 ноября и 1 мая. И более того, амнистирование реально осуществлялось. Даже в разгар красного террора, в ноябре 1918 г., под амнистию попало 72% дел, разобранных ЯрГЧК в этом месяце⁷.

Первая половина 1919 г. характеризуется ослаблением репрессий: с января по июнь было расстреляно 21 человек, причем 14 из них - в мае. Обстановка в губернии в это время была довольно спокойной, что и обусловило резкое уменьшение количества расстрелов.

В то же время относительная бездеятельность ЧК привела к появлению так называемых "дутых дел", которые должны были показать, что враги советской власти не перевелись, а следовательно, дальнейшее существование системы ЧК просто необходимо.

Усиление репрессий в мае 1919 г. связано с началом крестьянского движения на почве сопротивления мобилизации. Пик дезертирских выступлений приходится на вторую половину июня - июль 1919 г., когда движение переросло во всеобщее восстание, в котором участвовало до 30 тыс. человек. В результате проведенных чекистами операций к августу 1919 г. восстание в основном было подавлено, причем потери чекистов составили 118 человек, потери крестьян - 2-2,5 тыс. Из них около 300 человек было расстреляно на месте преступления. Коллегией ЯрГЧК по делу о крестьянских восстаниях во второй половине 1919 г. было рассмотрено более 400 дел, около 60 активных участников "бело-зеленого" движения были приговорены к высшей мере наказания.

Вообще в этот период увеличивается общее количество смертных приговоров, вынесенных ГЧК, достигнув уровня периода красного террора - в среднем каждый месяц расстреливалось примерно 20 человек⁸.

В связи с общим улучшением обстановки и ликвидацией главных фронтов гражданской войны 17 января 1920 г. Советское правительство предпринимает декларативный шаг - отменяет смертную казнь. Поэтому с 17 января по 14 июня 1920 г. ЯрГЧК расстрелов не производила. Зато сразу после отмены закона от 17 января начался интенсивный пересмотр приговоров, вынесенных в предыдущий период. Только за вторую половину июня 1920 г. было расстреляно 15 человек, а вообще за 1920 г. - 35 человек. Приговоры о высшей мере наказания выносились и в 1921 г., первом мирном для советской власти году, ознаменовавшемся началом НЭПа и надеждами на либерализацию системы. За этот год было расстреляно 36 человек. Правда, в это время расстреливали уже в ос-

новном не за политические преступления, а за кражи, грабежи, спекуляцию кокаином и т.п.⁹

Таким образом, в период с августа 1918 по март 1922 г. (т.е. до переименования ВЧК в ОГПУ) по приговорам ГЧК было расстреляно 355 человек; 219 приговоров было вынесено уездными ЧК и утверждено Ярославской ГЧК.

Кроме расстрелов, чрезвычайные комиссии в борьбе с противниками режима применяли и другие методы пресечения и наказания. К сожалению, объем данной публикации не позволяет рассмотреть такие моменты репрессивной политики, как заложничество, концлагеря и др. Но освещенная выше динамика расстрелов отражает основные тенденции репрессивной политики советского государства в годы гражданской войны вообще.

Примечания

¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923 гг. М., 1990; Гуль Р. Дзержинский (начало террора). М., 1991; Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 1-7; и др.

² Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1-2; Ладис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921; Он же. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917-1922). М., 1960.

³ ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 36; Оп. 2. Д. 78; Оп. 6. Д. 3, 6; Архив УФСБ. Ф. 22. Оп. 2-1. Д. 34; Оп. 2-2. Д. 38; Оп. 2-4. Д. 33; Оп. 2-5. Д. 36; Оп. 2-6. Д. 40; Оп. 2-8. бн.

⁴ Архив УФСБ. Ф. 22. Оп. 2-2. Д. 38.

⁵ Там же. См. также: Известия Ярославского губисполкома. 1918. Сент.-окт.; Известия Ростовского уездного исполкома. 1918. Сент.-окт.

⁶ См. об этом: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 22, 187.

⁷ Архив УФСБ. Ф. 22. Оп. 2-2. Д. 38. Л. 151-157; Известия Ярославского губисполкома. 1918. 14 нояб.

⁸ Архив УФСБ. Ф. 22. Оп. 2-2. Д. 38.

⁹ Там же. Оп. 2-4. Д. 33; Оп. 2-5. Д. 36; Оп. 2-6. Д. 40; Оп. 2-8. Д. бн.

В.В. Саватеев

Политические настроения ярославского крестьянства в годы гражданской войны

На политические настроения ярославского крестьянства в годы гражданской войны влияла прежде всего политика большевиков, а именно механизм реализации Декрета о земле. Если сам факт перехода помещичьей земли в собственность крестьян встречался ими одобрительно, то отсутствие четких критериев, по которым крестьяне должны были делить между собой помещичью землю, вызывало множество нареканий со стороны крестьян.

В большевистской печати того времени довольно часто публиковались сообщения с мест, в которых шла речь о спорах вокруг передачи земли. Из-за этих

споров масса угодий оказалась необработанной и немало крестьян так и осталось без земли¹.

В 1925 г. на страницах газеты "Ярославский крестьянин" признавалось, что к концу 1920 г. вопрос земельных отношений в ярославской деревне так до конца и не был решен². В принципе от передела земли выиграли все слои крестьянства, в том числе и кулаки. Нередко попадаются сообщения с мест о том, что "кулаки и до сих пор являются владельцами 40 - 50 десятин земли"³. Данное сообщение относится к 1920 г., когда передел земли был уже большей частью завершен.

В целом сам факт передачи помещичьей земли в руки крестьян можно оценить положительно, так как он несколько облегчал "земельный голод" ярославского крестьянства, но в условиях продразверстки это мало что давало, так как продразверстка сковывала хозяйственную инициативу крестьян.

В продразверстке крестьян возмущал не столько сам принцип изъятия излишков продуктов, сколько имевшее место практически полное изъятие хлебных запасов у крестьян. Поначалу часть крестьянства, особенно бедняки и часть середняков, считали, что продразверстка поможет избежать голода. Так, на общем собрании крестьян с. Великое Ярославского уезда было принято постановление, что продразверстка поможет беднякам избежать голода, создан комбед, который "составил список 80 кулаков, и у них произведены обыски"⁴.

Но имевший место произвол при изъятии хлеба приводил к тому, что в начале 1919 г. в некоторых местах даже бедняцкие массы начинали присоединяться к "шуму" кулаков - "Долой учет хлеба!"⁵.

В целом можно сказать, что имевшие место надежды части крестьянства на улучшение своего положения при помощи продразверстки быстро исчезли, и к концу 1920 - началу 1921 г. отношение к ней стало весьма негативным.

Недовольство крестьян аграрной политикой большевиков переходило на местные органы власти, причем в основе его находились именно экономические аспекты. Например, делегаты съезда крестьянских депутатов от Петропавловской волости Даниловского уезда сообщали, что "население волости питает явное недоверие к Даниловскому УиКу из-за неравномерного обложения чрезвычайным налогом, а также из-за поставок картофеля"⁶.

Помимо экономических причин, недовольство властью было вызвано и нежеланием крестьян служить в Красной Армии. Значительного размаха, особенно в летние месяцы 1919 и 1920 гг., достигло дезертирство. Из опросов дезертиров, проводившихся комиссией по борьбе с этим явлением, выяснилось, что причиной дезертирства было "начало полевых работ..., злоупотребления со стороны сельских властей по отношению к семьям красноармейцев"⁷. Кроме того, многие крестьяне отвечали представителям советской власти, что они "устали от войны"⁸. Недовольство службой в Красной Армии носило самые разнообразные формы: от подкупа военкомов и подделок документов до открытых вооруженных выступлений.

В целом в период гражданской войны отношение крестьян к советской власти и ее мероприятиям было большей частью негативным, но до открытых организованных вооруженных выступлений дело доходило редко. Проявления отрицательного отношения крестьян к действиям власти имели место на общих

собраниях, в разговорах крестьян между собой и на встречах их с представителями власти.

Примечания

¹ См.: Известия Ярославского губисполкома. 1918. 1 окт.

² См.: Ярославский крестьянин. 1922. 22 окт.

³ См.: Известия Ярославского губисполкома. 1920. 22 февр.

⁴ Известия Ростовского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 24 авг.

⁵ Известия Ярославского губисполкома. 1919. 6 июня.

⁶ ГАЯО. Ф. Р. 1248. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

⁷ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 6 июня.

⁸ Там же. 1919. 11 июля.

Н.А. Куликова

Студенчество Ярославского университета в 1918-1919 гг.

Ярославский университет был преобразован из Демидовского юридического лицея декретом от 7 ноября 1918 г. и уже осенью начал свою работу. Первоначально в университете существовал лишь один факультет - факультет общественных наук (ФОН), в который входили четыре отделения: юридическое, историческое, экономическое и кооперативное. 18 октября 1919 г. начал свою деятельность рабфак, 25 ноября 1919 г. - медицинский факультет, а в ноябре 1920 г. - агрономический факультет. На 15 ноября 1918 г. в университете числилось 739 студентов, из которых 338 были переведены из Демидовского лицея¹. К началу 1919/20 учебного года было зачислено уже 1 897 студентов.

Зачисление проводилось лишь на первый курс, на юридическое отделение могли быть зачислены студенты на второй, третий и четвертый курсы, причем они заканчивали свое обучение по старым учебным программам.

Большая часть студентов по месту жительства принадлежала к горожанам. Например, из 301 студента экономического отделения, явившихся на регистрацию, 120 были из сельской местности. 87,1% студентов были родом из Ярославской, Костромской, Вологодской, Московской, Владимирской и Тверской губерний. По социальному составу студенты университета распределялись следующим образом: 12% - дети рабочих, 32% - дети крестьян, 47% - дети интеллигенции. Большинство было в возрасте от 18 до 24 лет. Самому старшему студенту было 65 лет, самому младшему 17².

Одной из основных форм обучения в университете были лекции, на которые производилась запись студентов. Причем, если на общие курсы записывались почти все студенты, то на специальные курсы лишь единицы. Во время лекций читались и разбирались соответствующие пособия, руководства и т.п. Практиковалась раздача конспектов для усвоения прочитанного курса. Связано это было с нехваткой учебников и учебных пособий. После прослушивания

лекций студенты сдавали коллоквиумы по отдельным темам, писали письменные работы.

Предметы каждого семестра группировались на циклы по 3-4 курса. Один из этих предметов избирался как основной, и к нему приурочивалось выполнение практических работ³. Условия и порядок допуска студентов к практическим занятиям, а также способы наиболее рационального использования лабораторий вырабатывались старостами учебных групп.

Еще одной формой обучения были семинарские занятия. Студент избирал на семестр не менее двух предметов, проводимых в такой форме. Семинары предусматривали обсуждение письменного или устного реферата, подготовленного студентом⁴. Кроме того, семинары включали в себя разбор источников и чтение преподавателем совместно со студентами научной литературы, обсуждение примерных случаев. На ФОН в 1919 г. реферативным занятиям было посвящено 32 часа в неделю⁵. Кроме того, каждый студент избирал тему для самостоятельного изучения на протяжении семестра.

Проверка знаний у студентов осуществлялась традиционными методами: зачет, коллоквиум, экзамен. За четыре года обучения студенты должны были проработать огромное количество курсов и сдать по ним проверочные испытания. Они имели право сдавать экзамены по прослушанным курсам в любое время без всяких формальностей по взаимному согласию с профессором. Но студенты не могли требовать, чтобы их экзаменовали по каждому предмету чаще одного раза в неделю, профессора же могли проводить испытания и чаще, назначая для экзаменов любые дни и часы. В среднем каждый зачет сдавали примерно 10 человек из академической группы, лишь единичные курсы сдавали с первого раза все 30 человек. 1918/19 учебный год был закончен к 20 июля, причем чтение лекций прекратилось 5 июля, остальные две недели были посвящены коллоквиумам и экзаменам. В конце учебного года экзамены сдавало еще меньше студентов, чем в период годового обучения. Так, в июле 1919 г. на ФОНе сдали проверочные испытания всего 24 студента, из них с первого курса 4 человека, со второго - 13, с третьего - 4, с четвертого - 3. Получили зачеты 50 студентов. Многие переносили свои зачеты и экзамены на осень⁶.

Ответы на экзаменах оценивались по трехбалльной системе: неудовлетворительно, удовлетворительно, весьма удовлетворительно. Таким образом, существовало большое несоответствие между фактически занимающимися студентами и числящимися по спискам. Так, например, на ФОНе на 1 ноября 1919 г. числились 1 392 человека, но из них фактически занимались 177: на первом курсе - 107 человек, на втором - 58, на третьем - 5, на четвертом - 7 человек⁷. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, свободным доступом в университет слабоподготовленных абитуриентов, во-вторых, тем, что часть студентов была мобилизована. К этому добавлялись тяжелые материальные условия, из-за которых многим студентам приходилось работать, поэтому времени на систематические занятия не оставалось.

Планы обучения были построены так, что студенты слушали не только обязательные курсы по специальности, но и общеобразовательные, которые включались в расписание первого и второго курсов. Так, на первом курсе ФОНа к ним относились: социология, логика, история, история социалистических уче-

ний, обзор истории мировоззрений, история этических учений, общая теория права, история народного хозяйства и др. Таким образом, план был перегружен обязательными дисциплинами, а на специальные оставалось слишком мало времени.

Ярославский университет с самого начала его деятельности пользовался большой популярностью, так как в близлежащих губерниях было мало высших учебных заведений, и университет таким образом решал кадровую проблему для них, тем более что здесь работали высококвалифицированные специалисты, имевшие практический опыт работы со студентами Демидовского юридического лица.

Первый год работы ЯрГУ еще не был стабильным ни с точки зрения студенческого состава, ни с точки зрения учебного процесса. Тем не менее уже сложились основные формы и методы обучения.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Д. 2. Л. 103.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 57. Л. 13.

⁶ Отчет ЯрГУ за 1919/20 уч. год // Сборник ЯрГУ. Ярославль, 1923. Вып. 2. С. 145.

⁷ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

Н.В. Соловьева

К истории Ярославского театрального техникума

Исследований, посвященных истории Ярославского государственного театрального техникума, нет. Однако комплекс материалов, находящихся в Государственном архиве Ярославской области, позволяет восстановить отдельные страницы истории этого учебного заведения.

Одним из наиболее острых вопросов, стоявших перед театром им. Ф. Волкова в первые послереволюционные годы, был вопрос, связанный с состоянием труппы. Перед театром культурной революцией была поставлена новая задача - идеологическое воспитание, пропаганда коммунистических идей, для выполнения которой нужны были "новые" актеры.

В феврале 1919 г. была открыта пролетарская драматическая студия, целью которой стала "подготовка кадров работников на сцене обновленного и даже, может быть, совершенно нового театра"¹. В 1920 г. эта студия перешла под крыло Пролеткульта, получив название "Студия пролетарского театра". 18 мая 1921 г. она была преобразована в Ярославский государственный театральный техникум.

Первоначально студия находилась в ведении театральной секции подотдела искусств Ярославского губисполкома; в феврале 1921 г. в связи с реформой Наркомпроса она перешла в ведение подотдела профессионального образования губоно.

Театральный техникум финансировался на общих основаниях. В 1919-1921 гг., несмотря на ограниченность финансовых поступлений, средств, получаемых техникумом из госбюджета, все же хватало на выплату заработной платы преподавателям и стипендий. В 1921-1923 гг. его финансовое состояние резко ухудшилось, и техникум "существовал почти исключительно на подачки отдельных организаций и благотворительность частных лиц"².

Финансовое положение техникума в 1923-1925 гг. оставалось довольно тяжелым. После того как он был снят с госбюджета в 1924 г. Ярославский губисполком постановил выплачивать ему ежемесячную субсидию в сумме 350 рублей, однако финансовые поступления были нерегулярными. Доход от платы за обучение был также невысок, ибо плата взималась лишь со студентов, состоявших на службе, причем пропорционально их жалованью. Доходы от платных спектаклей часто были меньше расходов на их постановку.

Тяжелое финансовое положение техникума, вызванное уменьшением субсидий со стороны государства, было причиной упразднения стипендий, введения платы за обучение, сокращения зарплаты преподавателям и уменьшения количества студентов.

В соответствии с планом секции театрального образования ТОО Наркомпроса, предполагавшим взять за основу преподавания сценического искусства театральные школы с двухгодичным курсом обучения, срок обучения в Ярославской студии пролетарского театра и в Театральном техникуме первоначально был два года, однако с 1924 г. он был продлен до 3 лет.

Программа обучения включала в разные годы от 15 до 20 предметов и практические занятия. Все предметы можно по различным признакам разделить на несколько групп.

Во-первых, предметы делились на специальные и научно-теоретические. В группу последних входили такие дисциплины, как политическая экономия, история социализма, рабочее движение, история театра. Группу специальных предметов учебный план разделял на четыре подгруппы: 1) предметы по физическому оформлению, куда входили физкультура и танец; 2) предметы по слуховому, фонетическому и ритмическому оформлению, включавшие постановку дыхания, голоса и техники речи, ритмику, пение и музыку; 3) дисциплины по психическому оформлению, куда входили объективная психология, анатомия, основы гигиены и биологии, "актер и его работа", "режиссер и его работа", драматургический анализ; 4) предметы по вещественному оформлению, представлявшие устройство и оборудование сцены, проекционное черчение, грим, костюм, изготовление сценических принадлежностей"³. Часть дисциплин - такие, как политграмота, психология, конструкция речи - изучались коллективно, остальные - техника речи, постановка голоса, художественное чтение - проводились индивидуально.

Особенностью программы Ярославского театрального техникума являлся широкий диапазон изучаемых дисциплин, куда наряду с предметами сцениче-

ского мастерства входил ряд вспомогательных дисциплин: устройство и оборудование сцены, изготовление сценических принадлежностей и т.п. Окончивший техникум получал не просто образование актера, но и актера, способного заметить техника, гримера, костюмера.

Однако ввиду недостаточности средств и нехватки преподавателей программа обучения не выполнялась. Так, в 1919/20 учебном году занятия в студии проводились не каждый день. В 1923-1925 гг. ситуация стабилизировалась, но и в этот период программа выполнялась не полностью. Так, за три семестра 1924/25 учебного года у первого курса состоялось 120 часов занятий, у второго курса - 144 часа занятий, тогда как учебный план на вторую половину 1924/25 учебного года предполагал для первого курса 49 часов в неделю, для второго курса - 80,5 часов⁴.

Много времени отводилось программой сценической практике, занятия по которой проходили индивидуально. В учебном плане немало внимания уделялось политическому воспитанию будущих актеров. Проводились занятия по политграмоте, где студенты слушали и обсуждали доклады, "при прохождении курса клубной работы учащиеся получали сведения и навыки мыслить и строить свою работу в связи с революционными и политическими моментами", а "прорабатывая материал для производственной работы, приурочиваемой к тем или иным революционным праздникам, слушатели должны были усвоить и то явление, результатом которого являлось то или иное произведение, его причины, последствия"⁵.

Количество студентов в техникуме менялось. Так, в 1920 г. на первый курс Студии пролетарского театра было принято 60 человек. В техникуме обучалось: в 1922 г. - 83, в 1923 г. - 70, в 1924 г. - 65, а в 1925 г. - 63 студента⁶. По социальному положению среди них преобладали дети служащих и рабочих. Это было обусловлено тем, что при приеме в техникум особое внимание уделялось классовому происхождению абитуриентов и предпочтение отдавалось выходцам из среды рабочих, служащих и крестьян. Данный принцип приема приводил к тому, что среди студентов оказывались такие, кто не имел подготовки, позволявшей им обучаться в техникуме. Часть молодых людей вообще не имела образования и параллельно с обучением в техникуме посещала школу. Материальное положение их было довольно тяжелым: работающие студенты должны были вносить плату за обучение, крайняя же материальная нужда студентов, нигде не служивших, как свидетельствует отчет о деятельности техникума в 1925 г., производила очень тяжелое впечатление. Оказывать материальную поддержку со своей стороны техникум уже не мог, существовавшие прежде стипендии были упразднены⁷.

Одной из проблем, остро стоявших перед Ярославским театральным техникумом в первые годы его существования, была проблема преподавательских кадров. Выход был найден в привлечении для работы артистов и режиссеров театра им. Ф. Волкова, однако в 1919/20 учебном году бессменно работу в студии вели только трое преподавателей, а "если принять во внимание большое количество заболеваний среди преподавателей, - писал автор заметки в газете "Известия Яргубисполкома", - то будет понятно, что занятия были не каждый день"⁸.

Но уже в 1922 г. число работников техникума увеличилось до 14, а в 1925 г. - до 17 человек⁹. Часть преподавателей совмещала работу в техникуме с преподаванием в других учебных заведениях города: в педагогическом институте, университете, музыкальном и художественном техникуме.

Однако и в 1923-1925 гг. преподавателей в техникуме было явно недостаточно, так как многие занятия требовали индивидуальной проработки. Такая ситуация объясняется тяжелым финансовым положением техникума, которое, с одной стороны, не позволяло увеличить численность преподавательского состава, а с другой стороны, вызывало "бегство" преподавателей ввиду низкой заработной платы и задолженности техникума.

Но, несмотря на трудности, техникум работал довольно успешно. Студенты получали не только теоретические знания, но и практические навыки, активно участвуя в театральной жизни Ярославля. Так, с сентября 1923 г. по январь 1924 г. студенты Театрального техникума дали 26 спектаклей и концертов. Ими были поставлены такие пьесы, как "Мельник" Аблесимова, "Заколдованный петух" Осетрова, "Дедушка домовый" Погосского; концерты состояли из танцев, номеров кабаре, деклараций басен Д. Бедного, стихов В. Маяковского¹⁰. Спектакли и концерты проходили в Театральном техникуме, театре, в рабочих клубах, на заводах.

Окончившие техникум поступали на работу в театр им. Ф. Волкова, клубы; большая часть выпускников работала в передвижном рабочем театре, организованном секцией "Рабис" Биржи труда.

Создание в Ярославле Театрального техникума было обусловлено потребностью в новых актерах для театральных сцен города и губернии, а прежде всего для старейшей в России сцены театра им. Ф. Волкова. Несмотря на трудное материальное положение, нехватку педагогических кадров, Ярославским техникумом за 1919-1925 г. было подготовлено около 100 актеров, которые активно влились в театральную жизнь России, прежде всего Ярославля. Молодые профессионалы сценического искусства способствовали реализации тезиса о воспитательной и агитирующей роли театра в жизни нового общества.

Примечания

¹ Л.М. Спектакли первого курса Студии пролетарского театра // Известия Ярославского губисполкома. 1920. 11 мая.

² ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 1585. Л. 6.

³ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 500.

⁴ Там же. Ф.Р-3302. Оп. 1. Д. 98. Л. 167.

⁵ Там же. Л. 164.

⁶ Там же. Ф.Р-178. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

⁷ Там же. Ф.Р-3302. Оп. 1. Д. 98. Л. 165.

⁸ В студии Пролетарского театра // Известия Ярославского губисполкома. 1920. 12 авг.

⁹ ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф.Р-3302. Д. 98. Л. 166.

Ю.В. Червонцева

Массовые петроградские инсценировки 1920 г.

Октябрьская революция оказала большое влияние на развитие искусства. Главным здесь оказалось его идейное содержание, методы воздействия на зрителя, проблема социального заказа. Обращение к массовой народной аудитории, героические образы, создаваемые новым искусством, призваны были объединять людей общей идеей, мобилизовывать их на революционные действия, социальные перемены. Именно поэтому первостепенное значение в деле агитационно-массового искусства приобрели революционные праздники, ставшие синтезом различных форм искусства. В ряду множества новшеств, которые привнесла революция в эту сферу, особое место занимают петроградские инсценировки или, как их называли, однодневные грандиозные спектакли 1920 г.

Это своеобразное явление послереволюционной жизни не стало предметом исследований историков, хотя комплекс сохранившихся документов позволяет весьма полно характеризовать эти праздники. Известный сценарист, режиссер подобных зрелищ С.Э. Радлов говорил о том, что, не сохранившись материально, такие инсценировки оставили после себя длительную цепь впечатлений, которые и позволяют нам как бы воспроизвести эти спектакли.

Одним из первых в ряду праздников стоит майский 1920 г., устроенный перед зданием бывшей фондовой биржи в Петрограде политотделом военкома. Инсценировка называлась "Гимн освобожденного труда". В осуществлении этого проекта участвовало около 2 тыс. человек: красноармейцы, участники театральных кружков, военные моряки, учащиеся театральных школ, актеры различных театров. Зрителей насчитывалось около 35 тыс. человек. Тема постановки - "борьба рабов за свободу с владыками всех времен и народов". В этой постановке как бы смещались все временные рамки, на которых обычно строилось сценическое действие в театральном спектакле, а царила идея борьбы угнетенных с угнетателями. Все оканчивалось победой угнетенных и апофеозом¹. В отзывах, опубликованных в журнале "Вестник театра", говорилось: "...наэлектризованная народная масса в эту минуту прорвала проволочные заграждения, отделявшие зрителей от места действия, ринулась к portalу биржи и присоединилась к общему пению..."². Из этого отзыва четко видна сила, убедительность, наглядность таких инсценировок для широкой публики.

Следующий обновленный спектакль был поставлен в связи с открытием первых домов отдыха для трудящихся 20 июня 1920 г. на Каменном острове в Петрограде. Был представлен спектакль "Блокада России". Он состоялся в специально построенном амфитеатре на берегу внутренних прудов острова. Места для зрителей, устроенные в виде деревянного открытого полукруга, рассчитанного на 4 тыс. человек, примыкали к самому берегу. Сцена была расположена на маленьком островке. Злоключения "Лорда Керзона" на ялике, превращенном в игрушечный броненосец, похождения шпиона, поход польских панов, кончающийся комической потасовкой и цирковые прыжки с вершины моста в во-

ду - вот главные эпизоды зрелища. Эпизоды отвечали заказу, возложенному правительством на организаторов, так как, судя по воспоминаниям художницы В. Ходасевич, "нужен был политический, агитационный, но вместе с тем доходчивый и веселый спектакль..."³. Это и было сделано. Спектакль окончился овациями 20 тыс. собравшихся зрителей, что говорило о его полном успехе.

В те же летние дни, 19 июля 1920 г. вновь около здания фондовой биржи была разыграна другая грандиозная постановка "К мировой коммуне". Участвовало в ней около 4 тыс. человек. Сохранился интересный эскиз, выполненный для этой инсценировки Н.И. Альтманом в футуристическом стиле. Но проект этот не был осуществлен, видимо, из-за футуристического видения, и инсценировка шла в трафаретной декорации из цветных драпировочных тканей. Отзывы о постановке были полярными. В частности, П.Ф. Куделли буквально разгромил ее начиная от сценария и кончая исполнением: "Сценарий не дал выпуклой жизни эпохи. Перед нами была не более как инсценировка сухой статьи, задавшейся целью дать исторический очерк от I до III Интернационала... Не было жизни, не было захвата, не было возрастающего пафоса, объединяющего всю мистерию... Что касается исполнения, то оно отличалось какой-то недоделанностью и местами растерянностью..."⁴. Столь резкий отзыв свидетельствует, вероятно, о том, что автор подошел к оценке с той же меркой, как и к обычной театральной постановке, рассчитанной на обычного зрителя.

Более интересный и содержательный анализ этой инсценировки был дан в статье А.И. Пиотровского "Празднества 1920 года"⁵. В качестве новаторского достижения было отмечено использование архитектурных особенностей здания для постановки параллельного действия. "... Площадь у биржи, - писал он, - уже не только сценическая площадка - это осажденная страна РСФСР. Она оживает вся..."⁶. Кроме того, отмечается попытка наряду с театральными иллюзорными предметами дать и реальные вещи в действии: автомобили, пушки, войска и т.д.

Но особенно грандиозными масштабами отличалась инсценировка "Взятие Зимнего дворца", поставленная в октябрьские дни 1920 г. на площади Урицкого. Режиссеру Н.Н. Евреинову предстояла небывалая по сложности замысла задача. Он вспоминал: "... Одновременно будут фигурировать три сцены. Две условные театральные и одна реальная историческая. На первой сцене события должны ставиться в комедийном стиле, на второй - в тонах героической драмы, а на третьей - в тонах батального зрелища. Режиссеру приходится привести к одному знаменателю эти три стиля к стилю часто театральному..."⁷. По замыслу Евреинова в постановке должны были принимать участие 10 тыс. человек - артистов и лиц, мобилизованных из театрально-драматических кружков красноармейских и флотских частей, но практически принимало участие в инсценировке 6 тыс. человек. Нельзя не сказать об одном очень оригинальном и эффектном приеме. Режиссеру нужно было сделать так, чтобы "заговорили" даже камни, и поэтому в театральное действие был включен и неодушевленный предмет - Зимний дворец. В момент решающего сражения по сюжету инсценировки вспыхивали его окна, и на фоне их демонстрировались картины жестоких схваток. Этот метод получил название театра теней.

Такие инсценировки, с тысячами участников, широким применением различных световых эффектов, танцев, со сложными передвижениями больших

масс людей, требовали строгой дисциплины, организованности и подчинения всех исполнителей воле постановщика. Репетиции и представления проходили по жесткой системе централизации: "во главе празднества обычно стоял "штаб", состоящий из "руководящей тройки" и отделов: режиссерского, сценарного, мобилизационно-учетного, строительно-технического, монтажно-вочного, транспортного, продовольственного, связи и др. Сценарный разрабатывал детальную "партитуру" празднества, мобилизационно-учетный организовывал многочисленные и притом часто текучие, сменяющиеся массы участников празднества. Строительно-технический должен был в тягчайших условиях разрухи налаживать освещение ночных празднеств прожекторами, должен был строить станки для зрелища и трибуны для зрителей. Участники делились на десятки с десятскими во главе. С этими десятскими проходили основные репетиции. Они отвечали за свои группы, обучали их во время празднества, руководили ими. Отдельных руководителей имело также каждое сюжетное объединение, каждый отдельный эпизод и каждая отдельная часть сценической площадки. Сценарий был разбит на ряд точно зафиксированных эпизодов-выходов. Руководители на командном мостике подавали сигнал - телефонный и оптический (порядковый номер) к началу каждого выхода. Руководители групп и отдельные участники принимали сигнал и передавали команду своим группам и десяткам. Ведение зрелища было, таким образом, строго централизовано. Дисциплина празднеств 1920 г. была безукоризненна"⁸.

Массовые спектакли "Гимн освобожденного труда", "Блокада России", "К мировой коммуне", "Взятие Зимнего дворца" продолжили традицию военных массовых зрелищ, которая была заложена еще в 1919 г. Так, первомайская и октябрьская постановки полностью сохранили военный характер. Остальные празднества были созданы гражданскими учреждениями, но основными участниками оставались красноармейцы и матросы. Все спектакли развивались при возрастающем числе участников, при усложняющейся планировке.

Таким образом, эти массовые инсценировки 1920 г. в Петрограде явились наиболее эффективным этапом в традиции проведения советских торжеств. Они как по содержанию, так и по форме стали неотъемлемой частью того бурного времени. Пафос борьбы со всем старым и победа над ним - тема, всегда лежавшая в основе любых сюжетных ситуаций театрального действия, она отвечала настроению широких народных масс, давала возможность внедрить в умы новые идеологические установки, а также осознать смысл социальных перемен, происшедших в стране.

Примечания

¹ Советское декоративное искусство. Материалы и документы. 1917-1932. Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. М., 1984. С. 109. Эта постановка известна также под названием "Мистерия освобожденного труда", составной частью которой была пьеса-пантомима "Бунт Спартака".

² Там же. С. 110.

³ Ходасевич В.М. Портреты словами. М., 1987. С. 141.

⁴ Советское декоративное искусство... С. 111. Эту статью см. в газете: Петроградская правда. 1920. 21 июля.

⁵ Там же. С. 112. А.И. Пиотровский довольно много внимания уделял проблемам театрального искусства и неоднократно обращался к анализу праздничных театральных постановок. См., например: Пиотровский А.И. За советский театр! Л., 1925; Массовые празднества. М., 1926.

⁶ Советское декоративное искусство... С. 112.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Пиотровский А.И. Хроника ленинградских празднеств 1919-1922 гг. // Массовые празднества. Л., 1926. С. 65-66.

А.В. Кукушкина

Подготовка первого собрания Русской православной церкви за границей

Одним из ключевых моментов истории Русской православной церкви (РПЦ) за границей явилось первое заграничное Церковное Собрание, состоявшееся в Сремских Карловцах с 8(21) ноября по 20 ноября(3 декабря) 1921 г. Но его, как и эволюцию самой РПЦ за границей, невозможно рассматривать в отрыве от его подготовки. Необходимо проследить за ее развитием, выяснив цели и задачи, которые первоначально ставились перед Всеобщим Церковным Собранием, и то, как они постепенно изменялись.

Идея его организации возникла еще в Константинополе, куда ранее эмигрировали некоторые русские священнослужители вместе со своей паствой.

Большой вклад в подготовку Всеобщего Собрания внес еп. Вениамин (Федченков). Несмотря на то, что идея подобного Собрания "носила в воздухе", он стал инициатором его организации. Именно еп. Вениамин и подготовительная комиссия начали подготовку Собрания еще в Константинополе, но постепенно дело перешло к другим лицам, поменялись и некоторые ориентиры. Так, на заседаниях 6(19) и 8(21) апреля 1921 г. в Константинополе было принято решение создать "Собрание представителей Русской православной церкви за границей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности". Предполагалось выработать программу, способы, которые бы привели к активизации религиозно-политической деятельности русской эмиграции и создать руководящий центр, который бы координировал эту работу. Они считали, что эмиграции необходима церковная организация. Подготовительная комиссия предлагала Собранию обсудить следующие вопросы и проблемы: просветительная деятельность, благотворительность, заботы о монашестве, забота о русских верующих, предохранение их от ухода в другие религии, безбожие с тем, чтобы по возвращении на Родину не было разницы между русскими и реэмигрантами. Конечно, это были практически неразрешимые задачи для одного собрания, что связано как с их глобальностью, так и с временными рамками: длительность Церковного собрания ограничивалась несколькими днями.

Архиеп. Евлогий писал еще в конце 1920 г. Патриарху Тихону: "У нас по инициативе молодого епископа Вениамина (Федченкова) затевается большой

заграничный собор с привлечением Латвии, Эстонии, Польши, Финляндии и даже Америки, Японии, Китая. Слишком широко размахнулись. Хватит ли пороха..."¹. И действительно, организаторы несколько не рассчитали силы, и состав собрания был не столь представительным, как предполагалось.

Практически ни одно заседание Высшего церковного управления (ВЦУ) за границей в 1921 г. не обошлось без обсуждения того или иного вопроса, связанного с подготовкой Заграничного Церковного Собрания.

Одним из этапов развития и подготовки собрания можно назвать Рейхенхальский монархический съезд, проходивший с 16(29) мая. На нем наметились основные положения, выставленные потом для обсуждения на Церковное Собрание. Вот что вспоминает об этом архиеп. Евлогий: "Во время моей поездки во Францию началась подготовка к Карловацкому съезду, который Высшее Церковное Управление под председательством митрополита Антония постановило созвать текущей осенью. Карловацкий съезд, задуманный как продолжение линии Рейхенхала, был теперь уже на за горами"².

Если говорить непосредственно о монархическом съезде, то необходимо отметить, что среди 7 отделов, образованных на нем, был отдел по религиозно-нравственным вопросам. Из религиозных деятелей на съезде также выступали: архимандрит Сергей, который говорил о необходимости восстановления в России монархии и о роли церкви, и митрополит Антоний, который передал Собранию приветствие от Сербского Патриарха Димитрия, отметив в своей речи, что в армии наблюдается подъем религиозных настроений. Ими была отслужена божественная литургия.

На съезде был сделан доклад церковной комиссии, в котором рассматривалось 4 основных вопроса: 1) в каком виде представляется современное духовное состояние русского народа; 2) в каких формах представляется современное состояние православной церкви в России; 3) какие отсюда вытекают желательные и возможные взаимоотношения церкви и государства; 4) какие вследствие этого встают перед нами ближайшие задачи³.

Это был съезд крайне правых монархистов с монархически-парламентарными группами. На нем звучало много предложений, из которых следует выделить по крайней мере две мысли: 1) о необходимости восстановления монархии в России в лице династии Романовых; 2) церковь и монархия неотделимы. Эти идеи объединили вокруг себя правую эмиграцию. Кроме того, в Рейхенхале было постановлено собрать общеэмигрантский Съезд из представителей духовенства и мирян. Карловацкое собрание позже функционально ответило этому объединению.

Но, помимо своих решений, связанных с церковью, большое значение этого монархического съезда состояло и в том, что он объединил людей с монархическими взглядами, в том числе и в религиозно-церковной сфере, тогда как другие течения были и не организованы, и не сплочены.

Буквально с первого после переезда в Сербию заседания ВЦУ 9/22 июля началась подготовка Собрания. На этом заседании было выработано, а позднее, 12/25 июля, утверждено "Положение о созыве Заграничного Собрания российских церквей". В нем говорилось: "В состав Собрания входят в качестве членов

представители всех заграничных автономных Церквей, епархий, округов и миссий, пребывающих в подчинении Святейшему Патриарху Всероссийскому.

Собрание признает над собою полную во всех отношениях архипастырскую власть Патриарха Московского.

Собрание состоит из епископов, клириков и мирян.

Выборы в Собрание производятся по следующим 15 округам и 15 районам. Округи: Северная Америка, Япония, Китай, Финляндия, Эстляндия, Латвия, Литва, Польша, Германия, Франция, Италия, Сербия, Болгария, Турция и Дальний Восток. Районы: Швеция, Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Англия, Швейцария, Чехия, Венгрия, Австрия, Румыния, Палестина, Александрия, Греция, Африка"⁴.

Таким образом, предусматривалось участие представителей всех заграничных епархий, автокефальных церквей, округов, миссий, которые находились в ведении Московской патриархии, но по тем или иным причинам утратили с ней связь. Эти территории были поделены на округа, территории, где имелись русские епископы, и районы, где были приходы, но не было епископов. В соответствии с этой градацией каждый округ должен был прислать на собрание по 7 представителей (епископа, двух клириков и четырех мирян), а каждый район - троих (одного клирика и двух мирян). Плюс к этому предполагалось участие делегатов от военно-морских церковных округов и от штаба Главнокомандующего русской армией, а также от монашеского духовенства. То есть уже из этого документа видно, что на Церковном собрании должно было присутствовать более гражданских лиц, чем священнослужителей.

Необходимо отметить, что, помимо такого представительства, было предусмотрено приглашение на Собрание членов Всероссийского церковного собрания 1917-1918 гг., оказавшихся за границей. Кроме этого, предусматривалось приглашение ряда лиц по специальному списку, составленному митр. Антонием, архиеп. Анастасием, архиеп. Евлогием, как соответственно управляющими православными общинами в Сербии, Константинополе, Западной Европе. и еп. Вениамином, как управляющим военно-морским духовенством. В основном в этот список включались высокопоставленные государственные и церковные деятели других государств, а также представители русской церковной и светской верхушки. Вот что пишет митр. Антоний по поводу распределения приглашений 10/23 января 1922 г. графу В.В. Мусину-Пушкину: "Распределение приглашений между самим Управлением и Епископами было вовсе не по ценности сочленов, а чисто механическим, и оным заведовал Пр. Вениамин"⁵.

Согласно этому документу все постановления Собрания должны были поступать на утверждение Патриарху, и лишь в крайних случаях они вступают в действие без утверждения, но на правах временных. Цели же Собрания определялись Положением в духе подготовительной комиссии. Во всех документах до Собрания и непосредственно на заседаниях подчеркивалась преемственность его Московскому Собору.

Как и предполагалось еще при подготовке Константинопольского собрания русской церкви в эмиграции, подобные мероприятия прошли и в других местах: Сербии, Болгарии и в Западной Европе. Но везде они прошли по-

разному, наибольший интерес для понимания Всеобщего собрания имеет местное Сербское собрание, которое рассматривало среди прочих также вопрос духовного возрождения России.

Это собрание было первым, поставившим данный вопрос, оно же впервые выделило в ходе работы Отдел по духовному возрождению России. Реакция не замедлила последовать, тем более что ВЦУ находилось в той же Сербии.

Следующий важный документ, появившийся уже после местного сербского Церковного Собрания (19 ноября 1921 г.), "Наказ" Всеобщему Церковному Собранию говорит непосредственно об организации Собрания. Среди прочих наказов здесь уже присутствовал вопрос об организации особого седьмого Отдела Собрания для духовного возрождения России. Наказ регулировал будущую работу Собрания и, в частности, деятельность епископского совещания:

"Особые обязанности и главная ответственность перед Богом и Церковью лежит на епископах. Им священными канонами присвоены и преимущественные полномочия и особая власть, а потому епископы образуют особое Совещание Епископов Церковного Собрания" (п. 44).

Все решения общего Церковного Собрания, Совета Собрания и Пресвитерского Совета восходят на утверждения совещания епископов и имеют силу лишь после подписания ими постановлений.

В случае необходимости Епископское Совещание имеет право закрыть Церковное Собрание"⁶.

Если в целом рассмотреть все упоминаемые ранее в связи с подготовкой к Собранию документы, необходимо отметить их эволюцию по двум направлениям: от демократизма к монархизму и от аполитичности к политизации. Более того, эти документы еще до Собрания расставили четкие акценты и выделили злободневные для русской церковной эмиграции проблемы (многие из которых в ходе данной эволюции претерпели изменения или практически вообще были сняты с повестки Собрания). На это повлияло прежде всего изменение в составе подготовительной комиссии и самого ВЦУ в связи с консолидацией монархических сил.

Примечания

¹ Афанасьев А. Красный митрополит // Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов. М., 1987. С. 181.

² Евлогий, митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 362.

³ Доклад церковной комиссии // Двуглавый орел. 1921. N 9. С. 15-19.

⁴ Русская православная церковь за рубежом / Под ред. Сологуба. Нью-Йорк, 1968. С. 28-29.

⁵ Антоний (Храповицкий). Письма блаженнейшего митр. Антония. Джорданвиль, 1988. С. 99.

⁶ Цит. по: Андреев И.М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. Джорданвиль, 1951. С. 93-94.

О.А. Бурова

К вопросу о кризисе хлебозаготовок в Сибири (1927-1929 гг.) (по материалам РЦХИДНИ)

Кризис хлебозаготовок - сложный политико-экономический процесс, протекавший в СССР в 1927 - 1929 гг. Ситуация, сложившаяся при заготовке зерновых в 1927/28 г., срочно требовала от сталинского правительства найти выход и добиться выполнения намеченного плана заготовок. В этой обстановке на повестку дня встает вопрос о применении чрезвычайных мер для решения проблемы хлебозаготовок. Особенно остро политика "чрезвычайщины" затронула основные сельскохозяйственные (хлебные) регионы СССР: Сибирь, Урал, Украину, Казахстан. В каждом из этих регионов статьи УК (105, 107) применялись с разной степенью интенсивности. Рассмотрим решение проблемы в Сибири.

На основании данных заседаний бюро Сибирского крайкома ВКП(б) можно четко проследить, какие меры применялись на местах для выполнения спускаемых сверху планов по хлебозаготовкам в кампании 1927/28 г.

В начальный период хлебозаготовительной кампании этого года планировались отправка уполномоченных на места для непосредственного руководства хлебозаготовками, рассылка телеграмм с разъяснительной пропагандой среди крестьянства и срочные отчеты низового аппарата о заготовках. В частности, постановление о мероприятиях по усилению хлебозаготовок от 10 января 1928 г. рекомендует следующие меры:

"... 3. В целях стимулирования усиления хлебозаготовок низовой сетью кооперации считать возможным ввод премирования низового хлебозаготовительного аппарата.

4. Усилить персональную ответственность руководителей заготовительных организаций за выполнение заданий по заготовкам, отгрузке и срочному продвижению промышленных товаров в деревню...

6. Необходимо на время проведения хлебозаготовительной кампании установить более срочную отчетность о заготовках (5 дней) и отгрузках (пятидневки)...

10. Считать работу по усилению хлебозаготовок ударной, считать необходимым создать тройку в составе гг. Эйхе, Злобина и Сырцова, поручив ей принимать все необходимые решения, связанные с хлебозаготовками от имени Крайкома и Крайисполкома"¹.

Первоначально руководство Сибкрайкома считало, что этих мер вполне достаточно для выполнения плана заготовок для центра, однако в конце декабря - начале января, когда прекратилось поступление хлеба самотеком, на повестку дня встает вопрос о применении 107 ст. УК. Поскольку четкие разъяснения к этой статье отсутствовали, для повышения хлебозаготовок ее часто применяли по отношению к середняку, что приводило к протестам крестьян. В результате 18 февраля 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома были приняты следующие постановления. Продемонстрируем их на примере одного (Кузнецкого) округа: "При осуществлении кампании по хлебозаготовкам, самообложению и взыска-

нию денежной задолженности в округе имели место недопустимые извращения революционной законности и директив края... Окружная тройка взяла совершенно неверную, грубую, ошибочную политическую линию, дав указание о привлечении по 107 ст. УК наряду с кулаками и некоторых середняков.

Предложить крайсуду срочно дать указание местам о том, чтобы приговоры по 107 ст. при рассмотрении кассации в части извращения краевых директив (конфискация сельскохозяйственных машин) были исправлены"².

Однако днем позже, на секретном заседании Сибкрайкома совместно с И.В. Сталиным, который в то время совершал поездку по округам Сибири, принимается решение "...о привлечении в каждом из основных хлебозаготовительных районов нескольких кулаков (4-10), располагающих большими запасами хлеба и использующих хлебные затруднения для спекуляции и взвинчивания цен, считать необходимым применение меры (ст. 107 УК) от имени прокуратуры.

Поручить Крайпрокуратуре в газетах и специальных листовках опубликовать от своего имени извещение о ст. 107 и ст. 105 УК и о порядке и условиях их применения"³. Следовательно, до этого секретного постановления население не имело никаких данных об уголовной ответственности за невыполнение планов хлебозаготовок, а также возникшие ранее извращения при применении этих статей со стороны низового аппарата были обусловлены, скорее всего, отсутствием четких инструкций по их использованию. Однако и это секретное постановление не означает, что применение чрезвычайных мер будет проходить строго в соответствии со спущенным циркуляром и не произойдут новые перегибы при их применении.

Уже решение бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 3 марта 1928 г. вносит новые коррективы о применении 107 ст. УК "Дать указание окружкам о необходимости дальнейшего применения 107 ст. к кулакам (в том числе и к кулакам, имеющим менее 2 000 пудов хлеба) с лучшими качественно обставленными процессами, могущими обеспечить больший эффект"⁴. Подобное постановление было официальным разрешением для применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, оно обусловлено тем фактом, что за первое полугодие 1927/28 хозяйственного года план заготовок был выполнен по Сибири лишь на 64%⁵.

Со второй половины марта 1928 г. ослабевает применение чрезвычайных мер в Сибири, что было связано с началом весенней сельскохозяйственной кампании, которая требовала присутствия рабочей силы на полях. В этой ситуации на заседании Сибкрайкома 29 марта 1928 г. был принят протокол об осужденных по ст. 107 и 111 УК:

"1. В связи с предстоящими весенними полевыми работами признать возможным досрочное освобождение осужденных по 107 ст. УК в установленном законом порядке, не допуская применения к осужденным краткосрочных отпусков на полевые работы.

2. Досрочное освобождение применять как общее правило к тем, кто отбыл 1/2 назначенного судом срока заключения"⁶.

С началом весенних полевых работ применение чрезвычайных мер по Сибири приостанавливается. В мае бюро Сибкрайкома ВКП(б) начинает подведе-

ние итогов по применению чрезвычайных мер в крае. В решении от 5 июня 1928 г. сказано: принимая во внимание, что в общей массе осужденных кулацко-эксплуататорская группа составляет примерно 93%, признать применение 107 ст. в порядке проведения в целом по Краю удовлетворительным"⁷.

Таким образом, советские и партийные органы Сибири достаточно активно пытались административными методами решить проблему хлебозаготовок, однако, несмотря на чрезвычайные меры, справиться с этой задачей им не удалось - план хлебозаготовок 1927/28 года по Сибири был выполнен на 64%.

Примечания

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (в дальнейшем РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 3185. Л. 70-71.

² Там же. Л. 112-116.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 170.

⁵ Известия. 1928. 18 февр.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3185. Л. 174.

⁷ Там же. Д. 3186. Л. 1.

А.Н. Смирнов

Экономические итоги районирования Ивановской промышленной области (1929-1936 г.). Образование Ярославской области

Ивановская промышленная область (далее ИПО) была образована в 1929 г., в ее состав почти полностью вошли территории старых Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний¹.

С образованием ИПО подошел к завершению вообще весь процесс экономического и административного районирования страны. Новые территориальные единицы - большие области, с делением их в свою очередь на округа (просуществовавшие до октября 1930 г.), и хозяйственно целостные районы - в основе своего образования имели экономические соображения: производственная специализация, однородность хозяйства с перспективой его развития, историко-бытовые традиции, естественно-географические и почвенные условия, развитие транспортных связей, сельскохозяйственный уклон, наличие трудовых ресурсов и сильного образующего центра.

Территория Верхнего Поволжья была связана общим характером промышленности, однородностью природных условий, определивших уклон и темп развития сельского хозяйства. Исторический опыт развития промышленности региона обусловил преобладание текстильного производства (хлопчатобумажная и льняная отрасли), дававшего до 80% от всей валовой продукции области в момент ее образования. В сельскохозяйственном отношении ИПО характеризовалась выращиванием технических культур льна и картофеля.

Характерные для области производственная специализация и однородность хозяйства, ставшие главным аргументом для образования ИПО, имели особенное значение для развития всего хозяйства СССР, поскольку средства легкой промышленности становились главным источником для инвестирования в тяжелую индустрию. Известно, что ускоренное завершение районирования было продиктовано необходимостью скорейшего развертывания контрольных цифр первого пятилетнего плана развития народного хозяйства на оставшиеся к этому времени нерайонированные территории страны. Разнобой в территориальном делении не способствовал достижению такой политической цели, как коллективизация сельского хозяйства.

С образованием области была поставлена задача не только дальнейшего развития текстильного производства, но и достижения существенных сдвигов в развитии целого ряда отраслей промышленности группы "А" (тяжелой промышленности): химической, машиностроительной, металлообрабатывающей, топливной и т.д.² Деревня и сельское хозяйство также должны были коренным образом измениться "по пути колхозного строительства" и перехода к высококультурному земледелию (производство зерновых культур)³.

За короткий срок своего существования (1929-1936 гг.) Ивановская промышленная область превратилась в мощный, многообразный по структуре промышленности район, чему во многом способствовало и рациональное экономическое районирование. За годы первой и три года второй пятилетки затраты на индустриальное развитие составили до 1,5 млрд рублей, а валовая продукция промышленности со времени образования ИПО выросла на 215%. Произошли резкие изменения в соотношении отдельных отраслей: доля текстильного производства с 78,3% в 1927/28 г. упала до 45% в 1935 г.; увеличилась валовая продукция металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей (6,5% в 1927/28 г. и 19,5% в 1935 г.); химическая промышленность, пополнившись таким гигантом, как Ярославский резиново-асбестовый комбинат, увеличила свою продукцию в 18 раз, составив 14% от всей валовой продукции области в 1935 г. в сравнении с 1,6% в 1927/28 г.⁴

Сложность хозяйства области не могла не затруднять руководства ею, тем более что развитие промышленности создало характерный дисбаланс в территориальном размещении отраслей тяжелой и легкой промышленности. Основные производственные мощности текстильного производства размещались преимущественно в центральной (Иваново, Кинешма, Шуя) и южной (Владимир, Ковров) частях области. Получившая же развитие химическая и машиностроительная промышленность концентрировалась главным образом в северо-западной части ИПО (Ярославль, Рыбинск). С учетом преобладающего сельскохозяйственного направления область также условно делилась на северную и северо-восточную часть интенсивного льноводства и южную картофелезерновую. Развитие транспортного хозяйства тоже показывало, что южная часть довольно удачно обеспечивалась железнодорожной связью с г. Иваново, а северные и особенно северо-восточные районы области вынуждены были сообщаться с ним через г. Ярославль. Сам Ярославль за годы существования ИПО превратился в крупный центр автомобильного производства, машиностроения, химии и т.д. Это, наконец, был мощный транспортный узел,

что делало его удобным пунктом для размещения новых промышленных предприятий⁵.

Все эти обстоятельства показывали реальную возможность разделения области, тем более что такой опыт по стране в первые годы второй пятилетки уже имелся⁶. Однако не столько руководство промышленностью (поскольку управление было централизованным), сколько поставленная СНК СССР и ЦК ВКП(б) задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов и подъема сельского хозяйства в регионах нечерноземной полосы, к числу которых относилась и ИПО, предопределила ее судьбу. В постановлении от 19 декабря 1936 г. подчеркивалось, что, несмотря на успехи сельского хозяйства, достижения являются недостаточными. Поэтому правительство и ЦК партии обязали все партийные и советские организации обеспечить в течение ближайших лет значительное повышение урожайности по зерну, льну, картофелю, а также повсеместно заложить семенные рассадники клевера⁷.

Эта директива потребовала от областных органов четкого и быстрого выполнения, что в условиях территориально обширных областей становилось чрезвычайно сложным.

Известно, что на 1936 г. планировалось принятие новой, как тогда писали, Сталинской Конституции СССР, которая требовала закрепления сложившегося административно-территориального деления, а также намечалось проведение обмена партийных документов и партийной чистки в преддверии массовых репрессий, что вновь требовало жесткого контроля со стороны обкомов. В этом смысле разукрупнение ИПО было более чем своевременным.

И хотя, как представляется, образование Ярославской области имело безусловную политическую подоснову, экономические соображения оставались по-прежнему решающими. Будущая область имела характерную производственную специализацию, целостный сельскохозяйственный уклон, сильные инфраструктуру и центр. Проблема возникла только с конфигурацией области. Город Кострома и часть прилегающих к нему районов территориально находились ближе к Ярославлю, но в экономическом отношении теснее были связаны с прежним областным центром. Оставление костромских районов в составе Ивановской области было целесообразно, так как в Костроме имело сильное развитие льнообрабатывающее текстильное производство, обслуживаемое соседними районами. Но при этом территория Ярославской области становилась не только незначительной, но и вытянутой. Поэтому согласно первоначальному проекту разделения ИПО было предложено выровнять конфигурацию за счет части территории соседнего Северного края⁸.

Однако окончательным итогом стал все-таки раздел собственных районов. Постановлением ВЦИК от 11 марта 1936 г. начала свое существование Ярославская область (с центром в г. Ярославле), в границах которой оказалась территория бывшей Ярославской губернии без восточной части Ростовского уезда, отошедшей к Ивановской области (образованной согласно тому же постановлению), преобладающая часть территории бывшей Костромской губернии, а также Переславский уезд бывшей Владимирской губернии. Область разделялась на 36 районов, имела 15 городов, в том числе 3 города областного подчинения - Ярославль, Рыбинск и Кострома⁹.

Таким образом, экономическое и административное районирование создало наиболее благоприятные условия для правильного и возможно более полного использования всех местных производительных сил Ивановской промышленной области, ее естественных богатств, накопленных материальных ценностей и т.д. С образованием области открылись возможности для решения более сложных задач, которые были не под силу прежним губерниям, в первую очередь решение задачи дальнейшего развития промышленности области на территории вошедших в состав ИПО губерний. За короткий срок существования область добилась значительных успехов во всех отраслях народного хозяйства, существенно изменилась ее промышленная структура. Однако территориальная диспропорция в размещении производственных мощностей легкой и тяжелой индустрии, а также ряд политических факторов, основным из которых являлась инициатива И.В. Сталина, привели к разделению ИПО и образованию в 1936 г. Ивановской и самостоятельной Ярославской области.

Примечания

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1929. N 10. Ст. 116; Там же. N 44. Ст. 468.

² Центр документации новейшей истории Ивановской области (ЦДНИ ИО). Ф. 327. Оп. 4. Д. 9. Л. 23.

³ Там же. Д. 2. Л. 109.

⁴ Хозяйство Ивановской области. 1936. N 4. С. 13.

⁵ ЦДНИ ИО. Ф. 327. Оп. 5. Д. 1100. Л. 9.

⁶ СУ РСФСР. 1934. N 5. Ст. 33-35; N 26. Ст. 153; N 31. Ст. 190.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 6. С. 280-283.

⁸ ЦДНИ ИО. Ф. 327. Оп. 5. Д. 1100. Л. 12.

⁹ СУ РСФСР. 1936. N 12. Ст. 73.

Н.В. Страхова

Советско-финские отношения в 30 - 40-е гг.

Советско-финские отношения рубежа 30 - 40-х гг. - одно из "белых пятен" отечественной истории. В течение длительного периода о том, что происходило в те годы между Советским Союзом и Финляндией, сознательно замалчивалось. Сейчас, на наш взгляд, пришло время, когда возникла необходимость понять, что же происходило в 1938 - 1940 гг. на северо-западной границе СССР.

За период с 1940 по 1980 г. не было специальных работ, посвященных советско-финским отношениям 1938-1940 гг. И только с середины 80-х гг. занавес всеобщего молчания приоткрылся, стали появляться статьи, авторы которых пытались показать правду, скрытую за пропагандистскими лозунгами советского руководства. В 1989 г. на страницах журнала "Международная жизнь" развернулась дискуссия, в которой поднимался вопрос об уроках советско-финской войны, потерях в ней. Был опубликован ряд интересных документов, связанных с советско-финскими переговорами 1938-1939 гг.¹ В 1990 г. в сборнике "Исто-

рики отвечают на вопросы" появилась статья В.В. Соколова "Пиррова победа"². По мнению автора, этой войны можно было избежать. Соглашаясь с финскими историками, он называет ее "зимней войной за независимость Финляндии". Много новых материалов о советско-финских отношениях было опубликовано в журнале "Родина". Один из номеров журнала за 1995 г. полностью посвящен "зимней войне"³. В нем напечатаны статьи и российских и финских историков, поднимающих вопросы о потерях обеих сторон в войне, о подразделениях Красной Армии, попавших в окружение, затрагивается проблема помощи Финляндии со стороны многих западных держав. Пожалуй, впервые в отечественной историографии здесь публикуется карта военных действий советско-финской войны. Наиболее полной работой по теме является коллективная монография "Финляндия во второй мировой войне"⁴, где авторы, используя большой фактический материал, стремятся воссоздать картины советско-финской войны.

В данной работе мы пытались рассмотреть ряд интересующих нас вопросов, а именно: как части Красной Армии были подготовлены к войне в тяжелых зимних условиях, каковы были реальные потери армии Советского Союза и армии Финляндии. Кроме того, нас заинтересовали некоторые особенности пропагандистской кампании, проводившейся в советской периодической печати. Желание почувствовать дух того времени побудило нас обратиться к газетным материалам, хотя, безусловно, мы отдавали себе отчет в том, что газеты сталинского времени нужно читать с известной долей осторожности, учитывая их тенденциозность в условиях тоталитарного режима. Проанализировав публикации газет "Правда", "Комсомольская правда", "Известия", "Сталинская смена" и "Ленинский путь" за июнь-декабрь 1939 г. и январь-август 1940 г., мы пришли к интересным, на наш взгляд, выводам:

- советское руководство не уделяло должного внимания подготовке частей ЛВО, рассчитывая на быструю и победоносную войну. Материальная база ЛВО была незначительна, не хватало самого необходимого: вооружения, продовольствия. Не уделялось внимания и подготовке кадров. Велась лишь идеологическая пропаганда через органы печати. Уже с июня 1939 г. советского гражданина исподволь подводили к мысли, что маленькая и "нищая Финляндия" не может противостоять СССР. Только этим можно объяснить огромное количество статей, повествующих об экономическом кризисе Финляндии. Советским читателям внушали: "Действия СССР оправданны и верны";

- советская разведка не воспринимала серьезно сведения о "линии Маннергейма". Поэтому не были приняты меры, необходимые для длительного прорыва укреплений, и на линии обороны Красная Армия несла большие потери. Если сравнить данные К.А. Мерецкова, П. Александрова⁵ и советских публикаций 1940 г., то становится ясно, что Мерецков приводит сведения, по которым число оборонительных укреплений значительно выше. Интересно, что до начала февраля 1940 г. в прессе сообщалось о взятии на Карельском перешейке ряда деревень, но не было публикаций о попытках прорыва долговременных сооружений. С середины же февраля появляются сведения о взятии частями Красной Армии долговременных сооружений противника;

- до 1990 г. потери Красной Армии в советско-финской войне преуменьшались в 3 раза по отношению к истинным, а потери финской армии соответственно в 3,5 раза преувеличивались;

- еще до конца не выявлены безвозвратные потери Красной Армии, а количество раненых не поддается определению: их учет не отличается аккуратностью. В результате "зимней войны" Красная Армия потеряла свыше 150 тыс. человек убитыми, а потери финской армии составляли 23 тыс. человек убитыми;

- с этим была связана кампания, развернутая в советской периодической печати. На первый план выходили сообщения об экономических трудностях Финляндии, о "зверствах маннергеймовских банд", а военные действия до середины февраля 1940 г. были на втором плане: появлялись лишь сводки ЛВО. Но со второй половины февраля все больше и больше статей стало посвящаться героизму и мужеству советских бойцов и командиров. Интересно, что число взятых Красной Армией долговременных сооружений финнов, отраженное в печати, близко к истине, а количество убитых советских воинов значительно преуменьшено.

Таким образом, за публикациями в советской периодической печати скрывалась страшная правда о неготовности частей ЛВО к войне.

Примечания

¹ "Зимняя война" (документы о советско-финских отношениях 1939-1940 гг.) // Международная жизнь. 1989. N 8. С. 51-69.

² Соколов Б.В. Пиррова победа (новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 274-300.

³ Родина. 1955. N 2.

⁴ Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.

⁵ Александров П. Расколотый щит // Родина. 1995. N 12. С. 77-79.

А.С. Шестерин

Корабли основных классов дореволюционной постройки в составе советского Военно-морского флота (1917-1956 гг.)

Корабли основных классов дореволюционной постройки служили в ВМФ СССР длительный период - с октября 1917 г., когда было создано само Советское государство, и до февраля 1956 г., когда последние представители этих боевых единиц - линкор "Октябрьская революция" и "Севастополь" - были исключены из состава флота¹. Под термином "корабли основных классов" в те годы понимались следующие классы кораблей: линейные корабли, линейные крейсера, броненосные крейсера, тяжелые крейсера. Кораблей последнего класса никогда не имелось в составе ВМФ СССР, остальные же классы были пред-

ставлены исключительно кораблями дореволюционной постройки, что являлось характерным в то время только для флотов слаборазвитых стран. Следует заметить, что эти классы кораблей были в тот период основной ударной силой крупнейших флотов и по их наличию и совершенству конструкции делался вывод о боевой мощи и уровне технического состояния флота и всей страны в целом и соответственно уточнялись место и роль государства в мировой политике. Особенность СССР в этом плане составлял тот факт, что сравнительно мощный его военно-экономический потенциал слабо отразился на состоянии ВМФ и кораблей данных классов как его ударной силы. Напротив, самые совершенные корабли основных классов, построенные или строившиеся до революции (например линкор "Фрунзе" ("Полтава"), "Демократия" ("Император Николай I"), линейные крейсера типа "Измаил") не вошли в состав советского флота. Эта парадоксальная ситуация является отражением взглядов советского руководства на военно-морскую стратегию. После потери военно-морским ведомством самостоятельности в апреле 1922 г. теоретические разработки в данной области перестали влиять на военно-морское строительство², и весь период до 1956 г. даже само наличие этих кораблей в составе флота не отвечало ни самой советской военно-морской доктрине (при всей ее неразработанности), ни боевым задачам, которые должен решать Рабоче-Крестьянский Красный Флот. Их наличие в составе флота можно объяснить только фактором престижа, хотя в советско-финской и Великой Отечественной войнах они вносили весомый вклад в разгром врага.

Говоря о самой службе этих боевых единиц в советском ВМФ, необходимо отметить существование как общих аспектов использования кораблей данных классов или их отдельных групп, так и особенностей, характерных для каждого из них. Это обуславливалось как общемировыми тенденциями в развитии названных классов кораблей, так и вышеуказанными особенностями военно-морского строительства в СССР и другими факторами. Результатом синтеза этих аспектов стало то, что в ходе службы в советском ВМФ кораблей основных классов дореволюционной постройки можно выделить пять основных периодов.

Первый период - период гражданской войны и интервенции (1917 - 1921 гг.), в ходе которого произошел полный распад старого флота, сокращение финансирования флота в его штатной численности, гибель или утрата многих боевых единиц и перевод остальных на хранение в порты без экипажей. "В сумме все это означает, что флота у нас нет", - резюмировал результаты этого этапа М.В. Фрунзе³.

Второй период - восстановление флота (1922 - 1926 гг.). Общемировая тенденция исключения из списков флотов морально устаревших кораблей додредноутского типа сказалась и в советском ВМФ. В 1922 - 1925 гг. все русские линкоры-додредноуты и броненосные крейсера были разобраны⁴. В этот же период восстановлены линкоры "Марат", "Октябрьская революция" и "Парижская коммуна"⁵, но с потерей в 1922 г. руководством флота независимости они так и остались единственными советскими линкорами.

Во время третьего периода - модернизации флота (1926 - 1938 гг.) - была осуществлена модернизация этих кораблей, сравнительно мало приблизившая

их к тактико-техническим требованиям времени⁶. Разрабатывались также проекты перестройки недостроенного линейного крейсера "Измаил" и линкора "Фрунзе", но от них по ряду причин отказались⁷.

В четвертый - военный - период (1939 - 1945 гг.) выявилось все несоответствие этих кораблей условиям боевых действий; из-за этого же 23 сентября 1941 г. был фактически потерян линкор "Марат"⁸.

В пятый период (1945 - 1956 гг.) общемировая тенденция научно-технической революции в ВМФ, смена политической конъюнктуры в стране и полное физическое устаревание привели к исключению последних линкоров из состава ВМФ СССР⁹.

В целом использование линкоров, линейных крейсеров и броненосных крейсеров (постройки до 1917 г.) было характерно для флотов многих, в том числе крупнейших, государств. Однако в СССР при отсутствии военной доктрины и планов использования данных кораблей они не сыграли важной роли для преобладания на театрах военных действий и являлись предметом постоянных тревог и забот руководства флота, а невведение в строй даже наиболее совершенных кораблей основных классов, строившихся до октября 1917 г., несомненно, обусловило слабость советского ВМФ. Главными причинами исключения из состава ВМФ большинства кораблей основных классов дореволюционной постройки являлись невнимание руководства страны к роли ВМФ в защите и политическом влиянии страны, господство других приоритетов в военной политике, а также тяжелое экономическое положение Советского государства.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-891. Оп. 5. Д. 10311, 10315.

² Березовский Н. Центральные органы Красного Флота в период становления // Морской сборник. 1989. N 2. С. 17.

³ Фрунзе М.В. О молодежи. М., 1937. С. 62.

⁴ Шершов А.П. История военного кораблестроения. СПб., 1994. С. 345.

⁵ Там же. С. 344.

⁶ Ашик В.В. Модернизация линкоров типа "Севастополь" // Судостроение. 1982. N 4. С. 59.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-891. Оп. 3. Д. 256, 263.

⁸ Платонов А.В. Линкор "Марат": неизвестное об известном // Гангут. N 6. СПб., 1993. С. 95.

⁹ Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". Л., 1986. С. 246.

Ярославский Народный фронт: начало становления и деятельности

История Ярославского Народного фронта, датой рождения которого можно считать 8 июня 1988 г., к сожалению, начинает постепенно забываться. Между тем именно это широкое общественно-политическое движение, став первым рупором идеи гражданского общества в Ярославской области, прокладывало дорогу новым экономическим и политическим отношениям. Поэтому оно заслуживает внимательного изучения, а накопленный опыт - осмысления.

Именно 8 июня 1988 г. в спокойную жизнь областного центра ворвался ветер перемен, который заставил тысячи людей отложить их повседневные дела. Неудобно почувствовали себя в насиженных креслах партийные преемники бывшего первого секретаря обкома КПСС Ф.И. Лощенкова, "сидевшего на области" четверть века.

Отголоски того события разнеслись далеко за пределы Ярославской области, докатились до столицы и зарубежья. Для многих московских и иностранных журналистов Ярославль превратился, как писал журнал "Огонек", в "барометр политической погоды в российской глубинке"¹. А корреспондент американской газеты "Вашингтон пост" Майкл Добс, посвятивший описанию политической жизни Ярославля не одну статью, так выразил свое отношение к происходившим здесь событиям: "Я приезжаю в Ярославль, так как пульс России здесь наиболее ощутим"².

Можно сказать, что летом 1988 г. Ярославль, оказавшись колыбелью первого в России широкого гражданского движения содействия перестройке - Народного фронта, перестал быть заурядной "глубинкой", рядовой провинцией великой державы.

В 1988 г. вся страна жила ожиданием XIX Всесоюзной партийной конференции. Демократически настроенные люди - как члены партии, так и беспартийные - возлагали на нее большие надежды, так как подобной конференции не проводилось в СССР с февраля 1941 г. Но было серьезное опасение, что засилье "партократов" не позволит принять прогрессивные документы, проекты которых широко обсуждались. Поэтому публикация в главном органе ЦК КПСС газете "Правда" письма ярославского библиотекаря, коммуниста А. Малыгиной "Люди возмущены", в котором выражалось несогласие с недемократическим характером выдвижения Ф.И. Лощенкова делегатом партконференции, а сам он, его стиль руководства подвергались критике, послужила своего рода детонатором, вызвала широкий общественный резонанс³.

В обком стали звонить, писать возмущенные люди, первичные партийные организации направляли свои решения о несогласии с действиями областного партийного аппарата. Но все бесполезно: поднявшийся в области шум умирал в коридорах партийного дворца. Обком молчал, руководствуясь старым "сталинским" принципом: дашь ответ - появится проблема, нет ответа - нет и проблемы. Видимо, обитатели обкома рассчитывали, что обострения ситуации не произой-

дет, все утихнет как-нибудь само собой. Возможно, так бы и случилось, если бы планы партийного руководства не были нарушены новой и неожиданной формой открытого гражданского неповиновения - митингом жителей Ярославля.

Первому митингу была присуща организованность и дисциплина, антибюрократическая направленность и логическая завершенность. В отличие от традиционных для коммунистической эпохи собраний, страдавших заорганизованностью и казенной скукой, митинг 8 июня напоминал февральские демонстрации 1917 г. Как и тогда, люди открыто и смело выражали свои взгляды, их речи звучали ярко, эмоционально, а атмосфера митинга скорее напоминала праздник, чем политическую агитацию. Большинство выступлений были наполнены высоким гражданским пафосом, ощущением одержанной над своими страхами победы, надеждой обустроить жизнь на справедливых началах. Но тогда уже проявилось заблуждение, характерное, наверное, для всех периодов коренных исторических переломов, наивная вера в то, что зло заключено не в устаревшем политическом режиме, а лишь в его наиболее одиозных представителях и стоит это зло устранить, как наступит всеобщее благоденствие.

Большинство выступавших подвергали критике лишь местные партийные органы, не замахиваясь на ЦК КПСС и всю административно-командную систему в целом. В их сознании еще не был преодолен барьер коммунистической ментальности, поэтому и выступления содержали обязательную для того времени дежурную социалистическую фразеологию.

И все же это был прекрасный, возвышенный момент, который крайне редко бывает в истории. Люди как будто вырвались на долгожданную свободу, порвав с проклятым прошлым. Будущее казалось им лучезарным и безоблачным.

Организаторы первого митинга историк Е. Ковалев, инженеры И. Королева, В. Каверников, Г. Мельников, студенты ярославских вузов бросили вызов казавшейся несокрушимой тоталитарной системе и одержали первую, пожалуй, самую важную победу. Но они вовсе не были революционерами в обычном понимании этого слова. Оставаясь сторонниками социалистического развития страны, они хотели устранить только самые очевидные и отталкивающие пороки бюрократической командно-административной системы.

Митинг в Ярославле, положивший начало созданию Народного фронта, позволил людям ощутить себя составной частью большого и важного дела, а поддержка его инициаторов расценивалась как исполнение общественного долга. Они были первыми, кто пошел путем решительных действий. Потом было много митингов на стадионе шинного завода, собиравших тысячи участников; сотни публикаций в советской и зарубежной прессе; была мощная избирательная кампания, ставшая для Народного фронта и триумфом, и трагедией одновременно; было реально сложившееся в Ярославле идейное и политическое "двоевластие" ... Но все это было уже потом, после 8 июня 1988 г.

Просуществовав сравнительно короткое время, Народный фронт Ярославля показал, что люди, объединенные вокруг одной цели, являются большой силой. Поэтому-то это общественно-политическое движение и оставило глубокий след в новейшей истории нашего города и России в целом.

Примечания

¹ Никитин П. Ярославский барометр // Огонек. 1990. N 26. С. 9.

² Там же.

³ Малыгина А. Люди возмущены // Правда. 1988. 2 июня.

О.В. Лайтман

Верховенство закона как принцип правового государства

Для создания правового государства необходим ряд условий, в том числе предпосылок конституционного свойства. Государство должно ограничивать себя Конституцией и иными нормативными актами. Это означает также и верховенство закона, обеспечивающее подчиненность ему, и соответственно непротиворечивость всех остальных правовых актов, и отлаженный механизм законотворчества. В отношении последнего наше государство по-прежнему испытывает значительные трудности. Процесс выработки законопроектов, их обсуждения и принятия окончательного текста по своему характеру еще не стал демократическим и свободным от политических пристрастий. К тому же долгое время к законотворчеству относились крайне пренебрежительно. Принятые законы были и остаются весьма нестабильными, несовершенными, имеют многочисленные пробелы, что создает целый ряд трудностей при их применении и требует многочисленных изменений и дополнений.

Весьма болезненно сказывается на жизнедеятельности общества запаздывание с принятием соответствующих законов. До сих пор не принят ряд федеральных конституционных законов, предусмотренных Конституцией РФ, хотя уже прошло более трех лет со дня ее принятия. К числу таких законов могут быть отнесены: закон об изменении конституционно-правового статуса субъекта РФ, налоговый кодекс РФ и другие. Все это не способствует формированию авторитета закона, без которого его верховенство и господство остаются благими пожеланиями, а государство - далеким от правового даже теоретически. Верховенство закона означает приоритетную роль Конституции и федеральных законов, принимаемых от имени народа и выражающих его суверенную волю, над всем массивом действующих в стране нормативных актов. В правовом государстве закон, принятый верховным органом власти при строгом соблюдении всех конституционных процедур, не может быть отменен, изменен или приостановлен актами исполнительной власти. Закон принимается депутатами, которые являются представителями всего народа и выражают соответственно общественные интересы в отличие от инструкций и приказов, принимаемых министерствами и ведомствами в своих узкоотраслевых или даже корпоративных интересах. При расхождении ведомственных распоряжений с законом должен действовать закон.

Основной закон правового государства - Конституция. В ней сформулированы правовые принципы государственной и общественной жизни. Конституция представляет собой общую правовую модель общества, которой должно соответствовать все текущее законодательство. Никакой другой правовой акт государства не может противоречить Конституции. Приоритет Конституции - неотъемлемая черта правового государства.

Все подзаконные акты, включая ведомственные распоряжения, приказы, инструкции, подлежат конституционному контролю. А это значит, что они могут быть опротестованы, обжалованы и после соответствующей судебной процедуры подтверждены или, напротив, аннулированы по мотивам нарушения законности. Следует, однако, отметить, что данный принцип в нашей стране нередко нарушается. Это имеет место в тех случаях, когда отдельные федеральные органы и должностные лица выходят за рамки своей творческой компетентности. В качестве примера можно привести Указ Президента РФ N 337 от 07.03.1995 г. "О реализации конституционных прав граждан на землю". Президент не вправе был принимать данный указ, так как в соответствии с ч. 3 ст. 36 Конституции РФ - это компетенция Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Верховенство закона, и прежде всего Конституции, создает прочный режим правовой законности, стабильность справедливого правового порядка в обществе.

Я.В. Трофимова

Изменение управления предприятием при переходе к рынку

Использование приватизации предприятий как средства реконструкции народного хозяйства и выхода из сложного экономического состояния страны заслуживает особого изучения. Спад производства и застой в экономике невозможно было остановить без существенной перестройки хозяйства, предпосылки для которой и создает приватизация. Появились первые результаты приватизации - акционерные общества, созданные на базе государственных предприятий. Эффективность проведенной приватизации возможно оценить через анализ финансового состояния предприятия. Исследовательская литература, посвященная проблемам функционирования акционерных обществ, имеет дискуссионный характер, конкретные вопросы анализа финансовой деятельности АО, перестройки и организации системы его управления в условиях рынка находятся в стадии разработки.

В послеприватизационный период судьбы акционированных госпредприятий складываются по-разному, хотя общий фон их существования одинаков (инфляция, нарушенные хозяйственные связи, новая конъюнктура рынка и т.п.). Одни из них продолжают придерживаться традиционных консервативных форм управления, другие пытаются найти механизм "вживания" в рынок и усиленно

его разрабатывают. Материалы ярославских предприятий, возникших в годы первых пятилеток и имеющих примерно равные стартовые условия на момент приватизации, свидетельствуют об этом. АО "Ярполимермаш" в новом качестве акционерного общества открытого типа зарегистрировано 3 ноября 1992 г., АО "Фритекс" - 20 ноября 1992 г. Преобразование собственности из государственной в частную происходило в 1993 г., когда работники завода становились акционерами-собственниками имущества предприятия, представленного в акциях.

1993 год сформировал исходные условия со стороны собственности для преобразования организационно-управленческих отношений, хозяйственных отношений на тождественной основе - акционерной собственности. Конечно, наличие базовых условий не означает автоматического изменения в организации, управлении, хозяйствовании, отношении работников-акционеров к труду, необходима длительная кропотливая работа как управленцев, так и каждого акционера по ломке устоявшихся убеждений, взглядов. В том и другом случае акционирование проводилось по второму варианту льгот при приватизации, т.е. в интересах большинства членов трудового коллектива. К 1995 г. очевидна тенденция потери акций трудовыми коллективами АО.

За 1993-1995 гг. в АО сформировались органы управления, утверждены общими собраниями акционеров новые редакции Уставов, Положения, регулирующие внутреннюю жизнь АО, т.е. созданы нормативные условия, приводящие в соответствие две группы отношений: собственности и организационно-хозяйственных. В АО "Фритекс" уже в 1993 г. приступили к реорганизации структуры управления, начиная с технических подразделений и коммерческой службы. В технической политике администрация концентрировала внимание на вопросах реконструкции, технического перевооружения, замены оборудования. Учитывая жесткую конкурентную борьбу на рынках сбыта, ограниченный платежеспособный спрос на традиционные виды продукции, усилия были направлены на освоение новых видов продукции и технологий. Основное внимание в 1993 г. уделялось сфере реализации продукции. С этой целью реорганизуется, упорядочивается сбытовая служба, идет специализация ее работников по конкретным локальным рынкам. Первостепенное внимание уделялось организации, правовому оформлению, защите экономических интересов завода при участии в других предприятиях, создаваемых в разных регионах страны. Формировалась собственная торговая сеть в формах товариществ, закрытых АО, филиалов, представительств и привлечения частных дилеров. Осуществлялась переориентация сбыта с конвейеров на ремонтную базу страны и обслуживание индивидуальных потребителей. На заводе разрабатывается безасбестовая технология, позволяющая организовать производство новых высококачественных изделий с целью удовлетворения спроса крупнейших потребителей (моторных и автомобильных заводов), обеспечить выпуск конкурентоспособной на мировом рынке и экологически чистой продукции. Ограниченные финансовые возможности предприятия вынуждают проводить политику быстрого маневрирования: при небольшом объеме капиталовложений добиваться быстрой отдачи, закупать небольшие партии оборудования, осваивать новую продукцию в рамках групповой номенклатуры и постепенно менять технологию. Благодаря такой политике предприятие сохранило устойчивое положение на рынках сбыта. В 1994 г. оно

имело самую высокую выработку товарной продукции на одного работающего среди других родственных предприятий.

В механизме деятельности предприятия отрабатывается связь "финансы - производство", когда принятие решений в производстве, сбыте и снабжении подчинено требованиям нормализации финансового состояния предприятия. Резко увеличилась реализация по предоплате, сократились поставки взаимозачетом, практически исчез бартер. На предприятии создана служба маркетинга, уделяется внимание рекламе продукции, изучаются потребности рынка, разрабатывается бизнес-план для получения инвестиций, отвечающий международным стандартам, ведутся деловые переговоры с западными фирмами о приобретении оборудования, технологий. Таким образом, АО "Фритекс" изменяет систему управления, приспосабливает его к непрерывно меняющимся внешним условиям, что способствует выживанию завода в послеприватизационный период и переходу на активные позиции рыночного товаропроизводителя.

В период перехода к рынку эффективность хозяйственной деятельности напрямую зависит от качества работы управленческого аппарата, гибкости и маневренности его политики (сбытовой, технологической, социальной, финансовой и т.д.). Консервативность, малоподвижность в системе управления, медленное "вползание" предприятия в рынок может привести к банкротству.

Анализ финансового состояния АО "Ярполимермаш" с момента его акционирования по начало 1995 г. свидетельствует о неустойчивом финансовом положении. В 1994 г. по сравнению с 1993 г. ухудшился уровень платежеспособности, рассматриваемый как обобщающий показатель комплексной оценки финансового состояния с 0,37 до 0,33 при нормативе 1. Уровень финансовой устойчивости упал в три раза: с 0,7 до 0,2. Коэффициент восстановления (утраты платежеспособности - 0,46) свидетельствует об отсутствии у предприятия внутренних возможностей без вмешательства со стороны нормализовать ликвидность. Критерии оценки платежеспособности, установленные нормативными документами, показывают, что предприятие находится на грани банкротства. Это подтверждают и остальные показатели: падение оборачиваемости материальных оборотных средств, снижение текущей, хозрасчетной и общей рентабельности. Негативные тенденции преобладают и в структуре имущества АО "Ярполимермаш". Если внешние факторы, влияющие на создавшуюся ситуацию, аналогичны и для АО "Фритекс", то внутренние связаны с продолжением выпуска дорогостоящего, сложного, несерийного, универсального оборудования. В условиях экономического спада и инфляции не осуществляются капитальные вложения, связанные с обновлением и направленностью производства на рынок, а выпускаемое оборудование пользуется ограниченным спросом. В результате большой длительности производственного цикла изготовления продукции (4-6 месяцев) ранее заказанное оборудование может остаться невостребованным и неоплаченным заказчиком. Утрачено монопольное положение на рынке сбыта.

Можно определить ряд мер стабилизационного характера для данного предприятия, включая изменение системы управления. Например, использовать авансовые платежи, особо оговаривать в договорах возможность роста цены на

продукцию в зависимости от сроков и формы оплаты, уменьшать остатки готовой продукции на складе путем продажи в кредит или на условиях долгосрочной аренды с последующим выкупом производственного оборудования. Важную роль сыграет создание отдела маркетинга для поиска и новой продукции, и новых рынков сбыта, в том числе зарубежных, организация постоянно действующей рекламы и предложение заказчикам дополнительных услуг, повышение требований к профессиональным качествам управленческих кадров, мобильное налаживание связей с деловыми партнерами, привлечение инвестиций со стороны. Эти меры стабилизации, составной частью которых является продуманное изменение системы управления, а также щадящая экономическая, финансовая, налоговая, кредитная политика государства помогут такого рода предприятиям избежать банкротства и занять достойное место в формирующемся рыночном хозяйстве России.

А.В. Тутариков

Народное образование Ярославской области в 1990 - 1994 гг.

Очевидно, что в современных условиях развитие народного образования определяется не столько положением дел внутри отрасли, сколько вокруг него. Существенным элементом экономики образования является система финансирования учреждений.

Политика в области экономики образования, и финансирования в частности, досталась России в наследство от СССР, когда социальная политика долгое время понималась как вторичная по отношению к экономической. Результатом этого явилось:

- острая нехватка финансовых средств,
- недостаточная эффективность системы подготовки кадров,
- спонтанность и неконтролируемость ряда процессов.

Начиная с 70-х гг. доля расходов на образование в расходах государственного бюджета СССР неуклонно снижалась: 1970 г. - 12,8, 1986 г. - 9,6%¹. К концу 80-х гг. эта цифра опустилась до 7,4 - 7,6%². Ежегодный прирост расходов не компенсировал даже фактических потерь от инфляционных процессов. К началу 1995 г. ситуация изменилась, причем в худшую сторону. В 1994 г. на нужды народного образования выделено 3,7% расходов федерального бюджета, 1995 г. (по плану) - 3,6%³. При этом следует учитывать, что расходы и в лучшие периоды не покрывали более 70-75% реально необходимой потребности.

Рассматривая финансирование образования в Российской Федерации, не стоит считать главной причиной кризисных явлений государственную систему образования. Государственный сектор преобладает не только в нашей стране. Во многих странах объемы финансирования учебных заведений из государственных источников превышают объемы финансирования из всех других. Так, в США из государственных источников финансируется около 90% расходов на

школьное образование, в государственных школах учатся около 90% школьников. В Великобритании частные школы посещают лишь 7% учащихся. В дошкольном, начальном и среднем образовании Франции государственный сектор охватывает около 80% учащихся⁴.

Распределение расходов на образование из государственных источников выглядит следующим образом:

- федеральный бюджет;
- бюджеты территорий;
- местные бюджеты.

Традиционно регионы финансируют детские дошкольные учреждения, общеобразовательные школы, частично ССУЗы и ПТУ, которые находятся на их балансе. Финансирование учреждений высшей школы осуществляется ведомствами, которым они принадлежат, т.е. из федерального бюджета. Основная тяжесть ложится на бюджеты территорий, поэтому остановимся на бюджете территорий, в частности Ярославской области.

Средства, направляемые на финансирование народного образования, выступают одной из наиболее социально значимых статей расходной части бюджета. Доля расходов на образование в бюджете Ярославской области в 1990 - 1994 гг. поддерживалась на сравнительно высоком уровне. Если сравнить показатели по годам, то можно сделать вывод, что расходы на образование в Ярославской области находились примерно на одном уровне и даже превышали показатели других территорий: 1992 г. - 13,7, 1993 г. - 17,3, 1.10.1994 г. - 17,2%⁵.

В то же время необходимо учитывать современные условия, в которых развивается народное образование как в Российской Федерации в целом, так и в Ярославской области в частности. Ежегодный прирост объемов бюджетных финансирования (и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении) не компенсирует потерь от инфляционных процессов. Средства, направляемые на финансирование народного образования, все в большей степени расходуются лишь на оплату труда работников, социальное страхование и расходы на питание. Приведем некоторые статистические данные, характеризующие состояние народного образования в области. Из всех средств можно выделить несколько основных направлений, на которые приходится большая часть расходов:

1. *Заработная плата*. На протяжении 1992-1994 гг. расходы на заработную плату достигают почти трети всех расходов, а в некоторых группах - еще больше:

1992 г. - 32,7 (в школах - 42,5); 1993 г. - 30,3; 1.10.1994 г. - 33,6%⁶.

Но даже такая доля расходов не улучшает ситуацию: заработная плата в народном образовании стабильно является одной из самых низких в нематериальной сфере и народном хозяйстве вообще (хуже только в сфере культуры и искусства), а отставание от средней по народному хозяйству хотя и сократилось за последние два года, тем не менее остается значительным: 1985 г. - 23, 1990 г. - 32, 1992 г. - 40, 1993 г. - 30, 6 мес. 1994 г. - 22%⁷.

2. *Расходы на питание* являются значительной частью расходов, причем большая их часть (в 1993 г. - 90%) направляются на компенсацию расходов на удорожание стоимости питания.

Итак, значительная часть расходов бюджета на народное образование тратится на заработную плату и компенсацию питания, т.е. напрямую не участвует в каком-либо развитии школ. В результате страдают другие категории расходов.

3. Доля расходов на *приобретение инвентаря и оборудования* из года в год сокращается (1992 г. - 5,3, 1993 г. - 4, 1.10.1994 г. - 3,1%). Такое снижение ухудшает и без того неблагоприятную ситуацию с оснащением отрасли.

4. Один из самых сложных вопросов - *финансирование капитального строительства и капитального ремонта*.

1) по данным Госкомстата Российской Федерации, в Ярославской области техническое оснащение зданий дневных общеобразовательных школ находится на *крайне низком уровне*. На начало 1991/92 учебного года 36% зданий требовали капитального ремонта (в Центральном районе хуже только в Московской и Ивановской обл.); а 8,6% зданий вообще находилось в аварийном состоянии (вторые снизу)⁸.

2) всего за период 1990-1992 гг. темпы ввода в действие общеобразовательных учреждений сократилось *более чем на 70%*. Безусловно, темпы снижения капитального строительства учреждений образования высоки по всей России, но показатели Ярославской области хуже (Российская Федерация - 59, Центральный район - 38, Ярославская область - 70%). В то же время в 1993 г. в сравнении с 1992 г. *увеличилось* число введенных в действие новых ученических мест (*на 63%*) и размер капитальных вложений (*на 19%*), что позволило выйти по этому показателю в сравнении с 1992 г. на пятое место в Российской Федерации (а в 1990 г. - это было *40-е место*)⁹.

Итак, в связи с недостатком школьных помещений в Ярославской области наблюдается устойчивая тенденция к росту сменности занятий. На начало 1993/94 учебного года в две и три смены работало **29%** от общего числа школ, а доля школьников составила **23,6%**, причем показатели ухудшились в сравнении с предыдущими годами.

Таким образом, бюджет Ярославской области, являясь основным источником финансирования социальной сферы, в целом соответствует минимально необходимому уровню расходов. Тем не менее в условиях запущенности дел и слабой материально-технической базы этих средств явно недостаточно.

Примечания

¹ Типенко Н., Лившиц В. Концепция реформирования экономики системы образования. М., 1994. С. 9.

² Ерошин В.Е. Экономика образования: проблемы реальные и мнимые // Педагогика. 1992. N 3-4. С. 4.

³ Российская Федерация. Федеральный закон "О федеральном бюджете на 1994 год". М., 1994. С. 11; "О Федеральном бюджете на 1995 год". М., 1995. С. 1, 16.

⁴ Государство и образование: Опыт стран Запада. М., 1992. С. 6.

⁵ Отчеты об исполнении бюджетов Ярославской области за 1992, 1993, на 1.10.1994 гг.; База данных Аналитического центра при губернаторе Ярославской области.

⁶ Там же.

⁷ Госкомстат России. Образование в Российской Федерации в 1992 г. М., 1992. С. 8; Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Основные показатели

социально-экономического развития и хода экономической реформы в Российской Федерации за первое полугодие 1994 г. М., 1994. С. 54.

⁸ Госкомстат России. Образование в Российской Федерации... С. 287.

⁹ Ярославское областное управление статистики. Народное хозяйство Ярославской области в 1993 г. Стат. сб. Ярославль, 1994. С. 68; Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Социальное положение регионов Российской Федерации. М., 1994. С. 439.

П.В. Спорыхина

О возможностях применения когортного анализа в региональных демографических исследованиях

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает вопрос демографического поведения населения различных европейских регионов. Принципиально новым моментом стала методика исследования, предложенная голландскими специалистами. Суть методики изложена в научной программе проекта "Интегральная история на локальном уровне". Характеристике проекта посвящена статья, подготовленная группой ученых во главе с профессором П. Кооєм¹, который руководит работой в русле проекта в университете города Гронингена. Хронологические рамки исследования охватывают XIX - начало XX в. - время, когда происходили серьезные изменения практически во всех сферах общественной жизни. Объектом изучения в Голландии стала территория глинистых зон Гронингена на северо-востоке Нидерландов и Северного Брабанта на юге страны. Обе провинции имеют существенные климатические, географические, политические, социально-экономические и культурные отличия, что обусловило еще больший интерес к анализу и сравнению полученных данных по ряду показателей. Научная программа проекта включает 4 основных пункта:

1. Когортный анализ.
2. Изучение финансовых источников.
3. Анализ муниципальных отчетов.
4. Изучение региональной периодики.

Когортой, как известно, принято называть группу индивидов, объединенных по тому признаку, что они переживают те же самые события и процессы в те же самые периоды времени. По предложению голландских ученых формируются когорты по 120 человек, родившихся в 1810 г. и далее через каждые 20 лет на одной территории (например в селе или деревне). С помощью сведений, полученных из церковно-приходских и массовых статистических источников, члены когорты прослеживаются через всю их жизнь до момента смерти или до окончания пребывания на исследуемой территории. Результаты когортного анализа, обработанные с помощью компьютерной системы "REFLEX-2,0", дают реальную возможность проследить демографическую и социальную мобильность населения, характер внешних и внутренних миграций и т.д.

В 1993 г. в рамках проекта началась совместная работа российских и голландских ученых. Со стороны нидерландских коллег в проекте принимают участие специалисты из университетов Гронингена и Утрехта, а с российской стороны - творческие группы Ярославского государственного и Тамбовского государственного педагогического университетов.

В 1994 г. прошла совместная конференция, на которой были представлены первые итоги работы. Для Ярославской губернии анализ материалов выполнен по селам Великое Ярославского уезда, Вятское Даниловского уезда и приходу села Ильинское Пошехонского уезда. В настоящее время материалы конференции готовятся к изданию на английском языке в Гронингене, а часть тезисов, подготовленных студентами ЯрГУ, опубликованы в университетском сборнике "Путь в науку" за 1995 г.²

Не вызывает сомнения тот факт, что специфика социально-экономического положения населенного пункта влияет на демографическое поведение проживающих в нем людей. Именно поэтому дальнейший этап работы предполагает расширение территориальных рамок исследования и выявление источников для формирования когорт по другим поселениям. Целью нашего исследования является подготовка данных для проведения когортного анализа по материалам прихода погоста Архангельского-на-Касте Даниловского уезда Ярославской губернии. В приход входило 28 деревень с общей численностью населения 1 768 человек на 1859 г.³ На территории прихода не было никаких фабрик или обрабатывающих предприятий, а ближайшая железнодорожная станция находилась в Романово-Борисоглебском уезде⁴. Однако статистики-современники отмечали существование ряда кустарных промыслов в приходе: производство телег и тарантасов, саней, дровней, угольное дело, обработка шерсти (вязание варежек и катание валенок). Значительная часть населения уходила на заработки, преимущественно в Санкт-Петербург, Ярославль и Данилов⁵.

Информация, необходимая для формирования когорт, извлечена из дел, отложившихся в разных фондах ГАЯО (N 230, 937, 642, 1118). Говоря о сохранности источников, отметим, что к работе привлекались метрические книги прихода за период с 1810 по 1917 гг., отметим наличие отдельных лакун - не найдены метрические книги за 18 лет (номера дел за пропущенные годы отсутствуют в описях). Часть пропусков может быть восполнена за счет данных исповедных росписей. Тем не менее сведения о 14 годах на данный момент не найдены. В настоящее время завершена предварительная работа с источниками, которая позволяет начать формирование базы данных для последующего исследования.

Говоря о возможности использования нового метода, отметим, что он имеет специфику, состоящую в следующем: во-первых, для проведения когортного анализа необходимо привлечение возможно большего объема первичных источников. Во-вторых, тот факт, что формирование базы данных предполагает включение сведений о жизни конкретных людей, обуславливает высокую точность результатов. Вместе с тем ограниченность состава когорты снижает полноту и точность выводов.

Примечания

¹ Haer D. van der, Kooij P., Mennens A., Voerman J. Demographic behaviour in a regional setting. Some results the Integral History Project. Conference "European cities and their people". Amsterdam, 1991. Sept.

² См.: Путь в науку. Ярославль, 1995.

³ См.: Список населенных мест по сведениям 1859 г. Ярославская губерния. Даниловский уезд. Спб., 1865.

⁴ См.: Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1914.

⁵ См.: Список селений с кустарями (по уездам). Ярославль, 1859.

В.Н. Кузнецов

Смысл истории как историософская категория и проблема

Не будет преувеличением утверждать, что философская разработка проблемы смысла истории равноценна построению философии истории как отрасли знания в ее определенной мировоззренческой интерпретации. В этой связи известный историк философии Э.Л. Радлов справедливо отметил: "К области философии истории относится один вопрос, но и этого одного вполне для нее достаточно - это вопрос о смысле жизни и смысле исторических событий; от решения этого вопроса зависят и все остальные, относящиеся к философии истории..."¹.

Любая проблема формально выражена понятием, а оно нуждается в предварительном определении, расшифровке. Несмотря на убеждение в значимости проблемы смысла истории и широкое современное обсуждение ее как в западной, так и в отечественной философии, до сих пор не предпринято сколь-нибудь серьезных попыток определить само понятие. Например, К.Р. Поппер вообще отказывается раскрывать это понятие, поскольку, как он считает, "большинство людей достаточно ясно понимает, что они имеют в виду, когда говорят о смысле истории или о смысле и цели жизни"². К. Ясперс оперирует категорией "смысл истории", используя ее наряду с понятиями "цели" и "значения", выделяя так называемый "скрытый смысл" в виде четырех целей, к которым стремится человечество³.

Ясность относительно определения категории, ее объема и содержания отсутствует и в советской философской литературе. В ней смысл истории считается проблемой буржуазной (западной) философии и поэтому псевдопроблемой, которую бессмысленно определять формально-логическим путем. Такое положение дел обернулось неадекватным пониманием проблемы и в исторической науке. Так, известный историк в своей методологической работе отождествляет смысл истории с общественной закономерностью, о чем с критической иронией пишет И.А. Гобозов⁴.

Смысл истории - понятие метафизическое по своему образованию и применению. Формально объединяя в себе две разноплановые категории, это поня-

тие лежит на стыке логического и исторического и пытается соединить их воедино. Этот неразрывный синтез может показаться, на первый взгляд, противоречивым, поскольку логика тяготеет к рационалистическому единству, а история как *процесс* распадается на отдельные периоды и эпохи, а как *наука* предпочитает причинное объяснение сверхопытным подходам метафизики. Очевидно, что на первое в словосочетании слово "смысл" делается акцент, исключающий распространение на него изменчивых предикатов историзма. Напротив, оно само переносит влияние духа рациональности на "историю", ставя ее под власть логоса.

Вышеизложенное касается формально-логической структуры понятия "смысл истории", где "история" осознанно возведена мною в противоположность "смыслу" по аналогии с дилеммами: эмпирическое - теоретическое, историческое - логическое. Но за внешней эмпирией и текучестью истории скрывается совершенно иное ее содержание, ибо, как отмечал Гегель, "всемирная история совершается в духовной сфере"⁵. И эта сфера является тем атрибутом, который конституирует внутреннюю имманентную метафизичность истории, присущую ей ноуменальную сущность. Эта последняя онтологична по своему содержанию, и для ее познания необходимо отвлечься от внешней эмпирической причинности и заглянуть вовнутрь механизма истории.

Ноуменально история имеет две стороны: трансцендентную и имманентную. Содержание первой можно в целом свести к тому, что исторический процесс находится в тесной взаимной связи с космическим и является его начальной фазой. Поэтому смысл истории зависит от высшего космического смысла и может быть осознан лишь в ходе трансформации исторического процесса в метаисторический. Имманентная сторона состоит в том, что творят и "населяют" историю люди. Поэтому смысл жизни каждой отдельной личности тесно взаимосвязан со смыслом истории и зависит от него.

В различные эпохи в философско-исторических системах многими известными авторами принималась во внимание лишь одна из рассмотренных сторон смыслотеоретического отношения к истории. На мой взгляд, согласованное их рассмотрение в функциональной, диалектической связи послужит, возможно, ключом к пониманию смысла истории - не только в понятийном, но и в проблемном аспекте.

Примечания

¹ Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л. и др. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 190-191.

² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 311.

³ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 262-263.

⁴ См.: Гобозов И.А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 126.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 70.

Жречество в раннем зороастризме

Вопрос об исполнителях зороастрийских культов, особенно на раннем этапе существования этой религии, является дискуссионным. В основном он сводится к тому, можно ли считать магов последователями Зороастра. Различия в точках зрения исследователей коренятся в противоречивых показаниях источников.

Авеста однозначно называет жрецов "атраванами". Античные авторы, в том числе Геродот и Страбон, единодушно сообщают, что маги были учениками и последователями Заратуштры и во время жертвоприношений пели гимны, которые ряд исследователей отождествляют с Гатами¹. М.А. Дандамаев придерживается объяснения Дармстера: "Маги - название племени, но не все представители этого племени были жрецами. Те маги, которые являлись жрецами, назывались атраванами"². Отсюда следует, что маги - понятие этническое, а атраваны - термин для обозначения жрецов. В другой работе М.А. Дандамаев отмечает, что в своей массе маги, возможно, были мидийцами, но среди них было и немало персов³. И. Гершевич предполагает, что в Мидии существовал особый социальный класс (термин "Magu"), который превратился в жреческую касту⁴. С другой стороны, он не исключает возможности, что маги являлись лишь одной из жреческих групп⁵. И.М. Дьяконов, следуя греческим авторам, рассматривает магов в качестве племени, в подтверждение чему приводит аргумент, что в Бехистунской надписи термин маг (в отношении Гауматы) - это понятие этническое⁶. При этом И.М. Дьяконов высказывает следующее мнение: "Хотя позиция персидских царей была близка к зороастризму, однако с религией Заратуштры не совпадала. Но она не совпадала и с учением магов, столь близким к позднему зороастризму... это позволяет считать именно магов представителями учения Зороастра"⁷.

В настоящее время большинство исследователей не склонно считать магов изначально зороастрийцами⁸. Известно, что, начиная по крайней мере со времен Дария I, маги были официальными жрецами Ахеменидских царей. Поэтому у исследователей возникает гипотеза о том, что племя магов, постепенно сконцентрировав в своих руках отправление зороастрийского культа, трансформировалось в сословие жрецов-магов.

Согласно М.А. Дандамаеву, материал персепольских текстов позволяет предполагать, что в конце VI в. до н.э. маги были жрецами зороастрийского культа независимо от того, стали ли они зороастрийцами сразу же после появления нового учения или же лишь позднее приняли его⁹. Противоположная позиция характерна для С.А. Токарева, который считает неверным отождествление магов с атраванами¹⁰. Пожалуй, наибольшее внимание этой дискуссионной проблеме уделил И. Гершевич. В своей работе "Личный вклад Зороастра" автор определяет отношение к этому вопросу однозначно: "... ясно, что маги проповедовали дуалистическую доктрину, которая значительно отличалась от дуалистической доктрины Авесты"¹¹. По его мнению, маги изменили

свою позицию примерно во второй половине V в. до н.э. Наиболее вероятной причиной этого, согласно его выводам, следует считать принятие частью магов Зороастра в качестве своего Учителя (Пророка). Вполне вероятно, что в Западном Иране существовало то же разнообразие культов, что и на Восточно-Иранской родине Авесты. Дарий I, наследовавший трон, приказал совершить убийство магов, что, по мнению И. Гершевича, противоречит утверждению о магах как о жрецах религии, которую исповедовал Дарий I. Тот факт, что все они стали вновь жрецами и при Ахеменидах, исследователь объясняет тем, что им разрешили участвовать не только в зороастрийском почитании Ахура-Мазды, но и в службе по образцу политеистических божеств, чьими священниками они являлись несколько столетий. Маги, таким образом, согласно И. Гершевичу, были не представителями культа какой-то одной религии, а "техническими экспертами богослужений", профессиональными жрецами. Они могли вести службу, за которую хотелось платить заказчику, любому иранскому богу. Следовательно, говорить о существовании отдельной религии магов не приходится. И если это так, если зороастризм на этом этапе был лишь одной из религий культа, который знали маги, то становится понятным, почему греческие писатели не упоминали доктрины Зороастра¹². Что касается пункта, который больше всего импонировал в зороастризме религиозным представлениям магов, то это, по мнению И. Гершевича, осуждение дэвов, совпадавшее с их собственными понятиями. Подтверждение данной гипотезы И. Гершевич видит в том, что влияние магов проявилось в той политеистической тенденции, которая обнаруживается в надписях Ахеменидов после Дария I и Ксеркса. Вполне возможно, что маги, не до конца разобравшись в послании Зороастра, исказили его дуалистическое учение. Они пришли к выводу, что Злой Дух в зороастризме был изначально главой всех демонов, "дэвообразной" противоположностью Ахура-Мазды. К тому времени, когда маги приняли Зороастра как своего Учителя, а Гаты как ключ к пониманию учения, эти сложные поэмы не могли отвечать дуалистической формуле магов, которые стали официальными жрецами зороастризма в Персидской державе.

По-видимому, следует признать, что маги были уважаемыми и знатными людьми, пользовавшимися авторитетом как носители религиозных традиций, а впоследствии и жрецами зороастризма, хотя сложно понять, насколько они изменили это учение, прежде чем окончательно признали Заратуштру своим Учителем.

Суммируя, можно сказать, что точно неизвестно, как маги стали жрецами авестийской религии. Прежде, возможно, они составляли племя или кастусословие мидян и унаследовали арийские традиции в "обработке" Заратуштры. Возможно, в дальнейшем они слились с древнеперсидским жреческим сословием.

Жречество, ведавшее культом, несмотря на авестийское название "атраваны", очевидно, удержало и свое первоначальное или позднее название магов, как называли его греки; в позднейших периодах это наименование встречается также и в священной литературе в наименовании "мобед" (mogh).

Атраваны не составляли касты. Каждому предоставлялась свобода вступать в среду жречества. Но исполнение жреческих функций строжайше вос-

прешалось всякому, кроме жрецов. Атаваны, скорее всего, не были лишены мирского имущества. Кроме того, многие из религиозных наказаний искупались денежными взносами, которые поступали в пользу храма и жрецов. Однако вечной погони за жертвенными дарами, которая в столь неприкрытом виде обнаруживается в Ведах, нет в Авесте¹³. Жили жрецы тем, что получали от мирян за совершение церемоний. У них существовали свои специальные атрибуты и одеяния. Одежда жрецов состояла из сорочки ("садере"), пояса ("кусти") и наличника ("пенон", или "падом"). От ахеменидской эпохи дошло несколько изображений жрецов. На них они предстают в туниках, доходящих до колен, с длинными рукавами, в широких штанах и мантиях. Головным убором им служит напоминающая шлем шапка с кусками материи по бокам, которыми прикрывали рот. Об этом специфическом головном уборе упоминает и Геродот (I. 132). Скорее всего цвет одежд был белый. У жрецов имелись религиозные принадлежности, различные приспособления (металлические сосуды для огня, щипцы для размешивания горящих ветвей, чаши для приготовления хаомы и пр.), а также музыкальные инструменты.

Сложные обряды очищения должны были выполняться и самими жрецами, в связи с чем они получали специальную профессиональную подготовку.

Нельзя сказать, что жрецы были замкнутым сословием; браки между ними и мирянами допускались, мирянин мог сделаться жрецом. Но в религиозной жизни они занимали монопольное положение как знатоки ритуала и обрядов, хранители религиозной традиции.

Обряды в доахеменидскую эпоху могли совершаться в доме жреца или того человека, который просил об этом. Позже, при Ахеменидах, местом многочисленных обрядов становятся большие храмы. То, что маги были жрецами храмов огня, известно по археологическим данным.

Верховный жрец в храме огня - магупати (magh pati) - имел в своем подчинении служащих - священнослужителей. Возникает род церковной иерархии, появляются высшие и низшие священники. Главный религиозный авторитет принадлежал высшим жрецам - "дастурам". Они налагали эпитимии и преподавали учение. Средняя группа жрецов - "мобеды", низшая - "гербады". Всеми делами заведовал Совет из 6 дастуров и 12 мобедов - "анчиат". Священнослужители, назначенные для совершения богослужения и приношений душам умерших людей (чаще всего выдающихся - например Кира), представляли еще одну группу исполнителей культа зороастрийской религии.

Занятия жрецов состояли не только в отправлении храмовой службы, но также и в совершении домашних культов. Персидский ритуал был, видимо, не так обременителен и сложен, как индийский. В обязанности жреца входило раз в сутки прочесть всю Авесту, главным образом в продолжение ночи; жрецам полагалось знать Авесту наизусть.

Одним из основных занятий жрецов было исполнение хаомы, которую предписывалось готовить утром. Приготовление напитка описано в Авесте (Яшт, 10). Важным видом жреческой деятельности были жертвоприношения. Жертвой выступали животные, которых убивали обухом по голове. Упоминания о жертвенных животных имеются в Авесте, а Геродот пишет об этих ритуалах, что божеству при этом не оставляли мяса, так как ему было достаточно

души животного (1.137-140). Жертвоприношение совершалось и в виде приношений стихиям. Об этом свидетельствует Страбон в "Географии": "Жертвы они приносят преимущественно огню и воде. Жертвоприношения огню совершают так: прибавляют сухие, очищенные от коры поленья дров и сверху кладут жир; затем поливают оливковым маслом и поджигают снизу, причем не дуют на огонь, но раздувают опахалом" (XV.III). Страбон описал тонко подмеченную сущность обряда: к священному огню, по зороастрийским понятиям, можно приносить только чистые и сухие дрова.

Сословие жрецов было высокообразованным, многие его члены являлись искусными врачами. Жрецы "сопровождали персидскую армию в походах"¹⁴, исполняя при этом, кроме своих основных обязанностей, роль советников. Жрецы находились и при дворе царя, следя за священным огнем. Часто из их среды выходили чиновники и должностные лица.

Таким образом, в зороастрийской религии сложилась группа людей, отправляющих культ. Но жрецы авестийской религии не составляли замкнутой касты священнослужителей и были органичной частью поклонников зороастризма.

Примечания

¹ См.: Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 309.

² Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. С. 235-236.

³ См.: Дандамаев М.А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI-V вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1974. N 2. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ См.: Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М., 1956. С. 376-377.

⁷ Там же. С. 431.

⁸ См.: Дандамаев М.А. Новые данные... С. 27-28.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ См.: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 313.

¹¹ Gershevitch I. Zoroaster's own Contribution // Journal of the Near Eastern Studies. Chicago, 1964. N 23. P. 12-38.

¹² Ibid.

¹³ Шантепи-де-ля-Соссей Д.П. Иллюстрированная история религий. М., 1899. С. 131-133.

¹⁴ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. С. 258.

Г.Ю. Лукьянова

Проблема классического рабства в трудах М.С. Куторги

Классическое рабство - одна из центральных проблем истории античности, независимо от того, считают ли те или иные исследователи рабство фундаментом греко-римской цивилизации или нет.

Как один из основных этот вопрос был разработан и в трудах М.С. Куторги - первого русского антиковеда. Этой проблеме он посвятил большую монографию - "Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике"¹. Автор ставил своей целью привести по возможности полную сводку различных античных материалов, так или иначе характеризующих рабство, а также собрать и сопоставить результаты изучения этих материалов, полученных до него.

М.С. Куторга исследовал главным образом проблему рабства в Афинах, так как, по его мнению, на примере этой республики особенно отчетливо прослеживаются характерные черты античного рабовладения.

Сам автор так писал о том, почему он обратился к проблеме рабства в классическую эпоху: "Изучение политического быта древних эллинских рабов представляет много любопытного, в особенности для нас, русских, так как в общем положении сих рабов оказывается чрезвычайное сходство с положением бывших в России крепостных"².

Михаил Семенович отмечал, что "едва ли даже верно название раб, которое невольно приводит к мысли о неграх Средней Африки"³. Следует отметить, что М.С. Куторга был одним из первых, кто опроверг и аргументированно доказал, что распространенное в 30 - 40-х гг. XIX в. мнение о сходстве античного и плантационного рабства совершенно необоснованно. Однако, по его мнению, не следует сравнивать рабов и с наемными рабочими капиталистических предприятий (как утверждали впоследствии некоторые ученые), так как это разные категории⁴. В настоящее время большинство исследователей в своем отношении к положению рабов в Аттике стоят на позиции, которая наиболее близка к мнению М.С. Куторги.

М.С. Куторга, будучи страстным сторонником афинского государственного устройства, несколько идеализировал положение рабов в Аттике V - IV вв. до н.э. в сравнении с другими республиками. В частности, автор сравнивал условия существования илотов в Спарте (которых он считал рабами) с условиями рабовладения в Афинах, разница между которыми была наиболее ощутима. И все же М.С. Куторга, предвосхитив многих исследователей нового и новейшего времени, пришел к выводу о том, что главная тяжесть положения рабов была не в физическом их угнетении, а в морально психологическом отношении - в том, что за ними не признавались права человеческой личности. К такому же заключению пришли и многие современные исследователи⁵.

Среди проблем, которые привлекали внимание антиковедов как XIX - начала XX в., так и современных ученых, одним из важных является вопрос о ко-

личестве рабов в Афинах V в. до н.э. Не оставил без внимания эту проблему и М.С. Куторга. Рабов он рассматривал как "людей, составлявших самую многочисленную часть населения Древней Греции"⁶. По вопросу о численности рабов автор обратился к данным переписи населения, проведенной Деметрием Фалерским в конце IV в. до н.э. Исходя из ее сведений, в Аттике проживала 21 тысяча граждан, 10 тысяч метэков и 400 тысяч рабов. Однако, по словам М.С. Куторги, "это число изумляет своей умеренностью"⁷. Он считал, что количество рабов в Афинах было гораздо больше.

Долгое время данные переписи Деметрия Фалерского принимались на веру. Первым, кто решительно отверг сообщение об огромной численности рабов в Афинах, был Ю. Белох⁸. Он доказал, что надежного прямого сообщения о количестве рабов в Афинах V в. до н.э. (и позднее) у нас нет.

В настоящее время ученые высказывают самые различные предположения о числе рабов в Аттике. Так, по мнению американских историков, рабы составляли примерно 1/3 населения Аттики⁹. Согласно данным английской исследовательницы Р.Л. Саржет, 71-91 тысяча¹⁰. Таким образом, все современные историки считают, что в V в. до н.э. рабы составляли от 25 до 50% жителей Аттики, то есть полностью отрицают фантастически преувеличенные данные о рабах переписи Деметрия Фалерского. Следовательно, утверждение М.С. Куторги об огромном количестве рабов в Афинской республике не согласуется с современными историческими представлениями.

В своем исследовании рабства в Аттике М.С. Куторга пришел к выводу, что оно составляло основу хозяйственной жизни древних греков и что труд невольников преобладал над трудом свободных граждан. "Во всех как ремесленных заведениях, так и разного рода заводах находились постоянно рабы. ...Сами же граждане чтит науку, литературу... но пренебрегали ремеслами, и средства к достижению сих благ получали через рабов"¹¹. Граждане, по его мнению, пренебрегали и земледелием так же, как ремеслом, видя в них рабское, недостойное гражданина занятие.

Вопрос о степени применения рабского труда до сих пор является одним из самых дискуссионных. Так, еще до того, как были опубликованы труды М.С. Куторги, А. Валлон, считавшийся самым крупным исследователем в этой области, утверждал, что базой античной экономики являлось рабство¹². Эту точку зрения разделяло и большинство ученых-марксистов вплоть до 80-х гг. XIX в. Гипотеза о господствующей роли рабства среди других древних форм эксплуатации дольше всего держалась в отечественной историографии, но была отвергнута позднейшими исследованиями¹³. Столь кардинальное изменение взгляда на данный вопрос произошло, вероятно, в связи с вновь возросшим интересом к проблеме греческого полиса (впервые поставленной в отечественной науке М.С. Куторгой). Известно, что основу полиса составляли именно свободные граждане, владевшие землей и занимавшиеся сельским хозяйством. Труд свободного афинянина на своей собственной земле был одной из тех почетных обязанностей гражданина республики, которые отделяли его от метэков и рабов. А так как основой экономики Аттики было именно земледелие, следовательно, труд свободных граждан ни в коей мере не мог быть вытеснен рабским. Таким образом, это положение полностью опровергает утверждение

М.С. Куторги о том, что в основе экономической жизни республики было рабство.

В труде М.С. Куторги о рабстве, пожалуй, наиболее удачно разработанным является раздел, где он исследовал категории афинских рабов. Автор дал очень подробную характеристику каждому разряду рабов, описал сферы применения их труда. В современной, имеющейся в нашем распоряжении научной литературе, более фундаментального изучения этого вопроса, на наш взгляд, нет. Поэтому при отсутствии новых аналитических оценок сложно судить о том, насколько исследования М.С. Куторги сфер применения рабов в Аттике V - IV вв. до н.э. соответствуют исторической действительности.

Интересным, на наш взгляд, является то, что М.С. Куторга увидел преемственность отдельных религиозных функций эллинского культа православной церковью именно в использовании общинных рабов в качестве дьяконов - помощников иренея (т.е. священнослужителя), кириков - провозгласителей священнодействий. Он писал: "Народные обычаи долговечнее событий; падают республики и империи, преобразуется мир и возводятся общества с новою духовною жизнью и с христианским вероисповеданием, а обычаи не умирают"¹⁴. М.С. Куторга, таким образом, проводит аналогию между помощником священнослужителя греческого языческого культа (функции которого выполняли рабы) с дьяконами православной христианской церкви.

В целом работы М.С. Куторги - это огромный вклад в развитие антиковедения и, в частности, в изучение классического рабства. Несмотря на то, что новейшие исследования не всегда подтверждают выводы автора, нельзя не отметить, что он точнее и ближе подошел к отражению исторической реальности в сравнении с его предшественниками и современниками. Проведенный им анализ сообщаемых древнегреческими авторами данных, а также сделанные на этой основе заключения позволяют нам отнести исследования М.С. Куторги по этой проблеме к числу лучших работ антиковедов XIX в.

Примечания

¹ Куторга М.С. Собр. соч. СПб., 1894. Т. 1. С. 153-560.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 161.

⁴ См.: Мейер Э. Рабство в древнем мире. М., 1907. С. 55.

⁵ См.: Андреев В.И. Структура частного богатства в Афинах V - IV вв. до н.э. // ВДИ. 1981. N 3. С. 22-42; Штаерман Е.М. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. N 4. С. 25-44.

⁶ Куторга М.С. Указ. соч. С. 461.

⁷ Там же. С. 462.

⁸ См.: Доватур А.И. Рабство в Аттике VI - V вв. до н.э. Л., 1980. С. 31.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ См.: Маринович Л.П. Греция в V в. до н.э. // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 275.

¹¹ Куторга М.С. Указ. соч. С. 183.

¹² См.: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1948. С. 490.

¹³ Тюменев А.И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. Т. 2. Расцвет и кризис демократии. Пг., 1922. С. 300; Грейс Э.Л. Что такое раб, и Искусство управления "людьми" // ВДИ. 1970. N 1. С. 50.

¹⁴ Куторга М.С. Указ. соч. С. 358-359.

И.В. Меланченко

Роль аристократии в процессе становления демократии в Афинах ("темные века" и период архаики)

Греческая демократия (и афинская в частности) есть продукт определенного исторического развития. Одним из важнейших факторов, вызвавших к жизни такое явление, как афинская демократия, следует, на наш взгляд, признать соперничество знатных родов за власть. Перефразируя известное выражение Ф. Вольтера о том, что свобода в Англии родилась из споров аристократии и королевской власти¹, мы бы сказали, что свобода в Афинах в значительной степени родилась из споров знатных родов за власть и влияние.

Проследим роль аристократии в политической истории гомеровской и архаической Греции. Отправной точкой нашего исследования стали "темные века", или "Гомеровская Греция"², поскольку мы согласны с Ф. Папазоглу, что именно отсюда и берет начало "подлинно греческая история"³. Вероятно, разрыв в развитии микенской и гомеровской Греции был весьма значителен⁴. Вместе с тем исследователи отмечают, что община испытала определенное влияние социально-экономической структуры микенского общества, благодаря чему в период "темных веков" появляются зачатки частной собственности на землю, выделяется ойкос - автономное хозяйство малой патриархальной семьи⁵. В то же время сохраняется общинная собственность на землю. Ю.В. Андреев справедливо полагает, что "исходная форма греческой цивилизации", ее "генетический код" были найдены именно в этот период⁶.

Социальная структура гомеровского общества представляла собой достаточно сложную систему. Хотя нет основания говорить о сложившихся сословиях или тем более классах, правовые различия в положении аристократии и других слоев населения были все же существенны⁷. Э.Д. Фролов пишет, что "у Гомера уже отчетливо выступает ведущее, господствующее положение знати во всех сферах жизни"⁸ и называет гомеровский протополис аристократическим. После крушения дворцовой культуры на политическую авансцену выдвигается до тех пор весьма незаметная фигура базилея. В микенскую эпоху *basileu* являлись вождями родовых общин и были подчинены дворцовым центрам⁹. После гибели микенских центров базилеи приобретают гораздо большую власть как вожди соседско-родовых общин, опорным пунктом которых являлся укрепленный поселок - полис. Интеграция мелких семейно-родовых общин в более крупные образования, полисы, является одной из основных тенденций развития

послемикенской Греции¹⁰. Одним из путей этого процесса был синойкизм - сселение членов первичных общин в один полис. По этому пути шло развитие Афин (синойкизм Тесея). Внутри полиса вожди влившихся в него общин образовывали правящую аристократическую элиту басилеев. Отсюда множественность носителей этого титула в гомеровском полисе¹¹.

Ю.В. Андреев ставит под сомнение традиционную схему политического развития "от монархии к аристократии", он полагает, что гомеровская Греция не знала монархии как формы правления. По его оценке, нормальным состоянием греческого общества в эту эпоху была борьба всех против всех. Прежде всего это была борьба за власть и влияние между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им почести. Исход борьбы родовых группировок во многом зависел от того, на чью сторону встанет демос. К концу гомеровской эпохи постепенно расшатываются жесткие формы гентильной организации, увеличивается социальная мобильность демоса, высвобождающегося из-под опеки знатных родов. В этих условиях должны были измениться и способы воздействия знати на рядовых общинников, методы управления ими. Главной ареной борьбы за демос, как отмечает Ю.В. Андреев, стала агора, а само собрание превратилось в своеобразный агон знатных родов и фамилий. Хотя аристократия выступала как "правящая элита", она не была консолидирована. Ее бесконечные распри, борьба за власть, все более частые обращения к демосу создавали почву для зарождения демократического движения¹².

Заметим, что роль знати и, соответственно, накал борьбы в ее среде были, вероятно, выше в Афинах, чем в целом по Греции, в силу следующих причин. Как сообщает Фукидид, в древние времена вследствие войн наиболее могущественные и знатные из эллинов переселялись в Аттику, "становясь тотчас гражданами" (Thuc. 1.2, 6). К.М. Колобова отмечала, что в период "дорийского завоевания" и широких миграционных движений Аттика, не затронутая этими процессами, стала местом убежища ахейских эмигрантов, в первую очередь знати¹³. Кроме того, вспомним, что синойкизм Тесея предполагал в первую очередь сселение знатных родов.

Таким образом, концентрация знати в Аттике достигла значительной степени. Здесь было сосредоточено 87 знатных родов¹⁴, причем аристократы жили, как правило, в городе¹⁵, и потому "борьба всех против всех" должна была принять здесь особенно ожесточенные формы и иметь особенно значительные последствия.

Для лучшего понимания мотивов этой борьбы обратим внимание на то, что древнегреческому обществу (по крайней мере от гомеровского до классического периода) было присуще чрезвычайно развитое агональное, соревновательное начало¹⁶. Недаром грек архаической эпохи характеризуется даже как "агональный человек". Причем, как пишет А.И. Зайцев, "элемент соперничества может получить в психологии борющихся относительно самостоятельное значение"¹⁷, то есть вне зависимости от вытекающих из победы преимуществ и выгод. Такой элемент "немотивированного соперничества" играл также значительную роль и в политической жизни. Многочисленные примеры подобного рода соперничества мы находим у Плутарха в описании взаимоотношений видных деятелей

афинской демократии. Анализируя ход противоборства знатных родов, К.К. Зельдин отмечал, что вряд ли каждый из них занимал принципиальную политическую позицию, основное содержание этого противоборства - борьба за власть¹⁸.

В контексте непрекращавшейся борьбы за власть вполне логично выглядит эволюция тех высших должностей в Афинах, на которые избирались из среды знати. По свидетельству Аристотеля, первоначально существовала должность царя, затем к ней были добавлены полемарх и архонт. "Сначала должностные лица правили пожизненно, а впоследствии в течение десяти лет" (Arist. Ath. Pol. II. 3). Позднее этот срок сократился до одного года. Наконец, коллегия архонтов была расширена до девяти человек за счет включения в ее состав шести фесмофетов (Arist. Ath. Pol. II. 3). Очевидно, что причина расширения номенклатуры должностей - борьба за власть среди знатных родов.

Чтобы лучше понять положение и роль аристократии, характер взаимоотношений знати и демоса, состояние и уровень развития самого общества, рассмотрим два эпизода из истории архаических Афин: Килонову смуту и так называемую борьбу партий в начале VI в. до н.э.

Заговор Килона ученые датируют по-разному. Одни относят это событие к 20 - 30-м гг. VII в. до н.э.¹⁹, другие - к 640 г. до н.э.²⁰ Э.Д. Фролов считает, что попытка захвата власти Килоном вызвала всплеск народного недовольства и "развязала политическую активность демоса"²¹. К.М. Колобова и Л.М. Глускина, напротив, отмечали, что это событие не затронуло интересы афинского демоса, так как главное его содержание - борьба за власть аристократических родов²². Того же мнения придерживался С.И. Радциг, который подчеркивал, что в данном случае столкнулись интересы двух знатных родов - Алкмеонидов (представители которых были в тот момент архонтами) и Ликомидов, к которым принадлежал Килон²³. Для подавления мятежа Алкмеониды стянули в город зависимое от них население близлежащей округи. Но при затянувшейся осаде Акрополя, где укрылись Килон и его сторонники, крестьяне, "утомленные осадой" (Thuc. I. 126, 8), разошлись по домам, предоставив возможность решить все архонтам - лицам, как считал С.И. Радциг, более заинтересованным.

Мы видим, что борьба знати за власть существенно не затрагивала интересов демоса. Демос не мог выступить в качестве самостоятельной политической силы, поскольку не представлял собой чего-то единого, некой "социальной совокупности"²⁴. Об этом мы можем судить на примере борьбы трех партий в Атике начала VI в. до н.э. - паралиев, диакриев и педиэев. К.К. Зельин предостерегал от того, чтобы подводить под деление Атики на Паралию, Диакрию и Педиэю социально-экономическую основу²⁵. Он подчеркивал, что экономическое развитие Атики не было настолько велико, чтобы можно было говорить об экономической дифференциации трех областей. К.К. Зельин полагал, что в борьбе партий не стоит видеть (как это делали некоторые ученые²⁶) столкновения интересов торгово-ремесленных кругов (паралии), беднейших слоев (диакрии) и традиционных землевладельцев (педиэи). Преобладающим занятием во всех трех областях оставалось, как считал исследователь, земледе-

лие. К.К. Зельин делал вывод, что "в основе трех партий приходится признать соперничество знатных родов из-за власти"²⁷.

Простатами трех областей Аттики были Ликург, Мегакл и Писистрат. Используя традиционно сложившиеся отношения зависимости, они вовлекли зависимое население трех частей Аттики в междоусобную родовую борьбу и опирались на его поддержку.

Таким образом, для этого периода у нас нет оснований говорить о демосе как о консолидированной, сплоченной социальной общности, осознающей свои интересы, занимающей принципиальную политическую позицию и противопоставляющей себя знати. По-видимому, эти качества демос приобрел позже. Но втягивание демоса в политическую борьбу не прошло для него бесследно.

В процессе формирования полиса менялась социальная структура афинского демоса, менялись и методы борьбы за власть. Первым, кто смог выйти за региональные рамки и стать простатом всего демоса, демоса как "социальной совокупности", был Писистрат²⁸. Опираясь на поддержку демоса, он пришел к власти (Arist. Ath. Pol.14,1). В дальнейшем мнение большинства гражданского коллектива становится все более веским аргументом в политических спорах знати. Апеллируя к демосу в поисках его поддержки, используя при этом демагогические приемы и политические подачки, представители знати тем самым способствовали росту политического значения демоса и вовлечению его в управление государством.

Итак, на протяжении гомеровского и архаического периодов мы видим, что борьба знатных родов за первенство и власть, втягивание в эту борьбу демоса подготавливали почву для широкого демократического движения, способствовали росту политического самосознания демоса.

Примечания

¹ См.: Вольтер Ф. Философские сочинения. М., 1988. С. 98.

² Датировка может варьироваться; мы принимаем датировку Ю.В. Андреева - XI - начало VIII в. См.: Андреев Ю.В. К проблеме послемикенского регресса // Вестник древней истории (в дальнейшем - ВДИ). 1985. N 3. С. 23.

³ Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности в истории Микенской и Гомеровской Греции // ВДИ. 1961. N 1. С. 34.

⁴ См.: Папазоглу Ф. Указ. соч. С. 36; Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 114; Он же. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 3.

⁵ См.: Андреев Ю.В. К проблеме... С. 25. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 61.

⁶ Андреев Ю.В. К проблеме... С. 27.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 70.

⁹ См.: Андреев Ю.В. Раннегреческий полис... С. 66; Папазоглу Ф. Указ. соч. С. 31.

¹⁰ Андреев Ю.В. Начальные этапы... С. 10.

¹¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис... С. 67.

¹² Там же. С. 69, 107, 109.

- ¹³ Колобова К.М. К вопросу о возникновении Афинского государства // ВДИ. 1968. N 4. С. 47, 49.
- ¹⁴ Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964. С. 117.
- ¹⁵ Радциг С.И. Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений) // ВДИ. 1964. N 3. С. 8; Зельин К.К. Указ. соч. С. 117.
- ¹⁶ Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции в VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С. 78-84; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁷ Зайцев А.И. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁸ Зельин К.К. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁹ Радциг С.И. Указ. соч. С. 5.
- ²⁰ Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки по истории Древней Греции. Л., 1958. С. 111; Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 179.
- ²¹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 111.
- ²² Колобова К.М., Глускина Л.М. Указ. соч. С. 112.
- ²³ Радциг С.И. Указ. соч. С. 8, 9, 11.
- ²⁴ Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 195.
- ²⁵ Зельин К.К. Указ. соч. С. 165-166.
- ²⁶ Колобова К.М., Глускина Л.М. Указ. соч. С. 123.
- ²⁷ Зельин К.К. Указ. соч. С. 115.
- ²⁸ Там же. С. 132; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 193.

О.А. Селиванова

Опека и попечительство в семейном праве Древнего Рима

Институт опеки (*tutela impuberum*) являлся важнейшей частью классического римского права. По определению М.Х. Кутыза, "опека и попечительство - это правовой институт, служащий для восполнения отсутствующей (опека - *О.С.*) или ограниченной (попечительство - *О.С.*) дееспособности лица посредством соответствующих действий других, специально назначаемых лиц, способных к сознательным волевым актам, - опекунов или попечителей"¹. Критерием применения опеки или попечительства являлся возраст: опека (*tutela*) устанавливалась над несовершеннолетними детьми и приравненными к ним женщинами, попечительство (*cura*) - над юношами от 14 до 25 лет, душевнобольными и расточителями.

Условия опекунского права были следующими:

1) возраст опекаемого не должен превышать 14 лет (однако на практике он нередко достигал 25 лет, если опека вызывалась соответствующими обстоятельствами /*cura minorum*/);

2) опекаемый должен иметь собственное имущество;

3) он должен быть *persona sui iuris*.

"Опекун и попечитель различались по характеру их функций: опекун (если подопечному до 7 лет) сам совершал необходимые действия, направленные на сделку; в других случаях опекун выражал свою волю в определенной форме в

момент заключения договора подопечным; попечитель мог дать неформальное согласие на сделку до и после ее совершения"².

Существовало три принципа назначения опекуна и три соответствующих им вида опеки:

- 1) опекун назначался по завещанию - *tutela testamentaria*;
- 2) опекун назначался по родственным связям - *tutela legitima*;
- 3) опекун назначался решением государственного органа - *tutela dativa*.

В Риме существовал институт преимущественного права защиты находившихся под опекой несовершеннолетних лиц (*restitutio in integrum*), суть которого заключалась в следующем: "... если права такого лица были невыгодны по сравнению с теми, что он имел до опеки, то названный институт аннулировал такие права и восстанавливал прежние"³.

В Риме издавна существовал иск о возмещении стоимости растрченного имущества подопечного недобросовестным опекуном. В классический период "преторским эдиктом была установлена ответственность опекуна за ведение дел подопечного"⁴: были введены специальные иски (*actiones tutelae*), один из которых (*actio tutelae directa*) был направлен не только против недобросовестного опекуна, но и против его наследников, а другой (*actio tutelae contraria*) служил интересам опекуна (для возмещения затрат, связанных с опекой).

Примечания

¹ Кутыз М.Х. Римское частное право. М., 1995. С. 68.

² Там же.

³ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 99.

⁴ История государства и права зарубежных стран. М., 1988. Ч. 1. С. 133.

М.С. Шокина

Вещное право в Древнем Риме

Основным правовым институтом при любой правовой системе является право собственности, которое юридически оформляет существующие производственные отношения. Нормальное функционирование правового института собственности во многом определяет нормальное функционирование государства.

Право собственности в Древнем Риме - это один из трех институтов вещного права наряду с институтами владения и прав на чужие вещи. Римские юристы тщательно и глубоко исследовали общественные отношения собственности, о чем свидетельствуют их многочисленные трактаты и высказывания. Само вещное право - это, по сути дела, широкий взгляд на право собственности.

Владение (*possessio*) в римском праве было тем отношением, на почве которого исторически складывался институт права собственности. Институт владения закреплял фактическое распределение вещей. Это выражалось в том, что единственным законным владельцем признавался сам собственник, но в то же время римское право фиксировало и случаи незаконного владения, отмечая, что

человек мог стать незаконным владельцем не по своей вине и воле, а, например, в случае приобретения им вещи от несобственника, выдавшего себя за собственника (такой незаконный владелец признавался добросовестным), или по своей воле, соглашаясь со своим статусом незаконного владельца как в случае кражи им вещи (такой незаконный владелец признавался недобросовестным). Эта тщательная проработка всех конкретных жизненных обстоятельств указывает, по мнению проф. И.А. Покровского, на культурное правосознание римлян, растущее уважение человека к человеку в среде свободных римских граждан¹.

Институт права собственности сложился на основе института владения. Сама разработка частноправового понятия собственности в Риме была завершена в конце классического периода истории римского права (конец III в н.э.). Обычным обозначением для собственности стал с этого времени термин *proprietas*. В отличие от современного понимания права собственности как отношения между людьми, их группами или иными общественными образованиями римляне видели в праве собственности лишь отношение человека к вещи.

Право частной собственности в Древнем Риме давало всестороннюю возможность владеть, пользоваться и распоряжаться вещью и гарантию на защиту от посягательств на вещь других лиц. "Принципиальная позиция римских юристов - собственник может делать со своей вещью все, не запрещенное законом"².

Но все же право собственности в Риме было не абсолютным, а лишь наиболее абсолютным правом. Это объяснялось существованием прав на чужие вещи (*iura in re aliena*), которые в отличие от права собственности, дающего наиболее полную власть над вещью, являлись правом ограниченного пользования чужой вещью. Одним из таких прав было сервитутное право. Оно могло возникнуть тогда, когда определенный земельный участок не имел всех тех качеств, которые были необходимы для его нормального использования (например, не имел воды). В этом случае хозяин данного участка мог воспользоваться водой с участка соседа и последний обязан был воду предоставить. Право пользования водой соседа и являлось сервитутным правом.

Права на чужие вещи, представляя собой ограничение прав одних собственников, восполняли ущемленные права других, обеспечивая тем самым интересы всех собственников в целом. Это еще раз свидетельствует об уважении свободных римлян друг к другу.

Таким образом, вещное право Древнего Рима отражало и защищало интересы всех собственников и владельцев, реализуя тем самым на практике принцип формального равенства всех свободных лиц перед законом. В появлении этого принципа, в разработке института собственности в частности и правовой системы в целом мы видим огромную заслугу Древнего Рима перед всей человеческой цивилизацией.

Примечания

¹ См.: Покровский И.А. История римского права. Пг., 1918. С. 266.

² Косарев А.И. Римское право. М., 1986. С. 63-64.

А.В. Кишкурно

Труды античных авторов в творческом наследии Джордано Бруно

Джордано Филиппо Бруно (1548-1600 гг.) до последнего времени виделся нам как атеист, бунтарь, автор крамольных произведений с точки зрения ортодоксальной католической церкви, за что был осужден инквизицией и сожжен на костре в Риме.

Изучением творческого наследия и жизненного пути Дж. Бруно стали заниматься преимущественно с конца XIX в. Ученые Германии, Франции, Италии начали обнаруживать в его сочинениях нечто большее, чем записки вольнодумца. В России труд Бруно изучали Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, Л.П. Карсавин.

Систематически проводимых исторических исследований о Джордано Бруно в отечественной литературе нет. Преобладают труды философов. М.А. Дынский, А.Х. Горфункель, А.Э. Штекли, Я.Г. Емельянов в своих работах уделяли внимание Бруно как астроному, философу-материалисту, ученому-естествоиспытателю. Исключения, пожалуй, составляет работа Л.М. Брагиной "Итальянский гуманизм"¹, в которой Бруно включен в число видных гуманистов. Известный современный итальянский исследователь Эудженио Гарен оценивает вклад Бруно в развитие теологии. Можно утверждать, что творческое наследие Джордано Бруно до сих пор не стало объектом тщательного разностороннего изучения специалистов-историков. В существующей литературе акцентируется внимание на его учении о единстве и материальности Вселенной, критике религиозных христианских догматов. Наименее изученной продолжает оставаться тема "Бруно-гуманист", в частности, обращение Бруно к античным авторам.

Творческое наследие Дж. Бруно сохранилось не полностью (часть утрачена, часть сожжена по решению инквизиции). О существовании и содержании утраченных работ известно из упоминаний их автором в сохранившихся сочинениях. Труды Бруно являются образцом философской, гуманистической, научной мысли конца XVI в. В дошедших до нас работах Бруно отражены не только научные открытия, взгляды и теории самого мыслителя. Как истинный исследователь, он опирается на опыт и знания своих предшественников. Установлено, что он широко использовал различные труды античных авторов. Их можно подразделить на естественнонаучные, политические, теологические, философские, а также литературные, отчасти исторические. Некоторые отечественные ученые считают, что сам Бруно сделал переводы многих авторов, которых изучал: в частности, труды Аристотеля, поэмы Вергилия. Есть вероятность, что он переводил на итальянский язык, поскольку сам был одним из первых ученых, пишущих на родном языке.

Чаще всего в произведениях Бруно встречаются упоминания Аристотеля. В средние века теология использовала авторитет Аристотеля, поэтому любая критика в его адрес воспринималась как отрицание постулатов католической церкви и христианских догматов. Бруно разнolik в своей оценке Аристотеля:

он то называет его "благородным человеком", то тут же пишет: "...будучи софистом, он при помощи недобросовестных объяснений и легкомысленных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине, не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия"². Бруно считает, что "...Аристотель неубедителен в своих доказательствах"³. Более высоко Бруно оценивает вклад Платона в развитие естествознания и философии, цитируя его труды "Федон", "Кратил", "Пир", "Тимей".

Бруно, подобно многим гуманистам XVI в., почитал Цицерона и его сочинения. Произведения Бруно насыщены различными литературными примерами, стихотворными отрывками. Он восхищался литературным талантом Сенеки, Овидия, Вергилия, Апулея. Издатели "Диалогов" А.И. Рубин и Я.Г. Емельянов считают, что Бруно мог делать переводы тех отрывков "Эдипа" и "Медеи" Сенеки, которые цитируются в его диалогах. В сочинении "Пир на пепле" (1584 г.) Бруно излагает содержание поэмы "Метаморфозы" Овидия. Он много цитирует Вергилия, особенно его "Буколики" и "Энеиду". Литературным источником для сочинений Бруно "Тайна Пегаса" и "Килленский осел" (1585 г.), в которых высмеивалось духовенство, послужил сатирический роман Апулея "Золотой осел". В трудах Бруно прослеживается знание им Горация, Гомера.

Таким образом, Дж. Бруно знал многие произведения античных авторов, в том числе философские трактаты, литературные произведения, основанные на мифах и легендах. Он их упоминает, цитирует, украшает свои исследования высказываниями античных авторов, что делает его произведения сложными для восприятия. Бруно открыто и ясно излагает свои оценки взглядов древних. Он высоко оценивал их вклад в развитие науки, культуры и общества, относился к ним, как к своим учителям.

Примечания

¹ Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. М, 1977. 254 с.

² Бруно Дж. Диалоги. М., 1949. С. 279.

³ Там же. С. 351.

Н.А. Ворончихина

Семья и родственные связи средневекового купца XIV в.

В современной медиевистике уделяется значительное внимание проблемам исторической демографии. Реконструкция семейно-брачных, родственных связей в период развитого феодализма затрудняется состоянием источников. Применительно к XIII - XIV вв. их круг ограничен.

В связи с этим большой интерес представляет "Хроника" Бонаккурсо Питти¹, предназначенная для узкого круга ближайших родственников. Начало изложения относится к моменту, когда Питти был уже зрелым человеком². Так ни разу и не обратившись к детским воспоминаниям, он доводит свой рассказ поч-

ти до самой смерти: последняя дата "Хроники" - 31 июля 1429 г., тогда ее автору было 75 лет. Стиль этого источника в целом прост и носит поспешный, порой небрежный характер. Автор постоянно обрывает рассказ. Изложение ведется от первого лица. "Хроника" состоит из трех частей. Первое ее издание вышло в 1720 г. Язык оригинала латинский. Первый перевод с итальянского на русский был сделан в 1947 г. М.А. Гуковским.

Второй привлекаемый нами источник - "Пятнадцать радостей брака" неизвестного автора - датируется примерно 1380-1410 гг. Родина текста находится на Западе Франции в провинциях Пуату или Анжу. Сохранилось 4 рукописных списка, датируемых XV в. Первое издание книги появилось в Лионе между 1480 и 1490 гг. На русский язык "Пятнадцать радостей брака" впервые переведены и изданы в 1991 г.³

Оба источника отличаются большой информативной содержательностью, хотя и различны по объему и характеру.

Большой материал для изучения родственных связей содержится в "Хронике" Бонаккорсо Питти. Первые 23 страницы сочинения посвящены подробному перечислению предков автора, упоминаются более 300 имен родственников.

Число членов семей различно, в купеческо-ростовщических семьях было от двух до двадцати детей.

Из записок Питти нам известно, что он родился в 1354 г. во Флоренции, в знатной предприимчивой семье, но тогда еще не богатой. Он был женат на Франческе Альбиции, дочери влиятельного и богатого Луки Альбиция, имел от нее детей и каждого из них наделил основательным наследством и приданым. Питти подробно описывает по годам рождение своих 19 детей.

Судя по "Хронике", Питти с семьей жил во Флоренции; из всех путешествий он возвращается именно туда. Большое внимание уделяет автор своим предкам и многочисленным родственникам. Он гордится тем, что его родня занимает важные государственные посты, пользуется уважением сограждан, а некоторые родственники имеют герб.

"Хроника" Питти сообщает об имуществе членов семьи. Упоминаются "добрые и богатые земли", дома, ценная утварь.

В ходе своей деятельности, в том числе торговой, Питти много ездил. Список мест, где он побывал, занимает 13 страниц и представляет собой перечень европейских городов и некоторые комментарии. Он включает Пизу, Флоренцию, Болонью, Венецию, Геную, Авиньон, Сьену, Париж, Милан и многие другие. Ведению торговли помогали его обширные родственные связи. Об этом не раз упоминается на страницах "Хроники". Судя по перечислению городов, Питти часто бывал во Франции: только Париж упоминается около 20 раз.

Итальянские купцы и банкиры (в частности Питти) внесли вклад в историю эпохи Возрождения, оставив в наизидание потомкам дневники, записи, торговые книги. Эти источники вошли в научный оборот под названием "хроник" либо "домашних хроник". Известная нарицательность "Хроники" роднит ее с французскими новеллами "Пятнадцать радостей брака", героями которых являются средневековые горожане, духовенство, рыцари.

"Пятнадцать радостей брака" сжато и выразительно характеризуют быт средневековых горожан, в том числе купцов. Анонимный автор подробно знакомит читателя с различными ситуациями, складывающимися в семейной жизни (измены, интриги, воспитание девушек, отношение к религии, к имуществу и торговым делам и т.п.). Часто встречались повторные браки, супружеские измены были обычным делом. Существовало немало сугубо прозаических жизненных обстоятельств, делавших измены более или менее неизбежными (выбор брачной партии в большинстве случаев происходил без учета обоюдных склонностей будущих супругов, решающую роль играли либо воля старших родственников, либо желание жениха).

Большое значение имел брачный возраст. В XIV и особенно в XV в. возраст первого брака мужчин 24-26 лет, а девушек 15-21 год. Неудовлетворенность супругов браком, несоблюдение ими брачных канонов, как и критическое отношение к браку в целом, ярко показывает это сочинение.

Анализируемые источники дают возможность представить внутрисемейный микроклимат в городской торговой среде, разветвленные родственные связи, которые цементируют средневековое общество, являются важной основой для жизнедеятельности купечества.

Примечания

¹ См.: Питти Б. Хроника: Пер. З.В. Гуковской. Л., 1972.

² Упоминается год рождения Бонаккорсо - 1354. "Хронику" он начал писать в 1412 г., т.е. в возрасте 58 лет (см.: Там же. С. 22.).

³ Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV-XV веков. / Сост. Ю.Л. Бессмертный. М., 1991. 320 с.

Н.Е. Чурак

Монах-даос в традиционном Китае

Являясь неременной составляющей китайского традиционного общества, даосские монахи наряду с конфуцианскими учеными-чиновниками и обитателями буддийских монастырей долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Недостаток конкретных материалов, а также взгляд на служителей даосского культа как на "подозрительных элементов", "шарлатанов", прочно укоренившийся в Китае в начале XX в., не способствовали решению данной проблемы. Частично компенсировать этот пробел помогли произведения средневековой китайской литературы - своеобразной энциклопедии быта того времени, позволяющей воссоздать в общих чертах образ монаха-даоса, его стиль поведения и мышления, социальные корни, деятельность, отношение к нему различных слоев общества, а также роль и место в жизни страны.

Став монахом, человек порывал с внешним миром, пытался интегрироваться в новую для себя среду, адаптироваться в ней, тем более что каждый выполнял здесь совсем иные функции, чем люди в миру, надевал новую одежду и даже... менял имя. По поверью, тот, кто постигал тайны даосского учения, мог передвигаться, "оседлав облако". Так, в одном из рассказов Пу Сунлина в именах даосских монахинь главную роль играло слово "юнь" - облако, местопребывание бессмертных, в лоно которых собирался, по идее учения, всякий даос. Средневековые авторы награждали служителей даосского культа следующими именами: Цин Дао-жень ("Очистившийся от греха"), Чженьцзин ("Истинное безмолвие"), Хуэйань ("Темная обитель"), Учэнь ("Без пыли") и т.п.

Не менее поэтично звучали и названия даосских обителей: храм Осиянной доброты, монастырь Гнездящегося аиста, храм Сокровенной тайны и т.п.

Идея даосизма о достижении бессмертия нашла отражение не только в монашеских именах и названиях обителей, но и в облике монаха: даос обычно предстал перед читателем средневековых китайских произведений умудренным жизнью старцем (как и полубог-полудемон Лаоцзы, основатель даосизма).

Традиционной одеждой даосского монаха был халат, открытый у ворота, с чрезвычайно широкими рукавами и множеством складок, перехваченных над грудью длинным тонким поясом с кистями. Ряса монаха из романа "Речные заводи" была сделана из черного шелка и оторочена белой каймой¹. Головными уборам чаще всего служили платок (черный шелковый, закрывающий весь лоб до самых бровей) или желтая шапка в виде колпака. В качестве обуви могли использоваться плетеные туфли из конопли или полотняные туфли с квадратными носками. Обычными "спутниками" странствующего даоса были бамбуковый посох, колокольчик, лютня, рыбий барабанчик с колотушками, а также гадательные принадлежности (например железные четки).

Путь в даосское монашество был открыт для каждого: оно давало приют чиновникам и студентам, крестьянам, торговцам, ремесленникам. Тем не менее в монашеской среде преобладали выходцы из низших слоев общества. Китайская элита всегда старалась держать дистанцию с представителями "малого люда". Героиня романа "Сон в красном тереме", знатная госпожа Си-чунь, говорила: "Жаль, что я родилась в семье, занимающей высокое положение, и не могу стать монахиней"².

Причины ухода в даосское монашество были самые разнообразные: к принятию подобного решения человека могло подтолкнуть учение, природные наклонности, обет, наконец, волшебство; очень часто использовались чисто прагматические соображения: надежда, что, избрав такой путь, возрастает вероятность лучшего перерождения. В даосские монахи человек мог попасть и с детских лет, когда, например, его отдавали в монастырь на воспитание.

Даосский монах считал в себе самые разнообразные характеристики и стороны поведения: он злился и хохотал, избивал людей и помогал им своим волшебством, заклинал злых и добрых духов, сочинял стихи, наговаривал на других монахов, оправдывался, осуждал и т.д. Служителям даосского культа не было чуждо ничто человеческое, Монахи - герои повести "Проделки праздного дракона" - тайком покупали модные шляпы, чтобы "пощеголять и покрасоваться, наслаждаясь мирскими утехами"³. В другой повести монах-даос опорочил

монашеский сан тем, что убил одного сюэя (так в средневековом Китае именовались обладатели низшей ученой степени), забрал его серебро и скрылся⁴.

И все-таки образ даоса-праведника, целителя, добродушного, благородного человека у средневековых авторов встречался чаще.

Элемент иронии, юмора в образе даосского монаха особенно заметен в фантастических рассказах Пу Сунлина. Его монах подобен шуту, юродивому: он ворчал на князя, на влюбленных, забавлял людей тем, что тело его становилось твердым, как камень, когда он спал, его речь была комичной, он подшучивал, смеялся, ухмылялся. Настоящий шут всегда смеется над самим собой. Произнося слова о Дао, "заоблачный странник" ясно сознавал невозможность говорения о сем предмете, ибо в "Дао-дэ цзин" сказано: "Знающий не говорит, а говорящий не знает".

В среде китайского населения бытовало различное отношение к даосскому монашеству: от скептического до полностью доверительного. Монахини-женщины, оторванные от семьи и от связанного с нею регламента, пользовались в Китае скорее дурной, чем хорошей славой. Чаще всего в описаниях китайских авторов даоски представляли красавицами. Пу Сунлин замечал, что даосская монахиня Чань Юнь-ци "была так красива, что и во всем просторном мире ничего подобного нельзя было найти"⁵. Далеко не всегда красавицы монахини отождествлялись с распутницами и обольстительницами. Так, о настоятельнице одного даосского монастыря - героине повести "Удивительная встреча" - устами чиновников сказано: "Хоть и даосская монахиня, а женщина очень высоких правил и большой добродетели"⁶.

Скептицизм по отношению к даосам был широко распространен в среде ученых-конфуцианцев - привилегированного сословия Китая. Средневековые китайские авторы (а они, как правило, и составляли элиту общества) часто отзывались о "заоблачных странниках" не особенно лестно: "...многие из этой братии были истинными мошенниками, старавшимися обманом выудить чужие деньги. Никакой учености у них за душой не было, а все их ремесло было сплошным комедианством" и т.д.⁷ Это не означало, что китайская элита всегда относилась к даосам так презрительно. В рассказах Пу Сунлина монах-даос находил приют как раз у представителей верхушки общества: князей, людей из знатных родов, а также у потенциальных кандидатов в привилегированные слои - студентов. У монаха Гунь Сунь-Шэна, героя романа "Речные заводи", просили помощи разбойники из Ляншаньбо, в ставке которых находили приют люди самого разного происхождения и социального положения. С помощью волшебства этого монаха им удалось одержать победу над противником⁸. Богач Ли Цин, о котором рассказывала повесть "Путь к заоблачным вратам", "хотя происходил ... из торгового сословия, род его был славен..." (в Китае торговое ремесло считалось не очень престижным занятием)⁹. С "низами" общества Ли Цин сближала его профессия, а с "верхами" - благосостояние. Этот человек "с великим почтением относился к небожителям и ценил искусство даосов, которым готов был раздать тысячи связок монет", - так о Ли Цине говорил автор повести¹⁰. Наконец, китайские императоры были среди тех, кто благоволил даосам.

Итак, общество представляло себе монаха в двух видах: с одной стороны, это был презренный тунеядец, обманщик и смешной человек, с другой - почитаемый святитель.

Для образованного китайца образ монаха-даоса был близок еще и потому, что "заоблачный странник" воспринимался им как образ того же китайского ученого, но с определенным уклоном в религиозную мистику.

Даосское монашество как социальный институт являлось носителем очень важной для общества средневекового Китая посреднической функции.

"Наполовину иностранец" в Китае, как образно охарактеризовал его В.М. Алексеев, монах-даос - это прежде всего маргинал, посредник между государственной властью и обществом, элитой и простым народом¹¹. Даосское учение привлекало и образованные китайские "верхи" и невежественные "низы". Таким образом, служитель даосского культа выполнял роль хранителя традиционных культурных ценностей, нес сквозь века один из столпов китайской культуры - идею Дао, обеспечивая тем самым связь поколений.

Примечания

¹ См.: Ши Най-ань. Речные заводи: Пер. с кит. А.П. Рогачева: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 445.

² Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме: Пер с кит. В.А. Панасюка: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 411.

³ Прodelки праздного дракона: Пер. с кит. Д. Воскресенского. М., 1989. С. 289.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Пу Сунлин. Наваждение за наваждением: Пер с кит. В.М. Алексеева. М., 1994. С. 121.

⁶ Нефритовая Гуаньинь: Пер. с кит. А. Рогачева. М., 1972. С. 96.

⁷ Прodelки праздного дракона... С. 304.

⁸ См.: Ши Най-ань. Речные заводи... Т. 2. С. 314-334.

⁹ Прodelки праздного дракона... С. 303.

¹⁰ Там же. С. 304.

¹¹ См.: Алексеев В.М. Китайская литература: Избранные труды. М., 1978. С. 322.

Н.Ш. Каркозаивили

Оценка английским писателем Ч. Маккеем политического опыта США первой половины XIX в.

Первая половина XIX в. - примечательный период в истории Англии. Со времен революции XVII в. страна не знала такого всплеска политических эмоций. Ситуация в Ирландии, "хлебные законы", промышленные кризисы, религиозный вопрос обсуждались в прессе, парламенте, на улицах. То одна, то другая партия предлагала свои, порой прямо противоположные варианты решения накопившихся проблем. В обществе росло понимание необходимости реформировать сам механизм принятия государственных решений и, в частности,

усовершенствовать систему выборов в парламент, мало изменившуюся со времен Тюдоров. Расширение электората и изменение принципов избрания в представительный орган многим представлялись панацеей от постигших Великобританию бед.

Парламентская реформа 1832 г. рассматривалась как начало решения наболевшей проблемы. Требование ее углубления фигурировало в программах большинства сколь-нибудь заметных политических объединений. Наиболее радикальный вариант предлагали чартисты: они отстаивали необходимость введения всеобщего избирательного права для мужчин. Даже для Англии - "самой свободной страны в Европе" - это было смело. Во влиятельных политических кругах мало кто воспринял это требование всерьез. Но в среде интеллигенции оно нашло живой отклик: обсуждению возможных последствий осуществления чартистской программы посвящались статьи, исследования, общественные диспуты.

Особую значимость в этой связи приобретали сочинения английских путешественников, посетивших Соединенные Штаты Америки - страну, где принцип всеобщего избирательного права к середине XIX в. уже был реализован. Оценки этими авторами государственно-политической системы североамериканского государства, очень различные, подчас полярные, во многом отразили борьбу взглядов, идей, настроений, которая имела место в английском обществе середины прошлого столетия.

В 1858-1859 гг. США посетил Чарльз Маккей - известный английский поэт, историк, журналист. Результатом этой поездки стала его книга "Жизнь и свобода в Америке", в одной из глав которой описана политическая система американского общества. Оценки Маккея далеки от восторженных. Автор - настоящий англичанин, сторонник традиций и сложившихся порядков, убежденный в том, что "великая американская республика" не является страной, где существует столько же политической свободы для личности, как в Англии¹. Аргументируя свою позицию, он иногда явно сгущал краски, утрировал события и факты. Но в его рассуждениях присутствовали и вполне взвешенные, продуманные оценки и прогнозы, многие из которых подтвердились дальнейшим ходом событий.

Ч. Маккей не был противником всеобщего избирательного права, но полагал, что оно должно иметь границы: "Когда всеобщее избирательное право распространяется только на избрание правителя, ... оно может привести к созданию сильного правительства - как во Франции, но если всеобщее избирательное право распространяется... и на определение всего курса его политики, назначение должностных лиц, то это неизбежно ведет, как в Америке, к ослаблению правительства². Писатель отмечал, что в США не проходит и дня, чтобы не потребовалось всеобщего голосования: то для избрания простого муниципального служащего, то судьи, то членов местной легислатуры и т.д. Еще более важным являлось избрание членов конгресса и происходившие раз в четыре года выборы президента - неиссякаемый источник политической активности американцев. Такое положение вещей, по мнению Ч. Маккея, не способствовало укреплению законности и порядка в американском обществе. Напротив, чрезмерная легкость, с которой американцы могли занять любую должность, вплоть до прези-

дентского кресла, вела, с точки зрения автора, к отсутствию должного уважения к властным структурам, к государству вообще, к убежденности американцев в том, что "каждый из них при необходимости сможет быть и судьей, и присяжным, и палачом"³. В подтверждение этому путешественник упоминал о судах Линча.

В то же время доступность должностей, отмечал Ч. Маккей, вела к участию в управлении государством непрофессионалов, людей случайных и не слишком щепетильных: "Законодатели здесь оказываются нарушителями закона чаще, чем где-либо еще". Писатель пришел к выводу, что "очевидной тенденцией развития системы управления США является ее слабость и дальнейшее ослабление"⁴.

Для предотвращения полной дезинтеграции власти в США и сохранения государственности становилось объективно необходимым существование иного носителя властных полномочий - политических партий. Автор подчеркивал, что роль их в американском обществе гораздо более существенна, чем в английском. Так, в Великобритании лишь небольшая часть правящего класса была непосредственно заинтересована в ходе и результатах партийной борьбы. Подавляющая же часть населения оставалась вне активной политической деятельности. Ч. Маккей не возражал против партийной системы как одного из важнейших инструментов политики, но он категорически не принимал столь неприкрытого вмешательства партий в жизнь государства и рядовых граждан, как это происходило в США. Автор подчеркивал, что "гражданину Соединенных Штатов не позволено реализовать право на собственное мнение, если оно противоречит позиции его партии... он должен быть со своей партией по всем вопросам, ... он обязан полностью принять "платформу" партии, независимо от того, нравится она ему или нет - иначе он подвергнет себя опасности". В стране, по мнению писателя, установилась настоящая партийная тирания, не имевшая аналогов в мире. Ч. Маккей упоминал о том, что в "ходе выборов мэра Нью-Йорка партийная пресса демократов открыто заявляла, что, если партия предложит дьявола на пост мэра, члена конгресса, президента, каждый член партии должен поддержать эту кандидатуру или уйти..."⁵.

Принцип неукоснительного следования партийному курсу, по мнению писателя, пагубно отражался на состоянии законности и правопорядка в американском обществе. Если в Англии главным требованием, предъявлявшимся к должностному лицу, было безоговорочное следование закону, и при этом, по словам Ч. Маккея, никто из совершивших проступок никогда не оставался безнаказанным, то в США принцип соблюдения законов ушел на второй план, главным же являлась приверженность партийным установкам. Автор отмечал, что в американском обществе партия, победившая на выборах, на время своего правления устанавливает свои порядки, свое правосудие, часто закрывая глаза на нарушение закона, допускавшиеся членами партии. Начало правления каждого нового президента и его партии - это и своего рода начало новой эпохи в жизни государства. "Когда же президент уходит, - указывал он, - оказывается ничего не стоящей должность самого последнего служащего таможи и почтового ведомства, которые были назначены при нем, если они не уйдут в отставку вместе с ним"⁶.

Таким образом, констатировал английский писатель, принадлежность к той или иной партии играла во многом определяющую роль в жизни каждого американца. В то же время автор подчеркивал, что участие в политической деятельности американских граждан диктовалось зачастую вовсе не заботами об интересах государства. Ч. Маккей отмечал, что политикой в США занимаются те, "у кого не было достаточных сил для успешной торговли и предпринимательства, но было достаточно алчности... это люди, считавшие, что почести и награды должны по справедливости достаться тем, кто обеспечил победу кандидатам их партии, и что за победой партии должно последовать их личное продвижение". В результате, как указывал писатель, американское общество оказалось разделенным на "массу еще ожидающих власти и соответствующего вознаграждения и на тех, кто все это получил"⁷.

Одним из пунктов чартистской программы было требование выплачивать жалование членам палаты общин, что открыло бы доступ в парламент людям среднего достатка и, по мнению радикалов, сделало бы функционирование законодательного органа более действенным. Ч. Маккей писал, что этот вопрос положительно решен в США: члены конгресса получали жалование из государственной казны. Но это, по словам писателя, не сделало систему управления более эффективной, а, наоборот, способствовало "росту коррумпированности государственных структур, созданию наиболее благоприятных возможностей для расхищений и сомнительных операций различного рода". Доступ к высшим структурам власти стал открытым для широкого круга "желающих пожить-ся"⁸.

В своей книге Ч. Маккей обратил внимание и на финансовое положение партийных деятелей: как оказалось, в США их вознаграждения были намного выше, чем в Англии. Писатель пришел к выводу, что политика за океаном превратилась в один из наиболее доходных, а потому и предпочтительных видов деятельности, кормушку для массы карьеристов.

Итак, Ч. Маккей довольно скептически оценил опыт политической жизни американского общества. Он полагал, что даже в существующем виде английская политико-правовая система в состоянии обеспечить интересы граждан в гораздо большей мере. Не являясь принципиальным противником демократии, Ч. Маккей считал, что "чрезмерное" расширение избирательного права, так называемая "чистая демократия" чревата для общества весьма негативными явлениями: партийной тиранией, ущемлением законности и порядка, расколом общества и в итоге - опасным ослаблением государства. Безусловно, Чарльз Маккей - представитель либеральной интеллигенции Великобритании - понимал необходимость политических реформ. Но он откровенно не принимал радикализма чартистской программы переустройства английского общества. И в своей книге на американском материале писатель пытался показать некоторые возможные последствия ее реализации.

Примечания

¹ Maccay Ch. Life and Liberty in America. N.Y., 1859. P. 300.

² Ibid. P. 308.

³ Ibid. P. 307.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 305.

⁶ Ibid. P. 308.

⁷ Ibid. P. 306.

⁸ Ibidem.

А.А. Дегтеревская

Особенности системы разделения властей в государственном механизме США

США известны всему миру как страна с образцовой системой разделения властей в государственном механизме. Однако это не совсем так. Изначальная идея европейских мыслителей была видоизменена "отцами-основателями" американской конституции: власть, как таковая, мыслится единой, разделяются лишь властные полномочия. Таким образом, следует говорить не о трех властях, а о трех высших органах государственной власти.

Любопытно отметить, что в Конституции США идет речь лишь о двух "властях": исполнительная вручается президенту, а судебная - Верховному суду и другим нижестоящим федеральным судам. Что же касается конгресса, то он строго по букве конституции является носителем законодательных полномочий, а не обладателем законодательной власти. Вряд ли это случайность или редакционная погрешность. Скорее всего, здесь нашли свое отражение господствовавшие в то время настроения - боязнь тирании законодательной власти.

В тексте конституции сама теория разделения властей отражена лишь в общих чертах. Гораздо более тщательно разработана чисто американская идея "сдержек и противовесов". Эта система, положенная в основу организации и функционирования центральных органов государственной власти США, покоится на следующих началах.

- 1) все три ветви власти имеют различные источники формирования;
- 2) все органы государственной власти имеют различные сроки полномочий;
- 3) существует особый механизм, в рамках которого каждая ветвь власти имеет возможность нейтрализовать узурпаторские поползновения другой.

Система "сдержек и противовесов" призвана не только предупреждать диктаторские тенденции одной из ветвей власти, но и обеспечивать стабильность государственно-правовых институтов и непрерывность функционирования самой государственной власти.

Вся история американского конституционализма вращалась вокруг конфронтации законодательной и исполнительной властей. Президентская власть стремится к расширению своих полномочий, активизации политической инициативы, концентрации руководства, в то время как конгресс проявляет противоположную тенденцию. Постепенно законодательная инициатива перешла к президенту, его вето трансформировалось в вето парламента или его палат. По

выражению А.А. Мишина, произошло "переливание полномочий из одной ветви власти в другую"¹. Какова же роль судебной власти в этой ситуации? Верховный суд сам решает, стоит ли ему вмешиваться в спор. Если стоит, то он не указывает на законность или незаконность делегирования полномочий, а лишь устанавливает их объем и пределы осуществления. В любом случае решения суда носят рекомендательный характер.

Традиционная схема "сдержек и противовесов" не соответствует современному состоянию американского общества, так как сложилась совершенно новая система взаимодействия между ветвями власти, которая имеет мало общего с филаделфийской моделью. Однако хрестоматийная конституционная схема не утратила полностью своего значения.

Примечания

¹ Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1985. С. 57.

М.Н. Широкова

Историки ФРГ о крахе Веймарской республики

История Веймарской республики - одна из самых популярных тем немецкой историографии. Это был первый опыт немецкой демократии; Веймарская республика является предшественницей нынешнего немецкого государства. Обостряет интерес к истории республики ее трагическое падение и последовавшее за ним установление в Германии фашистского режима. В этой связи важно выявить причины краха республики. Центральное место занимает здесь вопрос, был ли неизбежным крах республики. Эта проблема вызывает самые разные оценки историков. Итак, был ли неизбежен приход Гитлера к власти, какие еще имелись возможности разрешения политического кризиса в конце 1932 - начале 1933 г.? Этот вопрос является самым спорным в германской историографии. Имеются две точки зрения на эту проблему.

Первой точки зрения придерживается немецкий историк демократического направления Д.И.К. Пойкельт. Он считает, что приход Гитлера к власти в начале 1933 г. был неизбежен. Автор полагает, что уже к концу 1932 г. не стало иного решения, кроме избрания Гитлера на пост рейхсканцлера и создания правительства с национал-социалистами, которое опиралось бы на большинство в парламенте. Создание президентских кабинетов было инициировано старой элитой, которая преследовала цели реставрации и создания авторитарного режима. Но, по мнению Пойкельта, уже к концу 1932 г. стало ясно, что сделать это не удастся без санкции народа. После трехлетнего правления президентских правительств, сопровождавшегося постоянными роспусками парламента, создавался "вакуум власти". Единственным решением оставалось назначение Гитлера¹.

Другого мнения придерживаются видные немецкие историки К.Д. Брахер, Г.А. Винклер и М. Броскат. К.Д. Брахер - автор множества книг и статей по истории республики. Он полагает, что решение Гинденбурга назначить Гитлера рейхсканцлером не только не было необходимым, но и просто бессмысленно. Брахер исходит из того, что радикальным партиям, и прежде всего НСДАП, удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения вследствие экономического кризиса, разразившегося в стране. А поскольку к концу 1932 г. Германия уже прошла самую глубокую черту кризиса, то решение Гинденбурга было бессмысленным. Начавшийся в Германии экономический подъем целиком был записан на счет национал-социалистов².

М. Броскат тоже считает, что назначение Гитлера рейхсканцлером не имело смысла. Национал-социалисты достигли к концу 1932 г. максимума своей популярности: получили примерно 30% голосов³.

Г.А. Винклер утверждает, что приход Гитлера к власти не был решенным делом. Президент П. Гинденбург просто мог не назначить Гитлера на этот пост. В отличие от Д.И.К. Пойкельта Винклер полагает, что вакуума власти не существовало. По его мнению, президент мог пойти на авторитарные меры, которые нарушали бы конституцию, и для этого ему не обязательно было оглядываться на парламент⁴.

Можно согласиться, что в назначении Гитлера не было необходимости. Все зависело от воли Гинденбурга, а он мог остановиться и на другой кандидатуре. На президента повлияло его окружение, и он сделал свой выбор в пользу Гитлера. Остается наиболее сложный вопрос, была ли неизбежна гибель республики. Ответить на него невозможно, не уяснив, что понимать под гибелью республики. В немецкой историографии есть два варианта определения.

Первый вариант: республика пала, когда был уничтожен так называемый "дух республики"⁵. Имеется в виду сохранение у власти коалиционных правительств, которые правили на основе поддержки парламента, а не через президентские чрезвычайные полномочия.

Второй вариант: сторонники этого варианта считают, что даже нарушение Конституции республики не означает краха демократического государства. Они полагают, что в условиях экономического кризиса выборы несут победу радикальным партиям. Возникает опасность установления диктатуры легальным путем. Демократические институты оказываются неспособными эффективно бороться против нее. Поэтому в сложных экономических ситуациях некоторые элементы авторитарного правления необходимы, если имеют целью стабилизировать обстановку. Первой точки зрения придерживается Д.И.К. Пойкельт. Он полагает, что Веймарская республика прекратила свое существование еще в 1930 г., когда ушел в отставку последний кабинет, опиравшийся на парламентское большинство - правительство Мюллера, и началась эра президентских кабинетов. Они уже не оставили никаких шансов республике и "разрушили все то, что еще осталось от республиканской конституции"⁶.

М. Броскат тоже считает, что теоретически "Веймар" пал уже после отставки кабинета Г. Мюллера в 1930 г. Но что возрождение стало невозможным, выяснилось к началу 1932 г. Демократические партии к этому времени охватил

политический пессимизм. Они стали неспособны защитить республику. В начале 1932 г. республика вступила в свою заключительную фазу⁷.

Иное мнение отстаивает Г.А. Винклер. Он считает, что республику можно было спасти. Существовала альтернатива назначению Гитлера. Ее представлял последний рейхсканцлер республики К. Шлейхер, план которого заключался в том, чтобы распустить вновь избранный парламент и отсрочить выборы в рейхстаг до октября 1934 г. Автор высказывает мнение, что его план не следует рассматривать как попытку авторитарного реформирования конституции. Шлейхер, по мнению Винклера, имел благие цели. Он хотел в отведенный срок оживить экономику и активно бороться против тоталитарных партий⁸.

На наш взгляд, нельзя утверждать, что республика была обречена. Назначение Гитлера не было единственно возможным решением. Имелась альтернатива в лице последнего рейхсканцлера К. Шлейхера. Есть основания считать, что Шлейхер намеревался спасти республику, а не установить диктатуру.

История Веймарской республики постоянно привлекала и привлекает внимание западногерманских историков. Они стараются извлечь уроки из трагического прошлого Германии.

Примечания

¹ Peukelt D.J.K. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987. S. 259.

² Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: der Weg zum 30 Januar 1933 // Die national-sozialistische Diktatur. 1933-1945. Bonn, 1987. S. 31.

³ Broszat M. Die Machtergreifung. Der Aufstieg der NSDAP und die Zerstörung der Weimarer Republik. 1984. S. 150.

⁴ Winkler H.A. Weimar 1918-1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993. S. 606.

⁵ Ibid. S. 608.

⁶ Peukelt D.J.K. Op. cit. S. 259.

⁷ Broszat M. Op. cit. S. 137.

⁸ Winkler H.A. Op. cit. S. 608.

А.В. Васильченко

Становление организации "Гитлерюгенд"

Приход нацистов к власти можно определить не только как политическую победу НСДАП, но и как социальный процесс. Он находился в плоскости главных государственных акций и определялся двумя следующими обстоятельствами, оказавшимися чрезвычайно важными для политического успеха НСДАП:

- во-первых, молодёжность "национальной революции" (главным лозунгом нацистов в 20-е гг. стала фраза: "Национал-социализм мобилизует молодёжную волю");

- во-вторых, успех тотальных претензий "гитлерюгенда" на пути к победе "национальной революции" сделал его государственной молодёжной организа-

цией. Поэтому вполне закономерно, что НСДАП совершила свой прорыв на политическом ландшафте Германии в том числе благодаря привлечению голосов молодых избирателей. Национал-социализм воспользовался внутренним кризисом Веймарской республики, что особенно тяжело сказалось на подрастающем поколении. Именно в кризисные годы республики к НСДАП вообще и к СА в частности устремились в больших количествах молодые люди и как непосредственные члены, и как избиратели. И это в то время, когда в большинство политических партий еле-еле привлекали молодежь. На тот момент исключение, пожалуй, составляла КПП, которая могла привлечь радикальные слои рабочей молодежи и партии центра, а они могли, по крайней мере, удержать объединенную часть католической молодежи¹.

Первый опыт выделения из НСДАП молодежной организации был принят в Мюнхене весной 1922 г. "Молодежный Союз НСДАП" был создан по личной инициативе Гитлера. Первый призыв в ряды данной организации был опубликован в газете "Völkische Beobachter" ("Народный обозреватель") - партийном органе НСДАП 8 марта 1922 г. Эта молодежная организация не смогла гармонично развиваться и исчезла одновременно с роспуском и запрещением НСДАП осенью 1923 г. В это же время велась деятельность такая организация, как "Национал-социалистическая рабочая молодежь". После возрождения НСДАП в 1925-1926 гг. вновь начали возникать молодежные группы партии, причем возникали они не по указанию партийного руководства, а по инициативе отдельных членов НСДАП. Одним из таких организаторов оказался Курт Грубер, создавший группу в Плауен-Фогтланде. В 1926 г. по инициативе того же Грубера произошло объединение молодежных групп НСДАП в единую организацию под названием "Великогерманское молодежное движение". Эта организация была официально признана работой НСДАП в молодежной среде на партийном съезде в Веймаре, в результате чего Грубер был назначен на пост рейхсфюрера этой организации, приглашен в руководство НСДАП и назначен референтом по молодежным делам и вопросам. Тогда же на партийном съезде по предложению Ю. Штрейхера "Великогерманское молодежное движение" было переименовано в "Гитлерюгенд - Союз немецкой рабочей молодежи". В то время членство в "гитлерюгенде" начиналось по достижении 14-летнего возраста. На тот период можно рассматривать "гитлерюгенд" как молодежное подразделение штурмовых отрядов (СА). Только этим можно объяснить то, что после Веймарского партийного съезда "гитлерюгенд" и сам Грубер были подчинены местному руководству СА. О непосредственном подчинении "гитлерюгенда" НСДАП говорит изданная в декабре 1926 г. директива, в которой говорилось, что все члены "гитлерюгенда", достигшие 18-летнего возраста, должны были стать членами НСДАП².

С самого своего рождения в 1926 г. "гитлерюгенд" был крайне экстремистской и динамичной молодежной группировкой, получившей скандальную репутацию. Сами члены "гитлерюгенда" были горды тем, что побеждали своих противников не в политических спорах, а в стычках на улицах (с самого начала члены "гитлерюгенда" проявляли крайнее презрение ко всему, что было даже отдаленно связано с интеллектуальностью). Курт Грубер непоколебимо верил в

то, что политическая программа ничего не значит в борьбе за власть, по его мнению, куда важнее сила воли и дела³.

В 1931 г. Курта Грубера на посту руководителя "гитлерюгенда" заменил Бальдур фон Ширах, который проявил себя неплохим организатором. Именно с его приходом "гитлерюгенд" активизировал свою деятельность. Начало работы Шираха как главы "гитлерюгенда" совпало с так называемым "временем запретов". Сам Бальдур фон Ширах писал по поводу своего прихода на пост руководителя "гитлерюгенда", что он приручил организацию и она стала наилучшим человеческим материалом, дававшим ежегодно 35 тысяч пополнения¹.

После запрета и упразднения СА, а вместе с ним и "гитлерюгенда" Ширах был подчинен рейхсляйтеру НСДАП, после ухода Адриана фон Рентельна со своего поста он был переведен в общее руководство по национал-социалистической работе с молодежью.

Вскоре "гитлерюгенд" был вновь воссоздан, но уже с новой структурой и централизованным руководством, тогда же к нему был присоединен "Национал-социалистический школьный союз". Изменения в структуре "гитлерюгенда" послужили причиной дальнейшего расширения данной организации. В сентябре 1933 г. из-за расширения числа его членов было принято решение о создании первичных организаций - "молодежных фабричных ячеек". Вершиной активности "гитлерюгенда" в период с 1928 по 1933 г. стал проходивший в Потсдаме с 1 по 2 октября 1932 г. "Общегерманский съезд гитлерюгенда". В этом слете, ставшем крупнейшим съездом молодежи, приняло участие около 80 тысяч человек. В течение 7 часов мимо Гитлера маршировали колонны подразделений "гитлерюгенда". Несмотря на ряд серьезных недостатков, съезд показал, что такая организованность молодежи отныне играет весьма заметную роль в политической жизни Германии. В итоге 1932 г. оказался для "гитлерюгенда" символом активной вербовочной деятельности. Развитие и деятельность "гитлерюгенда" на данном этапе можно охарактеризовать следующим образом: после учреждения на Веймарском съезде оно развивалось поначалу прежде всего как молодежное подразделение СА, но в последующем достигло максимальной независимости от штурмовых отрядов, продолжая между тем выполнять свои прежние функции, уделяя основное внимание агитационной и демонстрационной работе. Активное участие в политической деятельности "гитлерюгенда" не оставляло времени для собственно молодежной работы, не случайно он не был даже представлен в Государственном комитете немецких молодежных организаций. Не было установлено также никакой совместной работы с остальными молодежными организациями, за исключением отдельных совместных акций с некоторыми молодежными националистическими организациями⁴. Но, несмотря на то, что "гитлерюгенд" находился в сфере организованной молодежи в меньшинстве, именно он стал самой активной организацией юношества в Веймарской республике.

Примечания

¹ Klönne A. Jugend im Dritten Reich. Dusseldorf, Köln. 1982. S. 15.

² Ibid. S. 17.

³ Ibid. S. 22.

⁴ Die betrogene Generation. Köln, 1985. S. 23.

Н.В. Рябинина

Деятельность государственных и общественных организаций Ярославской губернии по защите детства в начале 1920-х гг.

Трудности первых лет существования советской власти - гражданская война, разруха, голод - порождали множество проблем, более или менее остро затрагивавших все группы населения страны. Наиболее незащищенными и уязвимыми оказались дети. Миллионных разоренных, голодающих семей не могли должным образом обеспечить своих детей, многие дети остались вовсе без попечения родителей. Подобная ситуация требовала от правительства осуществления продуманной социальной программы по охране детства.

В 1920-е гг. наиболее остро стояла проблема беспризорности. Ситуацию в стране усугублял страшный голод 1921 г. и, как следствие, волна беженцев с Поволжья, Южного Урала, ряда областей Украины. Детских домов и детских приемников было крайне недостаточно, не хватало средств на обеспечение и уже имеющихся учреждений. В июле 1922 г. при Московском отделе народного образования была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями - ДЧК МОНО. Комиссия обладала правами административного органа и была наделена чрезвычайными полномочиями. Она могла использовать всю имеющуюся в Москве сеть детских домов (по Московской губернии в 1921 г. их насчитывалось 269 со 140 тыс. воспитанников¹), а также изыскивать пути для открытия новых детских учреждений. Однако сил одних государственных организаций было недостаточно для решения столь серьезной проблемы. Вполне понятен поэтому призыв Н.К. Крупской, с которым она обратилась через "Правду" 7 марта 1923 г.: "С этой бедой надо бороться по всему фронту, тут надо напрячь все силы страны, сделать ликвидацию этой беды делом всей организованной части населения, втянуть в дело и советские органы, и женотделы, и РКСМ, и всех тех, кто может быть в этом деле полезен... Шефство над беспризорными ребятами должно стать одним из важных шефств"².

В 1922-1923 гг. при ДЧК МОНО стали организовываться специальные дружины из рабочих, студентов, медиков, чекистов, работников милиции. Над детскими домами устанавливалось шефство предприятий, советских учреждений, частей Красной Армии. Согласование и объединение деятельности общественных организаций по ликвидации детской беспризорности с деятельностью соответствующих государственных органов возлагалось на Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК, а также на местные комиссии, которые создавались при исполнительных комитетах Советов.

В Ярославле такая комиссия приступила к работе 23 января 1926 г.³ Губдеткомиссия объединяла три района по городу Ярославлю и семь уездов⁴. В ее состав входили представители губисполкома, губернского отдела народного образования, городского финансового отдела, губсуда, губернского земельного отдела, губсобеса, отдела труда, отдела работниц и крестьянок и других общественных организаций. Столь представительная организация охватывала в своей деятельности и довольно широкий круг проблем: организацию детских домов и приемных пунктов, обеспечение уже созданных детских учреждений, а также вовлечение беспризорных детей в общественно полезный труд.

Безусловно, программа по социальному обеспечению детства включала в себя не только работу с беспризорными детьми. В 1920-е гг. повсеместно создаются детские учреждения самых разных форм. Это детские ясли; детсады, работавшие по 6 часов; летние детские площадки; летние детские ясли, создававшиеся в деревнях во время посевной кампании или уборочных работ; детсады-очаги, которые работали по 8 часов и позднее были преобразованы в детские комбинаты, включавшие в себя и ясли, и детский сад; детские учреждения при заводах и фабриках. Существовали также интернатные группы для детей, матери которых были заняты в вечернее время на производстве. Иногда подобные группы создавались при детских домах. Организацией детских воспитательных учреждений занимался отдел по охране материнства и младенчества, созданный в январе 1918 г. при Наркомсобесе и переданный затем Наркомздраву. В своей работе он опирался на соответствующие подотделы местных Советов. В Ярославской губернии подотдел охраны материнства и младенчества существовал с 1919 г., а в качестве организаций, содействовавших его работе, можно назвать подотдел охраны здоровья детей, горсобес, женотделы.

К 1921 г. в Ярославской губернии существовала довольно небольшая база детских учреждений. Протоколы совместных заседаний подотдела охраны материнства и младенчества и горсобеса от августа 1920 г. свидетельствуют о том, что в 1920 г. детские учреждения в целом по губернии посещало всего 540 детей⁵. В дальнейшем количество яслей и детских садов увеличивалось: с 1920 по 1923 г. - в 3 раза, т.е. с 12 заведений до 36;⁶ а с 1923 по 1926 г. - еще в 8 раз⁷. Однако обеспечение создаваемых детских садов еще долгое время оставляло желать лучшего. Острая нехватка медикаментов, инвентаря и особенно продуктов питания приводила к частым эпидемиям и даже смерти детей. В Угличе, например, по данным Постновой, заведующей угличским уездным подотделом охраны материнства и младенчества, в 1921 г. в единственном в городе приюте находилось лишь 10 детей, поскольку из 60 детей, проживавших в нем ранее, 40 умерло⁸. О бедственном положении в плане детского питания свидетельствуют также отчеты Коллегии губернского отдела соцобеспечения: "Дети в яслях уже третий день не получают продуктов, ввиду этого приходится распустить учреждения, ибо ребенок по 12 часов не может быть голодным"⁹.

Попытки стабилизировать в стране ситуацию с детским питанием предпринимались советским правительством с 1918 г. В августе СНК принял постановление об усилении детского питания в местностях, охваченных голодом¹⁰. Это постановление обязывало местные продовольственные органы создавать особые склады для снабжения школ и приютов продуктами питания, брать на

учет все запасы продуктов детского питания и распределять их по особым детским карточкам. Тогда же СНК утвердил декрет об увеличении детского продовольственного пайка до пайка взрослых в семьях солдат. В сентябре 1918 г. детское питание было признано первоочередной задачей Советов и продорганов. Последние должны были обеспечивать продуктами питания школьные столовые, а также все питательные пункты для детей школьного возраста, не обучающихся в школах. Местным Советам предписывалось в короткий срок создать фонды детского питания путем натурального и денежного обложения населения¹¹. Обложению подлежали лица наемного труда, а также не состоящие на службе, но имеющие другие источники дохода, частные торговые предприятия, частные театры и кинематографы. В сельской местности производилось натуральное обложение в зависимости от имущественного положения хозяев. Во многих крупных городах была начата организация столовых для детей. В Ярославле к 1921 г. открылись три диетические столовые и четыре столовые в губернских городах. По подсчетам подотдела охраны здоровья детей бесплатные обеды в таких столовых в течение года получали 430 детей¹². В 1922 г. две столовые были закрыты: одна в Ярославле и одна в губернии, но общее число детей, закрепленных за оставшимися столовыми, увеличилось на 100 человек¹³. Безусловно, названные цифры были мизерными по сравнению с тем количеством детей, которые нуждались в дополнительном питании в голодные 1921 и 1922 гг.

В летнее время некоторым решением проблемы была организация загородных колоний. В 1920 г. планировалось вывезти в такие колонии 2 300 детей только непосредственно из Ярославля¹⁴. Но и это количество мест было явно недостаточным: в колонию принимались "... только дети с удостоверением врача, а не все желающие ехать и получать колониальный паек"¹⁵.

Под размещение летних колоний использовались бывшие дачи Вахрамеева, Ершова, Штуцера, Пастухова, Лопатина, Гордеева и др. Предварительно производилось обследование дач, некоторые ремонтные работы. В 1920 г. было организовано 15 колоний. Одни были оборудованы и обеспечивались лучше, другие по непонятным причинам - значительно хуже. Наиболее благоприятной во всех отношениях (лучшие педагогические силы, достаточное количество продуктов, хорошее оборудование) оказалась колония "Приютное". Но такая картина была не везде. В колонии "Палиха" из-за антисанитарных условий в августе была эпидемия дизинтерии, 4 ребенка погибли; в "Петровском" трое детей заболели чесоткой, кроме того, из-за неисправности печей в колонии случился пожар, пищу готовили в котлах под открытым небом; в колонии "Чанчук", где находилось 32 ребенка, хозяйственная и воспитательная часть лежала на плечах всего лишь одной работницы без педагогической подготовки и трех технических служащих¹⁶. Во многих колониях не было элементарных кроватей для детей - спали на полу на тонких матрацах, не было обуви, случались перебои с доставкой продуктов, "... дети по приезду голодали, считали, что их обманули в Ярославле относительно пайка, и некоторые из них бежали из колоний"¹⁷. И все же эти первые летние колонии, родоначальники будущих пионерских лагерей, были тем местом, где дети могли хоть немного окрепнуть перед следующей голодной зимой. Отдых на природе, хоть и не совсем устроенный, был, несомнен-

но, лучше голодного пребывания детей в городе чаще всего без всякого присмотра.

Социальная программа правительства по охране детства включала в себя несколько направлений. Наиболее важными в 1920-е гг. являлись ликвидация беспризорности, создание сети детских учреждений, обеспечение детского питания, а также организация летнего отдыха детей. Осуществление названных мероприятий происходило в очень сложное время, при минимальных материальных возможностях. Ряд трудностей и недостатков в работе объяснялся именно этими причинами, другие были вызваны несогласованностью действий государственных органов власти и общественных организаций, иногда пассивностью или безответственностью конкретных людей, от которых зависели детские жизни. Но, несмотря на недостатки и трудности, именно в 1920-е гг. был заложен тот фундамент, на котором позднее, уже в более спокойное время, была построена вся система социальной защиты детей.

Примечания

¹ Хмельницкая А.П. Спасенное детство. М., 1987. С. 14.

² Правда. 1923. 7 марта.

³ ГАЯО. Ф.Р-1431. Оп. 2. Д. 168. Л. 16.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 797. Л. 6.

⁵ Там же. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 123. Л. 3.

⁶ Там же. Ф.Р-1431. Оп. 1. Д. 59. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 125. Л. 11.

⁹ Там же. Д. 123. Л. 16.

¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 311-312.

¹¹ Там же. С. 364.

¹² ГАЯО. Ф.Р-131. Оп. 1. Д. 119. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 583. Л. 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 53, 60.

¹⁷ Там же. Л. 49.

С.В. Лазарев

Социально-политическая активность и религиозность крестьянства в 20-е гг. (по материалам Верхнего Поволжья)

Изучение духовного облика и социально-психологического портрета крестьянства в 20-е гг. XX века в России предполагает рассмотрение роли церкви и религии в его жизни. Эта проблема, в свою очередь, может быть расчленена на ряд аспектов.

Во-первых, представляет интерес изучение отношения крестьян к церкви и священнослужителям, состав и взаимоотношения сельской приходской общины со своими руководителями внутри общины, а также ее взаимоотношения с другими социальными общностями и организациями, существовавшими в деревне.

Возможно, во-вторых, изучение отношений, складывающихся по поводу религии в семьях крестьян, между поколениями, между мужчинами и женщинами.

В-третьих, существенным является определение внутренних индивидуальных мотивов, а также факторов социальных, влиявших на религиозность крестьян в то время.

В-четвертых, комплекс идей, традиций, представлений, составлявших религиозную культуру, усвоенную крестьянами, был своеобразным инструментом, с помощью которого крестьянин осмысливал происходившие события. Л. Февр называл это "психической оснасткой"¹. Именно этот момент хотелось бы рассмотреть подробнее.

Сообщая данные об эволюции религиозности сибирских крестьян, И.С. Кузнецов указывал на явление конверсии, то есть крайне быстрого и кардинального отказа части крестьян от прежнего мировоззрения. В то же время автор отмечал, что у таких крестьян формировалась своеобразная "атеистическая религия" - некритичная вера в вождя, власть, достижения техники и т.д.² Иными словами, происходило замещение содержания, форм при сохранении базисных, принципиальных структурных связей сознания. Это хорошо прослеживается на примере замещения церковных обрядов венчания, крещения, панихиды новыми: октябринами, гражданской панихидой, комсомольскими свадьбами. Некоторые исследователи указывают и на заимствование (самой главное не всегда осознанное) христианских традиций советской практикой демонстраций и шествий³. Процесс этот был трудным. Современник этой эволюции писатель В.В. Вересаев отмечал необходимость поиска тех обрядов, которые бы были не менее яркими, торжественными, привлекательными, чем религиозные обряды⁴.

Подобный процесс наблюдался и по отношению к образу В.И. Ленина. Формирование его культа происходило не только под влиянием пропаганды властей. Вернее, она легко легла на матрицу религиозного сознания. В Андреевской волости Костромской губернии сторож ВИКа любил поговорить о Ленине: "И в рассказах его Ленин рисуется не то пророком, не то чересчур милостивым: "Как некогда в Писании сказано Моисей вывел народ из пустыни, так Ленин повел нас из темноты рабства. Сколько он старался, сколько перенес. И в тюрьме-то, и в ссылке был... Землю у помещиков ото-брал... Народ наделил"⁵. Таким образом, фигура Ленина обретала черты пророка, подвижника, его жизнь интерпретировалась по схеме или шаблону жития святого. Сравнения Ленина с пророком, его деятельности - с подвигом находим мы и в стихотворных откликах на смерть Ленина крестьян разных возрастов, пришедших с Верхней Волги⁶.

Вместе с тем инструментарий религиозного сознания обслуживал и более сложные и противоречивые процессы. В 1920 г. в Костромской губернии была записана легенда, получившая название "Черт родился". Ее варианты впослед-

ствии был зафиксированы в Ярославской и Тверской губерниях. В ней говорится о том, что муж-коммунист изрубил иконы на дрова. Его жена бросила их в печь, чтобы сжечь. Но они не горели. "Чудо" - удивилась жена. В ответ из печки: "Чудо через три дня". Через три дня у женщины родился черт⁷. Публикатор легенды В. Смирнов вполне убедительно связывал ее появление с тяжелым положением населения в конце гражданской войны и сближал ее с апокалиптическими идеями и настроениями⁸. Интересно отметить, что население не приняло официальной версии легенды, напечатанной в газете, из которой ушел сюжет с изрубленными иконами, голосом из печки, то есть те моменты, которые усиливали религиозную окраску мотива нормального миропорядка⁹.

История христианства, идеи равенства, заложенные в доктринах раннего христианства (Нагорная проповедь), использовались для обсуждения реальных социальных и политических отношений, складывавшихся в стране. Так, автор письма из Кологривского уезда Костромской губернии с. Вожерово в 1924 г. сравнивал эволюцию партии большевиков с эволюцией христианской церкви: "То же преклонение перед личностью, каковое впоследствии может развиваться в обожествление и создание реликвий. Та же непоследовательность идеи равенства и братства, что и у служителей культа Христа"¹⁰.

В 1927 г. а Примковском районе Макаровской волости Ростовского уезда Ярославской губернии на предвыборном собрании была записана речь бывшего члена партии Цыбалова. Это пожилой человек (60 лет). Одно время им была создана коммуна, которая просуществовала недолго¹¹. В своей речи он определяет бюрократизм как "высокомерие", проистекавшее от неравенства. Достижение подлинного равенства даст возможность избавиться и от бюрократии. Православная церковь, по мысли оратора, не может обеспечить правильной веры, "проводить в жизнь равенство и братство". Этому учит лишь "живая церковь"¹². Несомненно, перед нами фигура неординарная. Эгалитарные социальные убеждения этого крестьянина сочетаются с глубокой верой.

В марте 1927 г. в Норской волости Ярославского уезда Ярославской губернии во время перевыборов Дорожаевского сельсовета некто Бузлаков, бывший член сельсовета, "сторонник Дорожаевской оппозиции", заявлял: "Говорите о социализме - какой может быть социализм, когда никакого равенства нет. Если был Христос, он действительно проводил равенство, жил с бедняками-рыбаками, а наши получают ставки не равные, ездят на автомобилях. Едят, пьют, что хотят, а мужик этого не видит"¹³. В отличие от ранее рассматриваемого выступления крестьянина, здесь, как нам кажется, вопрос о равенстве и апелляция к Христу, его жизни с рыбаками более политически заострена. История христианства здесь используется для критики отрыва "верхов" от "низов", она - идейное оформление настроения, получившего официальное название "крестьянские настроения", "ревность к городу".

Итак, религиозная культура как часть крестьянского опыта активно участвовала в восприятии крестьянами новой жизни. Она оформляла неприятие крестьянами тех или иных событий, служила способом заявления своей позиции. Для части крестьян идеи первоначального христианства подпитывали их эгалитарные установки. С одной стороны, крестьяне могли критиковать с этих позиций власть. Но, с другой стороны, их можно было направить и на разжигание

классовой борьбы в деревне. Наконец, структуры религиозного сознания сдерживали и адаптировали волну новаций, вносившихся в деревню. "Психологическая оснастка" крестьян имела большую инерционность. В этом была и ее сила, и ее слабость.

Примечания

¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993. С. 63.

² Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 20-е годы. Новосибирск, 1992. С. 25-26.

³ Ермолин Е.А. Христианская религиозная традиция и советская культовая практика 1920-1930-х гг. // Культура. Образование. Православие: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. С. 240-242.

⁴ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых. М., 1926. С. 8-9, 11, 19, 24.

⁵ Деревня на новых путях. Андреевская волость Костромской губернии и уезда. Кострома, 1925. С. 308.

⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 118. Л. 112, 369, 371.

⁷ Смирнов В. Черт родился (Творимая легенда) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 29. Кострома, 1923. С. 17.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 18. Л. 458.

¹¹ ЦХДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2883. Л. 375.

¹² Там же. Л. 376.

¹³ Там же. Д. 2722. Л. 55 об.

Содержание

И.В. Никитин. Ярославль и татаро-монгольское нашествие 1238 г.	3
А.Л. Лебедев. Взгляды Патрика Гордона на внешнеполитические проблемы России и ее участие в антиосманской коалиции 1684 г.	7
О.Г. Коротяева. Ярославль во всероссийском рынке XVII в. (к историографии проблемы)	11
С.Г. Якунина. Методика учета мануфактур в отечественной историографии.	15
Д.З. Пономарев. Шелковая промышленность Ярославской губернии.	17
С.А. Шубина. Принципы организации российской духовной миссии в Пекине.	21
О.В. Сизова. Формулярные списки дворян Ярославской губернии как источник по социально-политической деятельности дворянства на рубеже XVIII-XIX вв.	23
А.В. Борисова. Морально-нравственные нормы и правосознание государственных крестьян Ярославской губернии в первой половине XIX в.	26
А.А. Саблина. Виноторговля в Ярославской губернии в первой половине XIX в.	30
Е.Н. Старовойтова. Старообрядчество в Ярославской епархии во второй половине XIX в.	33
Н.В. Обнорская. Из истории семьи Пастуховых - крупнейших купцов Ярославля середины XIX в.	35
Ю.Б. Смирнова. Купеческое предпринимательство в ярославском табачном и мукомольном производстве в пореформенный период (60 - 90-е гг. XIX в.)	38
Е.В. Койро. Титулование в Российской империи в XVIII - XIX вв.	40
В.С. Богомолов. Военные реформы Александра II.	44
С.В. Кудрявцев. Генеалогия рода Красновых.	48
Т.Ю. Фадеева. Развитие средних и начальных учебных заведений Ярославской губернии в пореформенный период	50
Д.В. Головки. Ярославский край в трудах Императорского Вольного экономического общества	53
Н.В. Панина. "Ярославские епархиальные ведомости" как исторический источник	55
А.В. Борисов. К проблеме изучения крестьянского движения в России в 1905-1907 гг.	57

В.Б. Чулкова. Корифеи русской дореволюционной адвокатуры	60
И.В. Шильникова. Роль студентов Демидовского юридического лицея в деятельности ярославской эсеровской организации (1905-1907 гг.)	61
С.В. Холяев. Кадеты и "Северный край"	64
М.Л. Размолодин. Социальный и численный состав ярославского отдела "Союза русского народа" в 1905-1910 гг.	65
Э.В. Павлова. Итоги выборов в Городские думы и Учредительное собрание в городах Верхневолжского региона	68
М.Ю. Диунов. Семантическая типология антибольшевистских режимов периода гражданской войны в России.....	71
А.Ю. Данилов. К вопросу о характере и масштабах репрессивной политики Советского государства в период гражданской войны (на материалах деятельности Ярославской губернской чрезвычайной комиссии)	74
В.В. Саватеев. Политические настроения ярославского крестьянства в годы гражданской войны.....	77
Н.А. Куликова. Студенчество Ярославского университета в 1918-1919 гг.	79
Н.В. Соловьева. К истории Ярославского театрального техникума	81
Ю.В. Червонцева. Массовые петроградские инсценировки 1920 г.	85
А.В. Кукушкина. Подготовка первого собрания Русской право-славной церкви за границей	88
О.А. Бурова. К вопросу о кризисе хлебозаготовок в Сибири (1927-1929 гг.) (по материалам РЦХИДНИ).....	92
А.Н. Смирнов. Экономические итоги районирования Ивановской промышленной области (1929-1936 г.). Образование Ярославской области	94
Н.В. Страхова. Советско-финские отношения в 30 - 40-е гг.	97
А.С. Шестерин. Корабли основных классов дореволюционной постройки в составе советского Военно-морского флота (1917-1956 гг.)	99
Ю.В. Глазов. Ярославский Народный фронт: начало становления и деятельности.....	102
О.В. Лайтман. Верховенство закона как принцип правового государства	104
Я.В. Трофимова. Изменение управления предприятием при переходе к рынку	105

А.В. Тутариков. Народное образование Ярославской области в 1990 - 1994 гг.	108
П.В. Спорыхина. О возможностях применения когортного анализа в региональных демографических исследованиях	111
В.Н. Кузнецов. Смысл истории как историософская категория и проблема	113
А.Г. Юшков. Жречество в раннем зороастризме	115
Г.Ю. Лукьянова. Проблема классического рабства в трудах М.С. Куторги	119
И.В. Меланченко. Роль аристократии в процессе становления демократии в Афинах ("темные века" и период архаики)	122
О.А. Селиванова. Опек и попечительство в семейном праве Древнего Рима	126
М.С. Шокина. Вещное право в Древнем Риме	127
А.В. Кишкурно. Труды античных авторов в творческом наследии Джордано Бруно	129
Н.А. Ворончихина. Семья и родственные связи средневекового купца XIV в.	130
Н.Е. Чурак. Монах-даос в традиционном Китае	132
Н.Ш. Каркозаивили. Оценка английским писателем Ч. Маккеем политического опыта США первой половины XIX в.	135
А.А. Дегтеревская. Особенности системы разделения властей в государственном механизме США	139
М.Н. Широкова. Историки ФРГ о крахе Веймарской республики	140
А.В. Васильченко. Становление организации "Гитлерюгенд"	142
Н.В. Рябинина. Деятельность государственных и общественных организаций Ярославской губернии по защите детства в начале 1920-х гг.	145
С.В. Лазарев. Социально-политическая активность и религиозность крестьянст- ва в 20-е гг. (по материалам Верхнего Поволжья)	148

Путь в науку

*Сборник научных работ
аспирантов и студентов исторического факультета*

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерный набор И.Н. Ивановой
Компьютерная верстка Л.А. Кузьмичевой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 11.04.97. Формат 60х84/16.
Бумага DATA COPY. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 12,87.
Тираж 100 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано на ризографе.
ООО “РИО-Гранд”. Ярославль, ул. Чкалова, 2.